

Дмитрий
НЕНАДОВИЧ

Изд. «Мульти Медиа»

Дмитрий Михайлович Ненадович

Повесть о потерянном времени

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=415962

Аннотация

События в «Повести о потерянном времени» охватывают небольшой временной интервал, предшествующий началу строительства отечественного капитализма, и сам период бурного формирования рыночных отношений. Все события и метаморфозы человеческих характеров описаны с юмористическим акцентом, сглаживающим остроту и драматизм происходящего в стране.

Содержание

По дороге с облаками...	4
Глава 1. Возвращение	26
Глава 2. Развеселый батальон	41
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Дмитрий Ненадович

Повесть о потерянном времени

По дороге с облаками... (Вместо вступления)

Небо было беспардонно проткнуто радугой. Очень красивой, химически не модифицированной, полноценно-семицветной и арочно–выпуклой в правильной своей дугообразности. Простое же земное небо, наслаждаясь постоянством дружественного соприкосновения с безграничной вакуумной вечностью и, осознавая при этом собственную, глубочайшую в своей голубизне, но всеж-таки ограниченную верхними слоями стратосферы бездонность, ничуть не даже совсем на радужную эту беспардонность не обижалось. Какие обиды могут быть у великих? Пусть даже ограничено великих? Вообще-то обиды, конечно же, могут быть. Особенно у тех великих, величие которых кроме них самих никто не замечает. Но здесь был совершенно не тот случай. Было у этого величавого неба гораздо больше поводов на другое совсем обижаться. Ведь сколько кругом непотребства ежедневно твориться! Точнее сказать: ежесуточно сиюсекундно творится! Какие ведь только придурки с утра до ночи (а ночью еще и с утроенной энергией) в иступлении своем не стремятся нарушить гармонию нижних слоев раннего небесного тела. Одни болезненно лопатят винтами геликоптеров, другие баламутят турбинами самолетов, а третьим нижних слоев уже для паскудства своего не хватает: так и норовят они продырявить безропотное до поры до времени родное наше небушко до самой что ни на есть стратосферы. Пульнут, к примеру, понарошку какую-нибудь радиоактивную чушку, изображающую ядрёный боезаряд, и лезят потом на другом конце света по болотам с дозиметрами, ищут ее, чушку эту понарошечную. Им ведь очень важно узнать: туда ли она прилетела? И глубоко наплевать им на стонущее-проткнутое насквозь баллистической траекторией тонкое тело. А то еще, бывалыча, вдруг устремятся они в этом теле как можно больше сквозных отверстий понаколупывать. И ведь получается пока все у них. Понаколупают и вопят потом про свои успехи в мирном освоении ближнего космоса. А космос этот ближний давно уже забит банальными такими и паскудными в земном своем естестве экскрементами отважных покорителей космоса. Вся это отчаянная гнусность, наверное, ужасающе смердит под прямыми солнечными лучами. Еще бы – это ведь абсолютно незащитные экскременты. Они ведь совсем незащищены родной атмосферой. Но вон их никто не чувствует. Вакуум, однако.

И чему же тогда собственно радуются покорители? Чем гордятся они? Открытием очередного отхожего места? Весьма сомнительное достижение. Подождите, но ведь это особое, можно даже сказать, выдающиеся экскременты – это ведь продукты жизнедеятельности самих, неустрашимых в отважности своей, покорителей космоса! И как много их! А как же? Покорение – это дело ведь весьма многотрудное. Поэтому и побочных продуктов всегда так много в процессе покорения появляется. А вы сами попробуйте. Покорите чего-нибудь и попробуйте при этом ни разу обильно так не обосраться. Ничего у вас не получится. Обязательно обосретесь. С ног до головы. И уверяю вас, что это будет не единожды. Это потом, если все задуманное вам удастся, ваше отмытое до лица тело будет венчаться, светясь лучезарной улыбкой на глянцевой обложке какого-нибудь особо продвинутого журнала. А во время покорения – нет. Там все прозаичней. Если же ли это конечно действительно покорение, а не какое-нибудь запугивание ежа голой попой. И ежели это не просто запугивание, то придется вам соприкоснуться с чем-то липким и пахучим. И не всегда только со своим.

(Вспомните анекдот про генерала, осматривающего свой мундир утром после вчерашнего боя и с негодованием повествующего своему денщику: «Представляешь, Порфирий, этот поручик, этот патологический трус во время боя с перепугу мне весь мундир облевал!» «Да, да, – уныло поддакивает генералу старый денщик, – эта трусливая сволочь умудрилась вдобавок еще и в штаны вам насрать»). Так что, не расстраивайтесь – это все неприятно, конечно же, но вовсе даже не является каким-то там конфузом. Это нормальная практика экстремального освоения чего-либо доселе никому неизвестного. Такое встречается часто. Тем более в практике освоения космоса. Одно успокаивает – в открытом космосе очень трудно дышать, поэтому никто там особенно и не дышит. А раз никто особенно не дышит, значит, никто и не сможет погибнуть от всей гаммы этого страшного зловония. И даже не сможет этот «никто» никак повредить своему здоровью. А это ведь главное – быть живым и здоровым. Все остальное, как говорится, приложится.

Да, что-то опять куда-то не туда занесло... Случился вдруг какой-то эмоциональный и не продуманный совершенно срыв в обиду за Вселенную. Нервы стали ни к черту. А вот если спокойно так пораскинуть мозгами, погреметь полушариями и поразмыслить, то ничего страшного вроде бы и не происходит. В конце-то концов, ведь эти обильно гадающие покорители постоянно рискуют и как только могут честно делают свое дело. Не бескорыстно, конечно же. Получают за это покорение они немалые деньги. И видать, действительно заслуженно получают: просто так ведь, за удовлетворение собственного любопытства, платить никто не будет. Такие-то деньжищи да при рыночной-то экономике?! Да еще в период общемирового экономического кризиса?! Но нам, земным насекомым, великих этих дел с наших глубоких атмосферных низов никак не разглядеть. Даже вооружившись мощным телескопом мы можем обнаружить в прилегающем к земной стратосфере космосе лишь многочисленные и беспокойно клубящиеся кучи наспех упакованного в ненадежные контейнеры дерьма отважных покорителей космоса. А среди всей этой объемной и вонюче-клубящейся под ударами метеоритов и жесткого рентгеновского излучения мусорно-экскрементной кучи сможем мы еще разглядеть в безоблачную погоду нарезающих свои вытянутые в эллипсы орбиты пронырливые спутники-шпионы. Эти вездесущие приборы всегда почему-то очень плохо замаскированы под контейнеры с экскрементами и поэтому очень сильно выделяются на общем фоне. Во всяком случае, распознать их можно без особого труда. Но все без исключения спутники-шпионы являются очень секретными. И прочными. А иначе нельзя: очень велик у этих космических аппаратов риск угодить в плотный центр экскрементного облака и быть там раздавленным. А при этом раздавливании из спутника могут вывалиться важные государственные секреты и упасть на территорию коварного врага. Допустить этого никак нельзя. Поэтому очень прочные они, эти аморально подглядывающие и нахально фискалящие космические аппараты. И поэтому очень дорого они стоят. Может взять так всем землянам сразу, собраться где-нибудь и промеж собой договориться чтобы совсем от этих ябед отказаться? Сэкономить, к примеру, на обеспечение откупных средств для сомалийских пиратов? Или же на содержание не желающих работать палестинцев? Нет, никак нельзя. За соседями, за ними всегда ведь надо следить. Всегда за ними глаз да глаз нужен. Так спокойней. А то того и гляди, умыкнут чего тихой сапой своей под покровом коварной ночи. Кусок какого-нибудь нефтегазоносного континентального шельфа. В районе Арктики, например. Ведь как говорят на постоянно ворующей у нас газ хитрой Украине: «Тиха украинская ночь, но сало...!? Сало надо перепрятать!» И правильно, кстати, говорят. Не только говорят, но еще и действительно друг от друга постоянно перепрятывают. (И не только друг от друга. От нас тоже прячут они его. А вдруг Россия нападет и конфискует этот главный хохляцкий стратегический продукт в счет сворованного у нее газа?) Прячут хохлы в свои секретные подземные хранилища еще и другой газ – «на дурняк» у Европы отсосанный. Но не тут-то было! Мы тоже не лыком шиты – глядь на «незалежных» своими спутничьими глазами

сверху: «Ага, вон они схроны-то! Извольте-ка и газ в Европу вернуть и салом с нами расплатиться!» Но не все так просто. Они, хохлы лукавые, ведь этим салом и газом воровато спрятанным только-то и живы. Поэтому очень глубоко все время прячут. Со спутников схронов этих пока не разглядеть. А поэтому как только хохлам этим за неуплату и воровство перекрывают газовую трубу, они, недобро поминая «клятых москалив», тут же откапывают из схронов в лесу и на огородах свои вожделенные, густо посыпанные солью шматки и со свистом пускают в свои трубы заблаговременно сворованный газ из секретно-глубоких «самостийных» хранилищ. И живут себе дальше как ни в чем не бывало. Жгут, жаря свое стратегическое сало на ворованном российском газе. И ведь хорошо при этом живут паразиты: припеваючи и «москалив» ругаючи. С подобной беспардонностью надо как можно быстрее заканчивать. Чтобы не было этого любимого всеми хохлами – «на дурняк», «на шару» или еще как. Посправедливости надо бы. А вот для этого и нужны эти шпионские аппараты. И их надо непрерывно совершенствовать. Совершенствовать до тех пор, пока не начнут они надежно обнаруживать спрятанные хохлами продукты. А то ведь до смешного уже доходит – народ уже начал слагать анекдоты. В одном из них повествуется о том, как сидят наши правители на пикнике и один из них жарит на вертеле президента Украины. Другой правитель некоторое время удивленно смотрит на кулинара и говорит ему: «Ты чего так быстро его крутишь, он же не успевает как следует прожариться? Хочешь, чтобы у тебя рожа была как у этого сифилитика?» «Медленнее нельзя, – отвечает кулинар, – я уже пробовал, но ведь он, шельмец, сразу начинает угли воровать».

Вот так, сначала воруют, а потом прячут. Вот и нам надо постоянно все, что только можно перепрятывать. А как же? За нами ведь тоже постоянно следят. Вот уже и претензии по поводу арктических шельфов начали предъявлять. Почуяли возможную выгоду от возможного потепления. Но шельф, его, конечно же, перепрятать очень трудно, а вот золотовалютный резерв – очень даже легко. Можно отправить его, к примеру, туда же куда отправили нефтедоллары резервного и стабилизационного фондов. На поддержку пошатнувшейся американской экономики. А дядя Сэм потом нам за это, но за другие и то же наши деньги милостиво пришлет нам пропитанные антибиотиками куриные окорока и старое кенгурячье мясо. Все это милостиво присланное за отдельную плату потом очень быстро съедается обедневшим за последнее пятнадцатилетие населением и поэтому оно, население это, никогда и ничем не болеет. А потому как очень много оно поглощает антибиотиков. Их ведь не зря в свое время придумали. Антибиотики-то эти. Поэтому-то население и не болеет ничем. Оно просто мрет себе сразу так и со скоростью в сотню тысяч в год. И дело здесь вовсе не в неправильном питании. Это всегда так было. Еще Булгаков в свои экологически чистые времена утверждал, что проблема человека не столько в том, что он смертен, а в том, что он, поганец этот, человек, то есть, еще и почему-то внезапно смертен. Конечно же, с тех далеких булгаковских пор экология наша стала гораздо более мерзопакостной, но с точки зрения населения ничего не поменялось: оно, население, так и осталось внезапно смертным. Но, при всем при этом, народонаселение, продолжает оставаться по сути дела абсолютно здоровым до самой скоропостижной своей смерти. Стоп, стоп, стоп! Опять куда-то понесло. При чем здесь смертность населения, когда речь шла о мирном освоении космоса?

Так вот, до некоторых не доходит: почему это нынешнее освоение космоса называется мирным? Когда там, в космосе этом, в ходе его дерзкого освоения только-то химически агрессивное дерьмо покорителей и секретные спутники-шпионы роятся? Да, относительно врожденной агрессии дерьма здесь есть некоторые натяжки – мало тут мирного, а вот относительно спутников-шпионов все вроде бы понятно. Не совсем? Ну как же – они ведь, шпионы-то эти по сути-то своей очень даже мирные. Они ведь никого не обижают. Они только информируют кого надо. А эти «кто надо» уже стремятся воришек жестко наказать. Воры поэтому-то и не крадут никогда помногу, потому как знают: «Следят, гады! Уже,

наверное, засекали. Надо поскорее делать ноги». Поэтому спилят воришки какой-нибудь гектар леса и бегом с покрытой пеньками поляны, потому как знают: «кто надо» уже в пути. А как только узнают ворюги, что нет этих секретных спутников – тут такое начнется! В общем, мира тогда уже нигде и не видать будет. Все друг у друга всё разворуют. Поэтому-то и мирные они, по сути своей, эти строгие на вид спутники, что мировое добро берегут. Всегда на страже стоят они, эти могучие сателлиты нашей матушки Земли. И вреда от них никакого. Польза одна. А вот от этого, пусть даже и тщательно упакованного в специальные контейнеры дерьма отважных героев-покорителей, вред только один и отрицательные эмоции. Космос, хоть и ближний – это ведь не нуждающаяся в удобрениях пашня. И основной вред этому высотному гадюшнику, называемому ближним космосом, создает так почему-то называемая международная космическая станция. Ну какая она на фиг международная?! Этой самой «международности» там, конечно же, наплакал кот: сплошь одни янки там между иллюминаторами порхают. Ну, наших туда еще иногда, правда все же, пускают. А куда этим янкам сейчас деваться? Пока только у нас есть такие аппараты, которые до этой станции надежно долетают. И слетают с нее тоже довольно уверенно. Правда, все время как-то жестко приземляются. На кадрах с места их посадки всегда можно увидеть недовольных американских астронавтов с болезненными гримасами, потирающих скафандры в районе ушибленных при посадке копчиков. Что, не нравится, господа америкосы? Не нравится вам наша жесткость и искреннее презрение к комфорту? Тогда придумайте для себя что-нибудь получше. Только не получается у вас ведь ничего. Вот накрали вы мозгов по всему миру и придумали этим ворованным серым веществом вполне комфортные для себя челноки-«шатлы», чтобы совсем уж просто было – как на пассажирском самолете из Далласа в Финикс. Но жажда комфорта в очередной раз вас подвела, господа америкосы. Они ведь, «шатлы» эти, у вас давно уже либо разбились, либо почему-то все время ломаются еще по пути на орбиту. Летят от них, пока еще не разбившихся, всю космическую дорогу какие-то ржавые ошметки. Но иногда некоторые из этих «шатлов» как-то еще, порой до орбиты станции этой американской всеж-таки умудряются дотягивать. Дотягивают они обессиленные кое-как до станции и безвольно повисают на ней. А могучие духом покорители космоса трясутся потом всю свою орбитальную дорогу от страха, глядя в толстые станционные иллюминаторы на дырявую «шатловскую» обшивку: «Как же теперь вертаться?» И от этого-то животного страха, конечно же, происходит ускорение выделения различного рода продуктов жизнедеятельности. Вместе с ускорением непрерывно растут и объемы выделений. И, само собой, в такие тягостные минуты еще большее количество сильно разжиженных экскрементов тупо выбрасывается за борт. Гораздо большее количество, нежели это происходит в обычном штатном режиме. Но тут уже ничего не поделаешь. Как мы уже отмечали, таковы законы экспансии. Проблема в другом: дрожь ведь не позволяет проделывать отважным покорителям свои садистские эксперименты, пагубные для самых беззащитных представителей земной природы: мышей, насекомых, лягушек, амёб, микробов и вирусов. Не говоря уже о вообще беззащитных в бессловесности своей растений. В конце концов, очередное героическое покорение заканчивается в обычной будничности своей полной бесславностью: суетное латание ржавого космического корыта, судорожный выброс контейнеров с еще не остывшим экспериментально-экскрементальным материалом за борт (сейчас уже не до этого!) и торопливый побег с орбиты (до-мо-о-о-ой!). И зачем тогда туда летать-то вообще? Тратить столько пригодившегося бы и на грешной земле зеленого американского бабла? Неужели это у этих америкосов теперь такой новый вид спорта: кое-как долететь, подрожать немного, пометать экскременты, а потом, поминутно наполняя скафандр рвущимися в открытый космос фекалиями, ремонтировать дырявое корыто-«челнок» сгибаясь под порывами безжалостного космического ветерка? И при этом победителем, наверное, считается экипаж, героически доставивший на землю-матушку хотя бы одну замученную экспе-

риментами, но, не смотря ни на что, не сломленную и живую еще муху? Если это так, тогда понятно. Спорт – это ведь здоровье нации. Хотя находятся иногда отстойные такие в обрюзг-шести своей скептики, cedящие через обвисшую в слюнявости своей нижнюю губу что-то вроде того, что: «Полезь сомнительна. Вред очевиден». Но эти гнусавые-то еще, ладно. С ними как раз все более или менее, но, во всяком случае, все же хоть как-то понятно. Они за всю жизнь ничего тяжелее неполного стакана не поднимали. Не дано им этого. Чтобы значит полными стаканами. Потому как сильно ручонки подрагивают. И аргументов у них поэтому-то и нет никаких. Какие же могут быть аргументы без полного-то стакана? А вот находятся еще иной раз какие-то особо изощренные скептики. Вот у этих как раз и нет проблем со стаканом и аргументами. Они ведь вот как преподносят все, шельмецы эдакие: «Если бы спорт был полезен для здоровья, – строят они такое предположение и тут же делают из него вывод, – то все спортзалы, стадионы и бассейны мира были бы забиты евреями!» Во как! И все, услышавшие это заведомо ложное утверждение с таким вот отстойным и бездоказательным выводом, вдруг сразу начинают вспоминать: когда же они последний раз видели еврея на беговой дорожке? Или же когда попадался им на глаза еврей в канатах ринга? Вот на хоккейной площадке в последнее время даже негры начали уже появляться, а евреев как не было, так и нет. Апологеты спорта одно время возлагали большие надежды на Стива Айзермана – разочаровал. Немецкие корни у него оказывается. Так что крыть пока нечем. Но это пока, время все равно найдет этот заветный аргумент в пользу спорта и утрет нос этим продвинутым в язвительном своем беспределе скептикам.

А вдруг это все же не спорт? Вдруг это все же желание извлечь из внешне бесславных космических полетов какую-то скрытую и внутренне-солидную коммерческую выгоду? Ведь летают уже на станцию за огромные «баблосы» космические туристы. Возвращаются, правда, всегда почему-то с красными руками. Недавно все-таки выяснилось, почему же проступает у них всякий раз это загадочное покраснение. Оказывается, дело не во влиянии невесомости, как многие ученые-медики до этого думали. Все дело в том, что очень сильно бьют по рукам этих незадачливо-отважных туристов профессионально дрожащие члены экипажа. Бьют в тех всегда наступающих случаях, когда на следующий день после прилета на станцию новоявленный турист начинает чувствовать себя вполне состоявшимся и уже довольно высокопрофессиональным астронавтом. Прочувствовав все это, турист тут же пытается пожимать какие-нибудь особо понравившиеся ему кнопочки или дернуть за какой-либо особо оттопыренный тумблер. Вот тогда-то и начинают постепенно свирепеть полноправные члены экипажа, глядя на непрерывно мигающие красные лампочки пультов управления. И в этом, каждый туристический полет наступающем случае, несмотря на отчаянные в совершенно необоснованной своей обиде туристические вопли: «Я вам такие бабки плачу!» и растопыренные в негодовании пальцы, без рукоприкладства обычно дело не обходится. Но от этих горе-космонавтов-астронавтов хоть какая-то польза есть – «баблосы». А от бесплатно прокатанных на орбиту лягушек, микробов и амёб, от них-то какая коммерческая выгода? Да и выглядит все это как-то трусливо. Вот затащили бы на орбиту кого-нибудь покрупнее, например, какого-нибудь вымирающего уссурийского тигра. А еще лучше захватить с собой полноценную и разнополую парочку тигров для проверки влияния невесомости на рождаемость. И всю над этой парочкой экспериментировать, кормя ее при этом гречневой кашей с индейкой из специального тубика! Глядишь, и ряды космических натуралистов сильно поредели бы. Ну а поскольку тигров экспериментаторы стараются с собой почему-то не брать, ряды исследователей постоянно растут. Растет и количество плавающих в невесомости экскрементов.

Так что, вот такие вот мерзопакостные времена у нас нынче наступили. Просто даже как-то незаметно подкрались они к нам, времена эти. И мы ведь знаем, какое явление обычно подкрадывается к нам незаметно. Явление, выражаемое коротким, но очень емким словом.

Знаем ведь мы, как это все может быть серьезно и порой, сильно грустим в предвкушении наступления этого явления. Но только не сейчас. Ведь тут такая радуга вдруг образовалась! И никому нет от нее абсолютно никакого вреда. Это ведь, если по околонуальному – продукт тихого и безобидного такого разложения слегка хамовитых в пронырливости своей, но все же веселых солнечных лучиков! Какие тут могут быть обиды? На естественным образом разлагающихся на этой планете уже давно никто не обижается. Не таят на них попросту никакого зла. На этой планете в таких случаях уже давно принято говаривать: «О разлагающихся – либо хорошо, либо вообще ничего». В общем, с разложением на этой планете все уже давно довольно строго. И поэтому образовавшаяся как-то вдруг радужная разноцветность беспрепятственно стекала капельками по широкой дуге и с благодатью впитывалась каждой клеточкой пересохшей земной поверхности. Поверхность видимо уже была чем-то больна и поэтому сильно жаждала именно этой радужной и целительно-разноцветной влаги. Недавно шедший дождь заставлял поверхность только брезгливо морщиться. Морщась, поверхность еще острее ощущала в болезненных складках своих набухающие от дождя мегатонны гниющего мусора – продукта, если так можно выразится, развития очередной земной цивилизации. Сколько же уже их было, цивилизаций-то этих на одной и этой многострадально истоптанной и всячески попираемой поверхности! Но, справедливости ради, надо отметить, что по разному вели себя эти цивилизации. Древние бывалыча тоже сильно докучали: то каналы возьмутся рыть в самой неплодородной части этой самой поверхности, то плужком по почве туда-сюда пройдутся. А то еще возьмут и набьют всякой дичи. Но как-то деликатней все намного было, раньше-то, душевней как-то. Поцарапают, к примеру, поверхность или флору с фауной слегка потревожат, когда очень уж сильно проголодаются и молятся потом неделю вымаливая прощение у потревоженных духов и богов: «Прости нас, засранцев, премилостливый, Перуне! И ты прости нас, достопочтимый Велес! Не со зла мы! Просто очень кушать нам хочется!» Боги с духами сперва слегка прогневаются, но потом простят страждущих. Простят, ибо понимают: действительно, не со зла же они ведь, в самом-то деле, просто так они все примитивно устроены, не могут пока еще святым духом питаться. «Мы вот хоть и можем на тонкую энергетику всецело подсесть, – думали многочисленные божества, – а ведь тоже не без греха, любим и мы тож иногда мяско-то с хлебушком пожевать, когда свершаются в нашу честь различные жертвоприношения. А почему любим-то мы все это? Почему бы не отказаться от скоромного совсем? Другой энергетики-то ведь вполне хватает кругом. Вся беда в том, что уж больно она невкусная, энергетика эта. То ли дело подогретое на жертвенном огне и истекающее жирком мяско!»

Вот так-то вот. Почти мирно все было в эти древне-справедливые времена. Ну, если даже и не совсем мирно, то хотя бы естественно. А затем появились откуда-то эти поганцы, представители так у них важно называемой техногенно-индустриальной цивилизации, они ведь не желают ждать никаких милостей от природы. Далась им эта милость. Они ведь какой лозунг-то себе придумали? Простой совсем лозунг-то, но тупой ведь абсолютно в своей же простоте: «Взять их (в смысле – милости) у нее (у природы, значит) – наша задача!». Задача у них, видите ли, такая. А как, простите, милость эту природную можно взять без просьб молитвенных, обсуждения разумного количества забираемого и, наконец, получения благословенного разрешения? Без всех этих «нежностей» это ведь уже грабеж какой-то в чистом виде получается! Изуверское просто глумление над матушкой-природой. Она ведь хоть и матушка, но такого вот беспредела точно не простит. Придумает она, в конце концов, свое адекватное возмездие. А эти-то, олухи, надеются праведного возмездия-то этого каким-то чудесным для них образом как-то избежать. Надеются ускорить так у них называемый, технический прогресс и, воспользовавшись его результатами, благополучно смыться с загаженной земной поверхности. Нырнуть, так сказать, в прозрачные глубины бескрайней нашей Вселенной. Ну конечно! Это было бы для них спасением. Но не долгим. Они ведь ни в коем

случае и там, в глубинах этих, не успокоятся. Пакостить-то ведь ни при каких обстоятельствах не перестанут они и там, в просторной этой бескрайности. Ни за что! Потому что такая у них есть привычка. И привычка у них эта давняя и врожденная. А вот у далеких предков этих поганцев эта пагубная привычка была всего лишь – навсего приобретенной. Тогда ведь понятия никакого не было о приличных манерах, а пустой земли вокруг было много. В общем, не было тогда никаких сдерживающих это непотребное поганство факторов. Изгадил одно место стойбищем своим вонючим и тут же смылся на не занятую еще территорию. И так из поколения в поколение. И весь негатив просочился в гены. В итоге привычка стала врожденной. А врожденная привычка – это уже клинический случай. И очень даже похоже, что это уже безнадежно клинический случай. Впрочем, одна надежда еще только-то и остается – надежда на безупречную бесконечность эту вселенскую. А если вдруг бесконечность эта не так уж и безупречна? Может ее и нет вовсе? Страшно об этом даже подумать. Ведь тогда же уже совершенно некуда будет деться! Не спрятаться тогда уже не куда. Так и придется доживать свой скорбный век нашему потомку на одной из помоек самой удаленной от нас планеты самого ближайшего созвездия Альфа-Центавры. Доживать, в мусорной куче сидючи, и с удивлением глазючи, задравши грязную, с жидкими и слипшимися волосами безумную головушку, на обнаруженную конечность вселенной: с одной стороны мерцающие звезды безнадежно загаженных галактик, с другой стороны глухая не понятно из чего сотворенная небом черная и вязкая в склизкости своей защитная стена. Все! Приплыли. Тупик. Больше теперь загаживать нечего. А как хотелось бы чего-нибудь лучшего! Проклятые гены! Но, коль тупик, может уже пора проделать весь путь в обратную сторону? Вмешаться в порочную генетику, все за собой убирая и обустривая?

Но, до этого еще вроде бы далеко. Такой безысходный тупик – это ведь еще не скоро, наверное. Есть еще простор для поганствующего творчества. И, пока все происходящее непотребство продолжает успешно развиваться дальше. Пока не на территории всей галактики, а на многострадальной нашей планете с неброским названием – Земля. А на этой планете, как ведь всегда поступают? Очень просто и незамысловато – выдвинут какой-нибудь хищнический в гадкости своей лозунг и тащат, прикрываясь лозунгом, все подряд. И с поверхности тащат, и из глубочайших недр волокут. Флору косят, фауну истребляют. И при этом не просят в молитвах прощения ни у каких богов, а духи – те вообще уже давно вышли из моды. Ни кто им давно уже не молится. Богам еще кое-как, по великой нужде и сквозь зубы, но иногда такое случается. В такие редкие минуты из всех моленных мест только-то и слышится: «Господи дай то (крутую машину, виллу на Кипре и т. д.)! Господи дай это (воровато-доходную должность, халявную путевку на Таити и т. п.)!» Помолятся страждущие всеу и продолжают себе дальше чего-нибудь косить и истреблять. И при этом везде за собой оставляют кучи зловонного мусора: слабость на поганцев, видите ли, нападает каждый раз после совершения очередных злодеяний – с такой самоотдачей напакостят, что убрать за собой уже сил не остается. И опять же, врожденная привычка все время дает о себе знать. Проклятые предки!

А если план межгалактического побега вдруг не удастся, ну там не заладится что-нибудь с долбанным их научно-техническим прогрессом? В этом случае просто какая-то запрограммированная на самоуничтожение собственным же дерьмом цивилизация у нас в итоге получается! И вот ведь что в этой ситуации кажется обидным: все поганство и, непотребность всяческая не в ходе ведь бегства от голода происходит. Просто очень хочется всем поганцам сразу и, одновременно всем хочется удовлетворить абсолютно все свои постоянно растущие потребности. А потребности растут с третьей космической скоростью, и уж они-то точно скоро покинут пределы родной галактики. На них только-то вся надежда и осталась. Но опять же надежда-то эта – не надолго она. Это ведь только-то небольшая отсрочка неизбежного тупика.

И сейчас уже путь к тупику пребывает в самом активном своем состоянии – все когда-то начатое на отдельных участках суши непотребство творится уже повсеместно. И стираются уже в памяти те относительно недалекие времена, когда на земле жили еще строгие и принципиальные строители коммунизма, и еще встречались островки относительного экологического благополучия. На одном из таких участков земной суши с прилегающими к нему морями было даже очень еще неплохо. И сегодня можно такое уже утверждать, что даже прекрасно все тогда там было. А все это потому так было, что сдерживала неумный рост потребностей населения того благословенного участка плановая экономика. Экономика, так полюбившаяся местно-участковым тогдашним правителям. Отстойная совершенно в застойности своей, но оказавшаяся единственно правильной на все времена. И правители эти, начитавшись марксово-энгельсовских трудов, взяли просто тупо так и стали игнорировать в планах своих всяческую, хотя бы мало-мальскую возможность роста каких-либо потребностей населения этого благословенного участка. Нет, потребности населения, конечно же, всегда учитывались, но только естественные. И туалет был в доме у каждого! У кого непосредственно в доме, у кого во дворе дома. Но что бы каждая отдельно взятая семья осталась тогда без туалета?! Не было такого. (И не надо сейчас порочить родную нашу советскую действительность своими погаными языками! Были в ней, конечно же, отдельные недостатки. Ну да, мало было, конечно же, туалетов на советских улицах. А на фига они вообще, спрашивается, нужны? На наших зеленых забытых жилищно-коммунальными службами сразу же после постройки улицах-то? И широких наших вспоминаемых только по большим революционным праздникам площадях? В те заведения, которые все же кое-где были, все равно ведь нельзя было уже войти после того, как в нем побывали самые первые после открытия посетители. Только в армейском общевоинском защитном комплекте можно было туда проникнуть без особого ущерба для здоровья. Зато все это было абсолютно бесплатно. Плохо только, что в комплекте-то в этом прорезиненном вообще дырочек никаких не предусмотрено было. Потому как не для того их делали, комплекты-то эти, понимали, видать, что не до посещения туалетов уже будет во время ядерно-химической и бактериологической войны. Понимали, что во время этих войн совершенно другие проблемы будут у населения. Вот и получается, что воспользоваться клозетами нереально, а вот красоту города портят эти отстойные сооружения. Просто-таки на корню уничтожают весь созданный когда-то и кем-то великим архитектурный облик. Великий старался-старался, можно сказать всю душу в этот облик вложил, а тут на тебе – все перечеркивают такие вот убогие одноэтажно-заляпанные источающие зловоние первых посетителей чудища. Недаром в те не такие далекие еще времена эти редкие заведения народ называл не иначе как «домиками неизвестного архитектора». И недаром скрывал свое имя от народа этот неизвестный никому архитектор. Узнал бы народ – несдобровать было бы этому бездарю. А так все закончилось для него, наверное, благополучно. (Это можно только предположить, потому как имя его до сих пор остается неизвестным). Всенародного признания, конечно же, не смог добиться неизвестный архитектор в те неблагоприятные годы. Ну и ладно, зато хотя бы жив, наверное, остался он. Судьба у него, видимо, такая была. И далеко не каждому ведь так может повезти. В Питере был вот тоже какой-то архитектор. Имени своего не прятал. Не туалеты строил он. Исключительно дворцы для царей сооружал и соборы для попов и народа зодчил. В общем, благие и большие дела всегда творил. До сих пор стоят – не покачнутся даже. Монументальные просто какие-то. Так не повезло ведь ему, несмотря ни на что. Недавно об этом стало известно. На экскурсии кто-то был не так давно в Зимнем дворце, так экскурсовод поведал, что расстрелян он нынче. Экскурсовод так и сказал: «Архитектор этого дворца расстрелян!» Даже, говорят с какой-то непонятной радостью приподнёс эту информацию экскурсовод. Видать за что-то в обиде на архитектора. Наверняка какой-то производственный конфликт. Великие они ведь все конфликтные. Ну что же, и это тоже судьба такая. Что тут поделаешь?

Уже ничего нельзя тут поделывать. Но и бездельничать по жизни тоже нельзя, а поэтому надо бы ненадолго вернуться к домикам неизвестного архитектора. Мало их было. Ну, а уж если случилось вам обосраться, наконец-то, от постоянного вашего переедания мясными продуктами (а в застойное то время причина такого вот нечаянного недуга вашего могла состоять исключительно только в этом), так и сидите себе дома и щурьтесь в окошко. Нечего нигде шляться. Дома то, там же все есть! Правители обо всем загодя позаботились. Ну, а если вас по-маленькому где в пути прихватит, пивка там хлебнули лишку и все такое прочее – тоже не беда. Спасительно-маскировочные кустики и низкорослые деревья произрастали тогда повсюду и в изобилии.

И не надо презрительно ухмыляться, вспоминая те времена. Надо задать себя простой вопрос: «А сейчас чем лучше-то стало?» Туалетов вроде бы в самом начале нашего домо-рощенного капитализма открылось много. Росли в то время платные сортиры, как грибы после благоприятного для них дождика. Даже начали они одно время теснить столовые и продуктовые магазины. И войти в них в первое время их существования можно было без особого риска. Уже не надо было облачаться в малопригодный для предстоящих довольно ответственных дел общевойсковой защитный комплект. Но уже через довольно непродолжительный время появились первые ограничения. Видимо ушлые труженики отхожих мест быстро почувствовали сильную зависимость граждан от услуг повсеместно открываемых заведений, а раз зависимость сильна, то необходимость в трудозатратах резко ослабевает. И решили тогда рыцари вантусов и швабр с этим делом завязать. В смысле, с трудозатратами. Результаты не заставили себя долго ждать. Вскоре при входе в заведения надо было соблюдать предельную осторожность и делать это с обязательной прищепкой на носу. Перед входом требовалось судорожно и глубоко вдохнуть в себя большое количество несвежего городского воздуха, напрочь затаить дыхание и крепко зажмурившись вприпрыжку ворваться в вожделенное заведение. Далее, не снижая темпов своего озабоченного передвижения, коротким скупым движением сбросить запрашиваемую в алчности своей сумму служителям сего храма и быстренько так все свои дела сразу и сделать. И еще успеть на том же, но уже еще сильней спертом вздохе выскочить! Выскочить и радостно, освобождено так и шумно задышать! Так дышат подводники всплывшие на поверхность с потерпевшей катастрофу подводной лодки. Некоторым это не удавалось. Падали бездыханными еще во время оправления. Этих слабаков мы и в расчет никогда не берем. Потому как надо было не лениться и тренироваться с детства. Коль уж довелось родиться в такой большой и великой стране. Стране, не терпящей проявлений каких-либо слабостей. В общем, начало капитализма вселяло тогда в здоровую часть населения нездоровый (как впоследствии выяснилось) оптимизм. Но потом большинство этих заведений куда-то очень быстро исчезло и все вернулось на круги своя, все к той же совково-туалетной реальности, но уже за вполне капиталистические деньги (нижайшая просьба не путать количество затраченных денег с качеством предоставляемых услуг).

Ну вот, теперь стало, наконец, все, вроде бы, ясно. Прояснил, наконец, факт того, что с удовлетворением естественных потребностей в период совковости этой, ныне модно ругаемой за какую-то отстойность, выглядело все просто даже отлично. По крайней мере, вполне достойно и прилично все выглядело все это тогда. А что касается всего остального, дрожащего в низменности своих неестественных потребностей – это уже отдельная история. Эти потребности в неистребимом, до неприличия, но все же в тихом своем бунтарстве, совершали иногда робкие попытки хоть как-то подрасти и непроизвольно будоражили иногда своими наглыми притязаниями обыденное сознание населения. Но это было достаточно редко в силу того, что потребности эти были неестественными. Тем не менее даже в таких, достаточно редких случаях местные правители всегда были настороже. Выслушают они быва-лыча робкие претензии подотчетного им населения: ну там, большие очереди на машину,

в квартире народилось уже пятое поколение и хотелось бы пожить отдельно от маразматиков-предков (в общем какую только чушь и ахинею не приходилось выслушивать мудрым этим правителям!), и, строго-сдержано так, глядя в план свой прозорливо-многолетний, побуравят выпуклыми от усталости глазами мудреную свою бумагу и тут же в светлых головах их рождается очередной строгий вердикт: а вот шиш вам, глубокоуважаемые нами товарищи, нашим гениально составленным планом никакого роста ваших и без того излишних потребностей не предусмотрено. Вот, к примеру, на хрена сдалась вам эта сраная машина? С нею столько же сразу возникает проблем: гараж, бензин, пробки, аварии. Вы же вынуждены будете сразу отвлекаться от созидательного своего труда. А кто же за вас будет строить коммунизм? А для чего мы так упорно и последовательно развиваем услуги общественного транспорта? Он же уже и так всегда почти вовремя и почти бесплатно для вас? Мы уже даже кондукторов упразднили и объявление даже специально для вас повесили над бесконтрольными кассами: «Совесть пассажира – лучший контроллер!» Но мы то ведь прекрасно понимаем, что совести у вас не была никогда и сейчас нет никакой! Знаем мы, что самые не ленивые из вас билетик конечно же выкрутят, но денежку обязательно в кассу эту бросить почему-то забудут (совершенно случайно между прочим, на фоне здоровой усталости от строительства нового общества). И мы это понимаем, потому как денежка-то такая маленькая в наличности-то у каждого про запас всегда имеется. Поэтому вовсе и не жалко вам ничего. Но вот эта здоровая усталость, да еще коварная, измученная глистами в детстве память, будь она неладна! Ну, да ладно, останется, в конце-то концов, вам что-нибудь про запас! А запас – он ведь не тянет. Не оттопыривает он вам предательски глубокие ваши карманы. А мы на вас за этот запас вовсе даже и не в обиде. Так чего же тогда вам еще надо, собаки? Отдельное жилье?! А с жильем вашим пороссячьим вообще ничего не понятно нам. Дай вам каждому отдельное – опять появляется множество всяческих неудобств и отвлечений от строительства коммунизма. Этого вполне реального и справедливого общества. Вот, к примеру, только вы настроились внести какую-то особенную долю в это благородное и общечеловеческое дело, например, внедрить рацпредложение на родном своем предприятии, а тут бац и бабуля со своими старчески маразматическими капризами во внезапно возникшем, желании срочно пообщаться с казалось бы уже давно забытым внуком. А бабуля проживает очень далеко от вас, к примеру, за несколько тысяч километров. И вам приходится отвлекаться! Бросать свое производство без внедренного рацпредложения и вести сопротивляющегося внука через всю великую страну, дабы восстановить мнимо нужную и якобы исчезающую взаимосвязь поколений! И, представьте, мы все это предвидим! Поэтому-то и делаем все, чтобы собрать всех вас, единоличников, изначально вместе. Дабы не нарушить связь времен и поколений. И чтобы не тратить заработанные деньги на билеты. Пожалуйста. Все для вас. Общайтесь себе, сколько влезет. Передавайте свой десятилетиями накопленный опыт выживания в этой стране едва зародившемуся потомству. И мы вас уверяем – ваш опыт этим несмышленишам еще не раз понадобится! Мы и для этого сделаем все возможное! Отдадим всех себя этому делу без остатка!

Население всегда чувствовало в такие минуты небывалое угрызение совести. Население, оно ведь всегда верило в беззаветность служения народу своих правителей и постоянно ставило себе в пример их непоказную скромность (один всю жизнь носил потертый военный френч, другой лазил по кукурузным полям в соломенной шляпе и т. д.). Ну а раз верило и ставило в пример, то на какое-то время успокаивалось это население. А успокоившись, оно только усиливало свою бескомпромиссную идеологическую борьбу с мешанством, вещизмом, накопительством, фарфоровыми слониками и с неистребимым абы, чем обжорством (а ведь чем только не обжиралось население в то время: несколькими сортами картошки, капусты, свеклы и моркови, а иногда дело доходило даже до иваси и путасу!). В общем, начинало бороться со всеми потребительскими пороками человечества одновременно.

И не только в судьбах людских, но и в недрах земных копалась эта плановая экономика. Да еще как копалась! Будь здоров, даже как копалась! Не церемонилась совсем с недрами-то этими. Но большинство из того, что вытаскивалось на поверхность, сразу же отправлялось на подрыв западной капиталистической хищническо-рыночной экономики, для ускорения, значит, ее окончательного в неизбежности своей загнивания. Водоемы, опять же, хоть и слегка, но все же загрязняла плановая эта экономика, не любила она планировать заранее строительство очистных сооружений. Экономика-то должна ведь быть экономной. Это в перенаселенной Европе с очистными носятся все как больные. Но их то, как раз, можно понять: они ведь без очистных-то без этих на следующий день, сразу же в собственном говне возьмут и, хлюпая в гибельном восторге, мгновенно так и захлебнутся. Вот пусть и трагятся. Раз не хотят восторгов. И чтобы не мгновенно, значит. Чтобы постепенно как-то у них все это произошло. А мы вот возьмем и планово сэкономим. Нам-то зачем нужны эти затратные очистные сооружения? У нас ведь вона, какие просторы! Какие водоемы! Байкал, например. Полоумные зеленые вопят по поводу его загрязнения, а его ведь родимого и десятью целлюлозными комбинатами не засрешь. А все почему? Потому что действуют во всей этой природной шири своеобразные, так называемые, защитные механизмы естественной самоочистки (видно знала мудрая матушка-природа, с кем придется ей, в конце концов, иметь дело и решила все ж таки, хотя бы таким образом подстраховаться). Поэтому пока все будет хорошо. Нет если, к примеру, возьмем мы на себя повышенные обязательства и будем непрерывно и круглосуточно из всех своих биологических и промышленно-зловонно зияющих дыр грубо и беспринципно так, в беспределе своем попросту извращаясь, гадством этим заниматься – и то, не одно столетие надобно потратить, чтобы в дерьме-то этом можно было бы, в конце-концов, тихо так и безвольно захлебнуться! Или же даже с неподдельным восторгом захлебнуться. Это, опять же, как кому на тот момент понравится. Но нам-то на фиг, спрашивается, это все надо? Не такие уж мы, в конце концов-то, законченные дебилы, какими нас все время пытаются выставить. И в планах нашей не рыночной тогда еще экономики не было таких вот целей и устремлений. Потому-то и не было никаких апокалипсисов. Мы ведь таких далеко идущих целей перед собой и сейчас не ставим, а поэтому как-нибудь еще проживем какое-то время. И дети наши как-нибудь проживут после нас. А если и они не будут брать на себя повышенных обязательств в оглядке на нас, почти предусмотрительных, то может еще что-то и внукам с правнуками перепадет. Пусть тоже хоть чему-то порадуются, не поминая со злом нас всеуе. Даже хоть и в запале каком словесном находясь, пусть и не думают даже помянуть нас по не-доброму.

Мы-то, если так спокойненько-то и обстоятельно все обсудить, чем перед ними, молодыми этими да ранними, можем быть в принципе виноваты? Чем мы им собственно, могли не угодить-то? Мы ведь всегда бессонно старались. Накормить их старались всегда чем-то, и ведь поприличней старались все время накормить их, из того, что было на тот момент по средствам. Временами получалось даже покруче, чем путасу. И о духовном развитии не забывали. На кружки всевозможные да на секции всякие полезные водили их. Опять же, на те кружки и секции водили, которые были в то время. А было их тогда довольно много. И все были полезными. А мы втихаря радостно потирали ручки и тайно на что-то надеялись. Думали: а вдруг новый Ландау? Или Каспаров? Или же Сальников, наконец? А вдруг все же это будет обновленный Харламов или новаяявленная Пахомова? Но про меж себя, ложно скромных, – так ни-ни, ни о чем, ни о каких тайно-сокровенных помыслах. Да что вы? Как вы могли такое о нас подумать? Нет-нет, мы ведь только за здоровьем, да за развитием сюда ходим. У нас, знаете ли, особые устремления или же особые виды хронической ангины. Что это такое? Это когда ребенку постоянно хочется сделать самолет или же у него постоянное воспаление горла, причем именно такое, которое протекает на фоне общего гниения и распада гланд. А тут, вы правильно понимаете, ребенка всему научат. И как самолет смастерить,

и как ракету на скорую руку сварганить. А относительно здоровья: на льду (в воде, в воздухе) все негативное сразу же у детишек наших пропадает! Тут просто абсолютное здоровье начинается на подрастающее поколение ниспадать. И это есть наша главная на этой земле задача. А ежели еще какие государственные дела нам перепадают – мы же всегда «за», на выборах всегда присутствуем и непременно голосуем там. И всегда правильно голосуем. Демонстрируем, так сказать, народное волеизъявление. За единый блок коммунистов и беспартийных! Так что молодежь у нас, по отношению к нам сирым, всегда должна быть без особых там «претензий» – чё могли на тот момент, то и сделали. Так що, ызвынайтэ нынешние дядьки та тетки.

Словом, все было еще относительно чистенько на этом отдельно взятом участочке. Ну, бывало, правда, что занесет порой куда-нибудь не туда. Ну, какой-нибудь ядерный взрывчик, к примеру, где-нибудь устроят. Но, это так, как говорится, потехи ради. Положат, к примеру, на какую-нибудь естественную или искусственную возвышенность десятков-другой кило-тонн в тротиловом эквиваленте ядерного заряда, вокруг различной боевой техники понаставят, нажмут на красную кнопку и только: «Ба-ба-бах!!!» Громко! И грибок какой красивый при этом получается! А весь мир почему-то содрогается в ужасе. Трусые! Не умеют ценить истинную красоту – красоту освобождающейся от пут ядерной энергии. Освобожденная энергия буйствует в радости. Сейсмическая волна успокаивается только на третьем круге своего пробега вокруг шарика. А нашим шалунам-забавникам все нипочем: первые из них начинают бегать по пораженной территории в поисках дополнительных рентген/час на интимную часть своего пропадающего в грехе туловища, вторая группа баловников над ней, над пораженной, значит, этой территорией начинает летать на самолетах и головы (в клиническом своем любопытстве) из различных лючков высовывать, а третьи, стало быть, самые хитрые из шалунов, занимаются различного вида измерениями. Ходят, например, эти хитрованы в специальных защитных костюмах и все измеряют простой советской рулеткой: «Так-так-так, на сколько интересно откатилась там у нас от своего первоначального положения сорокотонная тушка танка? Каковы видимые повреждения? Есть ли скрытые дефекты? А другие, из тех же хитроумных третьих, вылавливают простаков из первых и вторых, уже светящихся от радости, веселых таких баловников и измеряют количество собранных ими рентген. Ну а закончив измерения, строго фиксируют время отбытия радостно святящихся в мир иной. При этом самые хитроумные из проказников озабоченно морщат лбы и делают сухие записи в своих потрепанных исследовательских блокнотах. Записи примерно следующего содержания: «Ч + 12 часов, потери – 30 % личного состава. Ч + 24 часа, потери – 50 % личного состава» (Ч – это то самое время, когда: «Ба-ба-бах!!!»). Ну а как по другому? Надо ведь все изучить, все тщательно исследовать. Вдруг когда-нибудь пригодится. А эти вымирающие придурки? Эти назначенные кем-то для исследований баловники? Да на фиг они теперь кому нужны... Вот того, кто все-таки не вымрет, того может быть чем-нибудь к старости наградим. Например, неработающие ручные часы с наспех накарябанной гвоздем на тыльной стороне надписью: «Сорок лет отечественному ядерному взрыву» принесем ему в хоспис. Ну а тех слабаков, которые все же не выдержат перегрузок и вымрут, этих-то и награждать ни к чему совершенно. Не прилично это. Их надо бы поскорее забыть. Ничего страшного – новые народятся.

Но это так только, отдельные, можно сказать, досадные в некомфортности своей фрагменты, проистекавшей на благословенном участке земной поверхности содержательно наполненной жизни. И участок этот занимал целую шестую часть земной тверди многострадального нашего земного шарика. Шарика, который уже начал потихоньку орошаться едкими в кислотности своей дождями. И этот постепенно прокисающий шарик начал уже потихонечку вкатываться в эпоху спорного потепления прилегающего к нему климата. Впрочем, спору собственно и не было тогда никакого. Споры появились уже сейчас, но опять же,

только по поводу периодичности наступления этого самого потепления. А по поводу самого факта его наступления уже нет! Никто не спорит. Утихомирились, наконец, разномастные ученые, приводя в порядок разорванные в клочья бороды. А зачем попусту портить и без того редешую растительность? О чем, собственно, можно теперь так вот предметно спорить, когда уже давно растаяла ледяная шапка на вершине самой знаменитой африканской горы Килиманджаро?

В общем, за исключением отдельных шалостей, абсолютно все негативные явления зарождались и проистекали в то время на остальных пяти шестых частях суши, подвергающихся хищнической эксплуатации со стороны многочисленных представителей общества потребления. Общества над которым порочно обнажил в зверином оскале свои тогда еще внешне крепкие, но уже подверженные скрытому кариесу зубы, циничный капитализм. А на гордом острове сбалансированных социализмом потребностей можно было еще с полной уверенностью в завтрашнем дне наблюдать положительно-продолжительные явления перво-родно-естественной природной гармонии.

И в эти созерцательно-умиротворенные минуты появления на небосводе радуги вовсе не хотелось тогда думать о пороках мирового общества, а тем более не хотелось думать о идущей где-то совсем недалеко войне. О войне, громыхающей преимущественно по ночам и всего-то навсего в двух локтях отсюда по генштабовской карте! Ну а если не по расстоянию, а по времени мерить, то в каких-то шести часах неторопливого военно-транспортного лета. А война эта, она ведь не просто так идет. Она ведь началась во искупление неизвестно откуда вдруг взявшиеся у нас интернациональных долгов. Долгов, вдруг как-то сразу так образовавшихся у всех без исключения республик СССР перед одним, хоть и внешне очень дружественным издаека, но слегка чем-то обиженным народом Афганистана. Ну что же, бывает такое хоть и не очень часто. Сама история подтвердила, что такое в принципе возможно. Задолжали как-то все разом народцы, населяющие территорию захудалого СССР, сынам великого афганского народа. И никто здесь не виноват. Так уж в историческом контексте как-то само-собой, случайно все образовалось. Сделать что-нибудь еще, чтобы как-нибудь так без долгов все образовалось уже в ту пору было совершенно невозможно. И теперь уже надо было как-то выкручиваться. Чтобы, значит, не опухшим от слез бессилия лицом в грязь. А чтобы значит с гордо поднятой над долговыми обязательствами головой. Долг он ведь тем и хорош, что платежом красен.

Сначала, правда, как всегда (для вида просто) покапризничали слегка – откуда долг-то? Не помним мы про него совсем. Ну а раз капризы вначале обязательны, то пришлось отказать-таки этому насквозь великому афганскому народу. Хотя народ-то этот поначалу много-то и не просил вовсе. Просил-то всего хоть какой-нибудь малюсенькой военной поддержки и не для чего-нибудь, не для какого-нибудь личного обогащения, а для достойнейшего дела: начала строительства социализма еще в одной соседне-дружественной стране. Захотелось, знатчица, этим новоявленным кредиторам-братьям у себя островок относительного благополучия забабахать. Обзавидывались все. Мол – у вас-то есть, вам хорошо и нам тоже хочется. А коль у вас есть, а у нас пока нет, то за вами и должок! (Это было очень похоже на современный анекдот про справедливый гнев «гаишника», остановившего на дороге «нового русского», который каждый день в течение долгого времени отстегивал «гаишнику» бабки за каждую не пойми зачем остановку, а потом вдруг куда-то на две недели пропал. «Ты где был, мерзавец, – орал, не помня себя от радости, внешне возмущенный «гаишник». «Да вот, знаете ли, на Канары на две недельки махнул. Отдохнуть там и все дела. Три года без отпуска», – испуганно лепетал «новый русский». «Вот, сволочь, – с утихающим раздражением думал про себя внешне гневный гаишник, – отдыхал он! И все ведь за мои бабки!») Тогда ведь многие хоть и знали о том, что делиться – это все же иногда бывает полезно, но в слух об этом не говорили и делиться не спешили. А сегодня это делают почти все, а г-н Лившиц и

смело говорит о необходимости этого действия с экранов телевизоров. Те, кто делится они благодаря этому-то только и живы до сих пор. А тогда – нет! Не овладело это понимание еще серыми народными массами и их вождями. Не проникла еще эта мысль в серое общественное сознание.

И именно поэтому, из-за серости-то этой и отказали по-первости велико-просящему народу. Не всему народу конечно же. Всему-то, тем более такому великому, как откажешь? А потому-то и отказали очень хитроумно в бесшумности своей, даже, можно сказать, дипломатично очень даже отказали! Отказали всего-то-на-всего одному только официальному лицу товарища Тараки. Несмотря на то, что лицо это вполне официальное было и давно уже очень даже хорошо знакомо было всему без исключения тогдашнему руководству СССР. И при этом прозорливо-правильно все сделало тогда наше руководство. Не обращая абсолютно никакого внимания на свою серость. Вскоре ведь одинокое лицо товарища Тараки было изрядно подпорчено, просто доведено до синевы, а затем и вовсе стерто с лица земли другим искателем всеобщего счастья, правда, уже совсем не товарищем тогдашнего руководства СССР. Этого не товарища тогда все промеж себя так и называли – «нетоварищ» Амин. И по другому совсем (но, исключительно промеж собой) называли они этого незадачливого Амина. Но здесь нельзя сказать точно, как именно они называли его. Получится совсем уж даже не по литературному. Ну а тут, когда этот гад еще вдруг вздумал такое утварить с другом-Тараки! Несмотря на письменное обращение нашего Генерального секретаря! Тут чаша терпения серого руководства была переполнена. Факт гнусного убийства очень сильно возмутил, можно даже сказать очень сильно возбудил руководство великой страны. Такого полного беспредела откровенного аминовского хамства в отношении только что целованного взасос всеми членами Плитбюро ЦК КПСС «дружища» Тараки не ожидал никто. А возбужденно возмущившись, правители тут же и организовали вполне справедливое наказание для этого зарвавшегося хама. И возмездное наказание закончилось довольно удачно для тогдашнего руководства СССР – никто из этого руководства при штурме дворца Амина не пострадал. Окрыленное успехом проведенной операции тогдашнее старовато-сероватое руководство сразу же вызвало к себе нового своего товарища Кармаля. Свято место ведь пусто никогда не бывает. И с покойниками дружить всегда хлопотно. А тут такой живой и энергичный. Всегда не скрывающий своего желанья стать главой такого величайшего во всей истории народа, особенно в ту пору, когда ему, величайшему этому, так сильно во всей округе задолжали. И вот, важный претендент, облачившись в новый костюм, в котором он явно чувствовал себя так, как мог себя чувствовать случайно отловленный в пустыне бедуин, затянутый в тесные средневековые дворянские одеяния и доставленный ко двору французского короля для подписания договора о подданстве, рискнул вдруг повторить на радость всем будущим душманам старинную просьбу почившего в бозе Амина. И риск этого живущего своей жизнью костюма, поддерживающего подбородок не известного еще широкой общественности лица товарища Кармаля оказался оправданным! Новый друг тоже был неистово зацелован взасос! Но на этот раз за засосом последовали конкретные действия! Кармаль же понял, что действия непременно последуют только после последнего в усталости своей хлюпающего засоса. Понял, устало отирая с потного в страхе риска лица своего, прокисшие слюни престарелых вождей. Неистово, но как можно незаметней (дабы ненароком не оскорбить старческой сентиментальности), отирая свежим дипломатическим платочком своим застаревшую свежесть склизких остатков проявления чувств, он краешком своего выросшего в коварной ночи уха успел уловить многочисленные шепелявящие шептания. Шептания эти вырывались из многочисленных шипящих протезами уст и, многогранный смысл их утопал в сложившейся какофонии, но основное, лейтмотив, так сказать, или же квинтэсецию, как кому нравится, Кармалю удалось без ошибочно тогда уловить (кстати, квинтэсеция Кармалю всегда нравилась не сравнимо больше). Квинтэсеция содержала следу-

ющее: «Ребята, гхе-хе, кха-кха, а ведь ей-ей, за нами-то все ж, как ни крути, а должок-то числится! Причем должок-то этот самый что ни на есть интернациональный! Как же мы могли про него забыть?! Может, это старость уже невзначай подкралась к нам? Что-что? Ах, да, мы ведь совсем еще молоды. Война с германцем только ведь недавно-то совсем еще закончилась. А там мы совсем ещё пятидесятилетними пацанами-то были. Так в чем же дело? Как проморгали мы эти священные обязательства? А, ну да, наверное, какой-то очередной заговор. Наверное, как всегда, это слюнявое МИД нам вовремя про долги наши не напомнило. Спят они, как всегда, эти бездельники! Мы – то своим партийным чутьем давно уже ущучили: что что-то все-таки здесь не так! Неладно как-то все идет. А поэтому и не спокойно на партийной нашей душе. Недомолвки всегда какие-то и недосказанность. А тут вдруг – бац! И прозрение такое на нас вдруг снизошло! Такое, прямо таки очень даже приятно-бодрящее воспоминание! Возбуждающее такое! Ай да Кармаль! Ай да Боря! Ай да сукин сын! Пронял-то как, этот шельмец! Недаром ведь работал когда-то послом в насквозь дружественной нам Чехословакии! Как ведь все толково преподнес, паскуда! Что-что? МИД утверждает, что ничего мы никому не должны? Неудачным опытом Великобритании в такой дружественной нам стране пугает? Это в стране, которая слезно нас к себе зовет? И не по пьяному делу ведь зовет-то, Кармаль-то он ведь вроде бы трезвый был? Да, все говорят что Боря был как стеклышко. Мусульмане-то они ведь вообще не употребляют алкоголя. Так чего им надо тогда? Этим холеным врунам-дипломатам? Может они думают, что Боря был обкуренным? Опия ведь у них там хоть завались. Да нет, вроде не отлетал никуда он сознанием. Вполне убедительно клянчил возмещение долга. Чего же еще надо этому МИДу? Ну да, конечно же, это ведь у них работа такая – очень грамотно врать. Их ведь этому сызмальства обучают в ихнем МГИМО. И не каждый так сумеет – с утра до ночи все время врать. Простой какой человек соврет, к примеру, пару раз за день для своей пользы, а то и без пользы соврет, просто так, привычки ради и кается вечером после выпитой чарки. А дипломаты эти, профессионалы-то наши – нет! Никогда ни в чем не покаются они. Даже после литра коньяка. Врут себе всю дорогу напропалую без всяческого зазрения никогда не бывшей у них совести: собьют, к примеру, наши доблестные ПВО какой-нибудь нарушивший наше воздушное пространство самолет, и совершенно ведь справедливо собьют! А как же – он ведь нарушил, гад-то такой! Поэтому должен быть любой ценой сбит! Все так в этом мире поступают. Особо-бенно самые демократически продвинутые государства! А наши завравшиеся вконец дипломаты тут же сообщат: «Нарушивший наше воздушное пространство неопознанный никем объект скрылся в неизвестном направлении с экранов наших особо чувствительных радаров». Понятное дело, что объект куда-то скрылся. Попробуй-ка ты еще полетай, когда из фюзеляжа торчит даже не разорвавшаяся полутонная чушка ракеты класса «воздух-воздух». Очень трудно с ней летать. Сильно нарушена аэродинамика. Но врать-то зачем? Надо всегда и всем говорить правду. Всю правду и прямо в лицо. За исключением неизлечимо больного люда. Возможно, это будет выглядеть туповато. Ну и пусть, зато так – гораздо гуманней. А потому как рушит все иллюзии. Но этим долбаным дипломатам... Им ведь, как в народе говорится – хоть ссы обильно им в глаза, все божья для них роса. Все с них, как с гуся вода. Поэтому-то и народ-то наш правдивый, в это самое МГИМО – главную школу их цивилизованного вранья и не стремятся зачислять никогда. В эту кузницу внешне уважаемых лжецов. Поэтому-то это погрязшее в коррупции заведение и называется у народа «мимо».

А раз так, то пусть они теперь сюда уже не лезут! Умники эти! Не демонстрируют свое идеологическое несовершенство. Они, видите ли, историю когда-то читали! А интернационализм, если хотите знать – это составная часть облика строителя коммунизма. Строитель коммунизма, он, конечно же не являлся пока еще фигурантом исторических эпосов. Новый он пока еще фигурант потому что. И это надо понимать. Но час строителя не за горами. А если этого кто-то до сих пор недопонимает – партийный билет на стол и вон из МИДа. В

начальную школу идите. Вы же вроде как историю знаете? Вот учителем истории и попробуйте устроиться там по нашей рекомендации. А если повезет, то будете вы детям неразумным свои глупые сказки рассказывать. А еще лучше было бы вам в вечернюю школу устроиться. Рабочая молодежь вам там быстро мозги вправит, импотентным в рафинированности своей интеллигентам. Англичан, видите ли, они в пример нам приводят. Тех, кто давно уже все колонии свои просрал, а теперь уже и, казалось бы, со своей Ирландией справиться никак не может. Вот пусть они, надменные эти альбионцы и дальше там у себя сопли в туманности своей продолжают пережевывать. А мы здесь у себя будем принимать наши волевые, правильные во взвешенности своей и чрезвычайно своевременные такие политические решения! По-ленински, так сказать, принимать мы все это будем».

И одно из действительно мудрейших политических решений было незамедлительно принято! И какое грамотное в необходимости своей решение! Ввели-таки проходимцы-то эти, к старости своей неожиданно для себя обрюзгшие, но по решению-то по своему неожиданно молодому, войска в «жаждущий» социалистического обновления Афганистан! Стыдливый такой контингент этих войск получился у них. Чего же стыдились они? А стыдились они тогда все того же проклятушего запада. Совесть ведь у нас, наверное, где-то на западе спрятана. А с запада в то время доносились слухи о какой-то оккупации и якобы имперских амбициях наших истинных интернационалистов. И пришел тогда великий стыд. Ложный просто какой-то, после принятия такого-то великого решения! Границы с заведомо недружественными государствами как-то стыдливо не перекрыли. А оттуда, из недр этих внешне нейтральных государств, пошли абсолютно недружественные нам караваны, тщательно закамуфлированные под естественную кочевую миграцию. И ничего с этим вожди тогда почему-то не смогли сделать. Наверное, из-за прогрессирующего к старости гипертрофированного гуманизма: «Как же это мы такие все из себя гуманные строители коммунизма можем нарушить сложившуюся тысячелетиями естественную миграцию кочевых племен? Вона бедуины шастают караванами почти по всей Африке, а им при этом даже менее цивилизованные и, соответственно, гораздо менее гуманные, чем мы, государства еще и деньги за аренду земли отстегивают. Ихняя, стало быть, земелька-то в африканской округе, бедуинская!»

В общем, погрузились эти престарелые вожди в эдакое ложное человеколюбие и втянули и без того стыдливо-ограниченный контингент своих экспедиционных войск в тяготящую, многолетне-бесперспективную партизанскую войну, регулярно подпитываемую американским оружием, боеприпасами и продовольствием посредством мирно бредущих с разных направлений к границе Афганистана караванов.

Эх, жаль, не было уже в живых незабвенного Семена Михайловича Буденного! Некому было уже рассказать тогдашним кремлевским стратегам о положительном опыте искоренения басмачества в ставшей впоследствии советской Средней Азии. Рассказать-то уже было некому, а книжек стратеги эти к тому времени уже никаких и не читали. Надоело это все им уже к глубокой их старости. Ну просто до чертиков все надоело им уже. Наступила для престарелых этих правителей какая-то иная пора. А вместе с наступлением этой безрадостной поры возникла у них какая-то другая, очень слабо граничащая с болезненной маниакальностью, просто непреодолимая такая потребность. Потребность была внешне довольно невинной и состояла в том, чтобы хотя бы какие-нибудь книжонки, но непременно о чем-нибудь и как-нибудь пописывать. Пусть даже и не самим иной раз пописывать, потому как не царское это дело. Да и трудно это, ежели все делать хорошо. А по тому сподручней было правителям, чаще всего, выступать, как сейчас принято выражаться, в роли авторов неких идей или проектов. А писать-то в стране в то приснопамятное время еще было кому. Полнокровный и далеко не полностью бесталаный Союз писателей был всегда к их услугам. Полный, так сказать, комплект соловьев-певцов социалистической действительности был

у правителей этих, что называется, всегда под рукой. Ничего не стоило кликнуть какого-нибудь там из наиболее идейно-зрелых и прельстить его какую-нибудь льготой. Или лауреатство какое ему пообещать. И пусть себе пишет. Нечего водку пить в Переделкино. А о чем, собственно, писать, придворному соловью и не надо никогда задумываться. Ему всегда подробно расскажут об этом сами «авторы идей-проектов». Главное – грамотно это все описать, и тогда в любом случае получится «нетленка». А иначе чего бумагу марать? Иначе не стоит эта игра свеч. И перегоревших электрических лампочек тоже не стоит. Потому как если это не «нетленка», то кому она может, в конце концов, пригодиться? Отпрыскам? А когда же эти царственные отпрыски смогут реально заглянуть в ящики столов своих могущественных родителей? Ну конечно же, только после безвременной и со дня на день ожидаемой кончины. И что получится? Заглянут они в этот ящик, в лучшем случае, в поисках дополнительного завещания по какой-нибудь секретной транснациональной собственности, а там этот бесполезный старческий бред. И все. И никаких дополнительных векселей и облигаций. Без всякого сомнения, вся эта пожелтевшая и готовая рассыпаться в тлен писанина будет немедленно в праведном гневѣ разорвана и наспех сожжена в богато инкрустированном камине. Поэтому – только «нетленка»! При таком к себе отношении корыстолюбивых потомков и в назидание им, вожди просто из вредности должны были после себя оставить что-нибудь нематериальное. А поэтому и надо было та-а-к написать! Та-а-к воспламенить вожаденные глаголы, чтобы невзирая на корыстных потомков все остальные граждане, проживающие в этой счастливейшей в мире стране, стране издания этих непревзойденных «нетленок», в глубоком запое эти книжки днем и ночью непрерывно перечитывали. Да, да, чтобы все остальные виды запоя срочно побросали граждане, а в этот, особый, читательский, так сказать, чтоб непременно и повсеместно они погрузились. А для этого очень много экземпляров надо издать. Очень приличный должен быть тираж. И его уже не сожжешь просто так в камине. С ним уже приходится считаться. Поэтому уже нельзя было так, хоть и истово, но накоротке, прочитать очередную «нетленку», как бы все, по-быстренькому обогатиться, а заодно перевоспитаться и тут же в одночасье забросить ее куда подальше. Нет. Так не пойдет. Надо было, чтобы граждане обязательно с особой тщательностью шедевры эти конспектировали. Вот тогда-то погрязшие в своем корыстолюбии прямые вожди потомки уже точно ничего паскудного сделать не смогут! Никогда не смогут стереть они имен своих великих предков из памяти народной. Потому как что написано народным пером, не вырубишь уже ничего даже самым острым топором! Не помогут уже неблагодарным в корысти своей потомкам и инкрустированные каминьки!

Ну а поэтому и надо было вменить самым амбициозным из граждан самой свободной в мире страны непрерывно что-то конспектировать. То есть, непрерывно записывать в глупые свои ученические тетрадки самые мудрые мысли вождей своих. А то и все подряд надо было записывать. Потому как у вождей, у них ведь глупых-то мыслей не может быть по определению. А потом все это надо было к месту и не совсем к месту (это не важно: мудрость вождей, заложенная в цитатах, была универсальной), но непрерывно цитировать.

Вот и писал народ вечерами непрерывно, а с утра принимался цитировать. Не весь народ, конечно же, самая его амбициозная часть этим занималась. Почему только часть? Да еще и амбициозная? Все очень просто. Вот ежели кто, например, решал для себя всю жизнь работать слесарем-сантехником, тот, конечно же, ничего не писал и не цитировал, а при каждом удобном случае предпочитал выпить стаканчик-другой портвейну. А вот ежели кто-то стремился занять теплое местечко бригадира слесарей-сантехников, тот уже принимался за конспектирование и цитирование. Это был здоровый советский карьеризм. Советские карьеристы всегда очень сильно отличались от представителей западного карьеризма, девизом которых была фраза: человек человеку волк; а манера поведения характеризовалась следующим высказыванием: они идут по трупам и их не тошнит. Все это было чуждо совет-

ским карьеристам. Слишком они были идейными. Идеи черпались у вождей. Конспектируя и цитируя своих вождей, каждый уважающий себя советский карьерист должен был всегда особым образом отмечать значимые для страны события, неразрывно с именами вождей связанные. И заходили в этих описаниях карьеристы иногда очень далеко. Иногда в порыве неистового своего подхалимажа получалось у них так, что народец-то вовсе даже как-то ни при чем все время получался, в историческом, так сказать, контексте. Хотя в исходном тексте ничего подобного не было! Это был какой-то парадокс: в «нетленках» обычно содержалось описание народных подвигов при руководящей роли вождей, а в любительских опусах акценты были явно смещены. Получалось, временами, так, что все реальные дела-то все же за вождями оставались. Нет, ежели что пакостное в истории случалось – это дело поганенького народца (утаил урожай от продразверстки, бежал с поля боя и т. д.), а вот если приключалась какая победа – это, непременно, какой-то великий вождь или даже несколько вождей сразу. Хотя уроки истории учат тому, что несколько вождей сразу на одну победу – это явный перебор. В этом случае меж вождей завязывалась нешуточная борьба, в результате которой хозяином победы оставался кто-то один, а остальные моментально становились шпионами, засланными в руководство страны недружественными государствами, «перерожденцами» или просто «врагами народа». Далее вся эта мгновенно образовавшаяся «нечисть», тут же бесследно исчезала в разных направлениях из летописей великих побед и упоминалась только на закрытых заседаниях Политбюро для устрашения партийцев, колебания которых отличались от колебаний линии партии.

А может быть и не было вовсе никакого воровства заслуг, побед и свершений? Может все так и было на самом деле, и это нашло свое отражение в великих, конспектируемых и цитируемых произведениях в какой-то скрытой форме? Что-то типа 25-го кадра? Немудрено. Уж кому, как не им, прямым участникам давних тех героических событий, всю правду про все это было знать? Ведь и действительно, все хорошее, что случилось в новейшей нашей истории, это ведь все, наверное, благодаря им. Потому-то и стали они, наверное, великими. А как иначе? Читайте классиков о роли героев в истории. Мало того, по видимому, все эти великие для страны события от начала и до конца этими же вождями были задуманы, организованы и, в конце концов, воплощены. И все ради вас, благодарные конспектирующие-цитирующие. Ради вас, не всегда в своей безнадежной глупости осознающих свое же, неожиданно свалившееся на вас счастье. Осознать – это ведь тоже талант такой особый и особый же удел. Удел совсем даже не многих. Многие почему-то не проникаются, а только имитируют. А некоторые даже имитировать ленятся! Потому-то всегда немного их и бывает, истинных вождей, в смысле. Относительно которых проникаются абсолютное большинство, которое ничего не имитирует и никогда не ленится.

А пока нет этого должного уровня осознания хотя бы у самых активных особей из инертного народа, надо очень упорно конспектировать, поминутно помечая (желательно, дефицитными разноцветными карандашами марки «Кохинор») обилием восклицательных знаков и подчеркиваний особо продвинутые мысли. И это была абсолютно не лишняя работа: впоследствии очень удобно было цитировать. Открыл конспект на любой странице, заметил выделение и озвучил. И не надо сомневаться: озвученное выделение всегда будет в тему. По крайней мере, никто с произнесенной цитатой спорить не рискнет. А за цитированием обязательно должны были следовать реальные дела. Практика – это ведь критерий истины. Так написано в учении великого Маркса, а марксизм – это ведь вовсе не догма. Это такое руководство к действию. Как, например, руководство по настройке домашнего кино-театра: не прочитав очень трудно разобраться. А вот после преодоления врожденной лени и внимательного прочтения руководства вся окружающая действительность приобретает для вас простоту пареной репы. Какой бы разнообразной она не была. А вот после проверки великих идей на практике надо было плавно перейти к прославлению. Приступить, так ска-

зять к практической части объективизации своих внутренних восторгов – не просто так «ляля» языком грешным или «скрип-скрип» пером чернильным, пусть даже и восторженно, а приступить к истовому, от души идущему прославлению своих новых жизненных кумиров. Прославлению всегда и везде: на собраниях трудовых коллективов, во время санкционированных и непременно лояльных строю демонстраций и митингов (других-то тогда ведь и не проводилось), на съездах, слетах и т. д. За это и поплатились в конце-то концов. Ведь сказано же было в Писании что-то вроде того, что: «Не сотвори себе кумира!» А кумиров повсеместно творили. Грешили, значит, всю свою скорбную семидесятилетнюю дорогу. Вот и нечего теперь ни на кого и ни на что обижаться. Только-то и остается теперь – терпеть. И поделом! Так, наверное, этим карьеристам-молчаливикам-прославителям и надо.

А поделом всем остальным, которые в карьеризме замечены не были, потому, что только находясь на каком-нибудь празднике в узко-семейном кругу наши терпеливые граждане, уже не скованные (после третьего тоста, опять же, за здоровье вождей) правилами законопослушного поведения в местах скопления других строителей коммунизма, запросто приступали к льющемуся из сердца осквернению светлых обликов героических своих правителей: «Дедушка Ленин, говорите? Мяса нет и масла нет – на фиг нужен такой дед?!», «Все во имя человека, все для блага человека, говорите? Это девиз очередной пятилетки? Наверное, все так и есть, мы даже знаем имя этого человека!» И так далее, до N-го (индивидуального) подхода «к снаряду», после которого и без того уже невнятная речь вдруг срывалась в истошный пороссячий визг. Но даже в этом случае славящая тональность визга продолжала строго выдерживаться (звуки могли достигнуть недружественных ушей за пределами дома-крепости), а для подтверждения искренности демонстрируемого восторга можно было еще выйти на балкон и поднять портрет вождя над головой. Но не дай Бог уронить его, портрет этот! Или нечаянно-отчаянно шваркнуть его об угол стола исключительно ради того, чтобы предотвратить собственное беспорядочное падение от глубокой усталости по пути к балкону. Этого никак нельзя было допустить. Дело могло сразу же приобрести ярко выраженную политическую окраску. И все это с очень большой долей вероятности могло быть объединено с абсолютно беспочвенными обвинениями в злостном бытовом алкоголизме. А такие обвинения напрочь расходились с обликом строителя коммунизма. И это уже было серьезно даже не для карьеристов. Это уже чем-то пахло. Психически нормальным гражданам эти запахи никогда не нравились. И дабы предотвратить подобные верноподданнические несуразности и такие опасные неудобства впредь, портреты вождей старались прибить к стене покрепче самыми толстыми гвоздями и прибить их как можно выше – под самый потолок старались вождей от греха подальше повесить. И все это всегда делалось исключительно с чувством глубочайшего уважения к ним.

В общем, как не говори, а очень большая нагрузка выпадала прежде всего на самую амбициозную часть советского народа. Порой просто все, от корки до корки приходилось этой части общества из гениальных произведений переписывать. Не реально было, порой, просто как-то себя пересилить, обмануть себя как-нибудь и чего-нибудь в конспекте своем стыдливо пропустить. Еще менее реально было заставить себя при цитировании что-либо замолчать: недосказать какую-нибудь великую фразу. Да, непомерно большими были писчие трудозатраты у по-советски здоровых карьеристов. Здоровых карьеристов было очень много, поэтому нередко уже под угрозой оказывались производственные планы, планы по уборке вдруг уродившегося в кои-то веки урожая и, что в несколько раз для страны было опасней, – появились неожиданно у народа проблемы с демографией.

Некоторые политики того времени пытались искать корни народно-демографических проблем в росте эгоистических настроений среди особой репродуктивного возраста и даже вводили налоги на бездетность. Другие из заблуждающихся политиканов, более продвинутые в математике, вооружившись статистическими методами, рассуждали о так назы-

ваемом, «эхе войны». В общем, полный хаос царил в понимании первопричины и выборе инструментов для решения этой проблемы. В этом-то хаосе и утонула истина – амбициозному народу просто стало некогда заниматься вечерами всякой ерундой. Некогда стало этим карьеристам заниматься ерундой и в выходные дни. Устремились вдруг амбициозные к письменному переосмыслению, своей истории, неразрывно связанной с жизненными подвигами своих престарелых вождей. А те, из народа которые без амбиций были... Тем эта ерунда особо и не нужна была никогда. Вот и упала тогда рождаемость, не смотря на почти сто процентный брак изделий № 3, выпускаемых печально знаменитым Баковским заводом резиновых изделий.

А вот что касается переосмысления... Тут было все в порядке. Так, буквально вся страна в одночасье рассталась с заблуждением о предрешении исхода второй мировой войны во время Сталинградской битвы. Битва эта, в сравнении с масштабными и кровопролитными сражениями, развернувшимися на Малой земле (кусочке черноморского побережья, где в свое время высадился яростный десант, вдохновляемый молодым чернобровым политруком), показались стране просто детскими недоразумениями в дворовой песочнице. Стране хоть и не было прямо рассказано о творческих муках маршала Жукова, испытываемых им в периоды подготовки крупнейших военных операций Великой Отечественной, когда вдруг рядом не оказывалось того же чернобрового политрука, доросшего впоследствии аж до целого полковника, но намеков на это важное обстоятельство во многих произведениях явно наличествовал. Вся страна почувствовала эти маршальские страдания между скромно написанных строк и мысленно умоляла полковника: «Не артачься! Найди время – не можешь приехать, так позвони хотя бы маршалу-то! По засекреченному каналу, с гербом который, обязательно, слышь, позвони! Посоветуй что-нибудь дельное! Не ровен час, сморозит еще в запале чего! Горяч больно у нас маршал-то!» И полковник проникался, прислушивался он в те времена к народу, к сермяжной его правде. Проникался важностью момента молодой еще, но уже мудрый в чернобровости своей черноморский орел. Проникался и опять же где-то между строк непременно звонил маршалу. Не всегда по телефону с гербом. Не каждого ведь полковника к нему подпускают. Но непременно звонил. Советовал маршалу, спорил с ним, настаивал на правильности своего плана проведения операции и затем принимал непосредственное участие в очередном разгроме несметных полчищ немецких захватчиков. Жуков, конечно же, тоже кое-что иногда дельное предлагал. Но так, чаще всего по мелочи, штрихи какие-нибудь втихаря к плану пририсовывал. Упрямый ведь тоже был мужик. Недаром при планировании берлинской операции Сталин долго стоял, в задумчивости попыхивая трубкой, оценивал замысел маршала Жукова, а потом вдруг произнес: «А все такы идытэ и посоветуйтэсь с палковныком Брэжнэвым!»

– Полковник не смог приехать, – доложил готовый к такому повороту событий маршал, – я звонил ему, но у него сегодня партактив дивизии.

– Я вислал за ним самолет, он уже в Гэнэральном штабе – спокойно отвечивал Верховный Главнокомандующий.

Ну что тут еще можно добавить? Итог всем известен. Война была победоносно завершена. И вот уже четырежды герой (поговаривали даже о перенесенной тиражированным героем операции по расширению грудной клетки – очень трудно стало размещать на прежних площадях многочисленные в заслуженности своей награды), потряхивая поседевшими бровями и поблескивая маршальскими звездами, принимает очередное эпохальное решение, положившее начало развалу когда-то великого государства.

Вот с такими размышлениями о недавнем прошлом страны брел по дороге среди среднерусских полей и лесов к новому месту своей дальнейшей службы когда-то «обучаемый военный», а с недавних совсем пор аж целый старший лейтенант Ракетных войск стратегического назначения Сергей Михайлович Просви́ров. Брел он по еще мокрому асфальту, демон-

стрируя окружающей его природе приобретенную совсем недавно шаркающую походку, радуясь повисшей на его пути первородной естественности радужного семицветия и чудесному своему излечению в стерильно-строгих военных госпиталях. Арка образовавшейся на Серегином пути радуги как бы символизировала ворота в его новую жизнь, полную новых впечатлений, знакомств и суровых военных буден. Вот и шаркал он в эти ворота, пропитанный честолюбивыми мечтами и ввевшейся терпкостью запахов госпитальных лекарств. Ворота не приближались к Сереге, но и не удалялись от него. И, не смотря на то, что он знал причину этого явления и вдобавок хорошо помнил мудрое восточное изречение о том, что движение – это все, а конечная цель – ничто, эта ситуация стала понемногу «заводить» бывшего спортсмена. Бывший спортсмен ускорил свое шаркающее перемещение. Со стороны Серегино перемещение, наверное, выглядело довольно забавным и напоминало галоп случайно и спустя многие годы попавшей на ипподром старой клячи, временно забывшей о своем почтенном возрасте, – давали знать о себе не до конца залеченные раны продырявленного в нескольких местах опорно-двигательного аппарата. Но, тем не менее, километровые столбики стали попадаться навстречу Сереге все чаще. Появилась давно забытая радость движения. Проснулась, наконец, старая спортивная привычка преодолевать большие расстояния. Родные пейзажи менялись один за другим как в окне скорого поезда. Где-то на подсознательном уровне захотелось, наверное, Сереге поскорее выгнать из памяти и неродные виды горных хребтов с кроваво красными предрассветными вершинами и, обновить прочно застрявший в носовых пазухах запах жаркой несвежести грязно-красных бинтов на вопящих от боли ранах. Память то и дело цеплялась за старое. То и дело выхватывала она стробоскопом мысли из глубин затемненного недавней болью сознания нерадостные воспоминания о произошедших с ним медицинских злоключениях. Сначала выхватит воспоминания о медицинских упражнениях в госпитале далекого, кишящего всевозможными видами гепатитов и разнообразием форм малярий афганского города Кабула, а затем всплохами осветит палаты и операционные во внешне обшарпаном, но внутри относительно чистеньком и даже совсем не плохо оборудованном госпитале почти родного города Ташкента.

Ага, вот и долгожданная развилка. От нее, как объяснили еще в штабе, до спрятанной в лесах части ходит автобус. На остановке, внушая некие опасения, царит полное безлюдье. Ни души кругом. Ан, нет. Внутри неровно окрашенного в пупырчатости своей сооружения, издав далеко напоминающего слегка упорядоченную свалку железобетонных плит, вдруг обнаруживается одиноко сидящий на разломанной скамейке-жердочке грустный старичок-боро-вичок со слегка отвисшими в беззубости щеками. Грусть его вскоре объясняется довольно просто: «Афтобуф только фто уфел. Щасу не профло есе, как уфел. И я, фот, фишь, фоенный, тофе опофдал. Фсе бабка эта – лефый ее забери, самохфонку ф бане запфятала, а фтакан ф фубными протэфами так и не нафел. Это она фтобы я к куму ф гости не ефдил. Ф Слизнефе он у меня фифет. Недалеко отфель. Аккурат рядом с помойкой. Со ффей Москвы туды мусоф сфозят. Фонища! Глазья на лоб! Но фифут как-то. И дафно федь уфе фифут. Прифыкли. Да ефе, фишь ты как, в гости приглафают. Стало быть ффе у них там форофо. Фубыто ладно, больфе ф горло проффкочит. Фа-фа-фа. А как в гофти ф пуфтыми-то руками? Беф магарыфа? Ну и бабка мне досталася! Не бабка – кобра какая-то! Фиди таперича тута полдни иф-фа эфтой фмеи. А фообфе-то афтобуф фдефя фафто фодит. Быфалыфа, люди гофорили, аф по тфи фаза на день приеффал он, ефели конефно не фломаетфя где или Фитька-фofer не фапьет, каналья. Да не перефивай ты, фледуюфий, уф фофсем фкоро будет – пару-тройку фафов фего-то и офталофя ефо подофдать. Ф другиф мефтнофтях, люди гофорят, фто фроду фообфе никакофо транфпорту не дофдефьфи. Только на попуткаф когда фрофно надо куда добираются. А до фафти твоей, товариф фоенный, фдесь ефе километров феть будет. Так фто дафай-ка «ф дурофка» ф тобой, пока футь да дело, перекинемфя. Картифки-то, как раз для эфтих случаеф нофу зафсегда ф фобой». Разгоряченного быстрым перемещением Серегу

такая интенсивность автобусного сообщения и перспектива остаться «дураком» в народной памяти этого хитрющего в беззубости своей деда явно не устроили. Он тяжело вдохнул своей полной надежд грудью и почесал по уходящей вверх по склону нарытого ледником холма дороге дальше, прихрамывая, но не снижая темпов своего прерванного было передвижения в манящую грядущими карьерными перспективами шестикилометровую даль.

Глава 1. Возвращение

Что же произошло с нашим хромоногим героем после памятного выпуска-впуска? Ничего страшного с ним собственно не случилось – был отправлен отдавать свой врожденный интернациональный долг в Демократическую Республику Афганистан (попросту ДРА, а еще проще «Афган»). Первое время служба его складывалась относительно спокойно: привезли в Кабул, а оттуда взяли и забросили дважды обстрелянной в пути «вертушкой» на высокогорную «точку». («Чего тепловые ловушки-то не сбрасываете?») – спросил Серега у бледного и едва очухавшегося от противо– «стингерового» маневра командира «вертушки». «Да пошел ты к едрене– фене со своими ловушками, умник! Где они, ловушки-то эти? Месячной нормы на неделю только-то и хватает! И все только об экономии гундосят эти тыловые крысы: вдруг, дескать, какую важную персону или нас, к примеру, транспортировать придется, а у вас запаса нет? Тьфу! Гниль! Я их за тройную месячную норму только-то и вожу. И все равно не хватает: не большие они охотники летать-то!» – в сердцах ответил командир латаной-перелатаной краснотелой «стрекозы».

Ну, в общем, худо ли, бедно ли, но забросили живого и здорового Серегу в указанную Родины точку, и на том, как говорится, спасибо. Забросили и доверили обеспечение радиорелейной и тропосферной связью «ограниченного контингента» на одном из направлений контроля территории ДРА. Но затем кому-то пришла идея о передислокации сложного связного хозяйства в новое и жутко секретное (для самих себя) место, а во время абсолютно (опять же, скорее, для самих себя) скрытного свершения марша совершенно неожиданно завязался внешне бестолковый, но видимо тщательно продуманный «духами» бой. Бой длился почти сутки, и был очень насыщенным различными военными событиями. Помимо дневных, то утихающих, то разгорающихся вновь перестрелок, были контратаки с попытками полностью «зачистить» близлежащие к растянувшейся на несколько километров колонне так называемые «зеленки». «Зеленки» представляли из себя полосы низкорослых и кривых древесных и кустарных растений, изрыгающих поминутно из-под корней своих смертоносные свинцовые отрывки. Отрывки коротких, но частых и довольно метких «духовых» очередей. Вот тогда и понял Сергей, что это такое – ожидание сигнала атаки. Понял он и каково это встать среди рассекающих знойный воздух пуль и сделать простой, незамысловатый такой шаг вперед. Причем сделать этот непростой шаг надо было очень уверенно, дабы заразительным примером своим и звучным командирским рыком вдохновить заметно нервничающих бойцов. А в паузах между «зачистками», лежа за колесами бронетранспортера «КШМ»-ки, Серега вдруг живо вспомнил рассказы фронтовиков, с которыми приходилось ему беседовать во время организованных актов патриотического воспитания: «Ребята, это ведь как: встаешь среди неумолкающей стрельбы и кажется, что все это, выстреленное и висящее в воздухе, летит напрямик в тебя. Вот еще секунда и рухнешь полным свинца мешком в хлипкую грязь». Вспомнилась тогда Сереге и «секретная», исполняемая только на концертах, песня знаменитых в то время «Песняров», возглавляемых великим Владимиром Мулявиным:

Когда на смерть идут – поют,
А перед этим можно плакать,
Ведь самый страшный час в бою – час ожидания атаки.

(Конечно, как же такое можно брякнуть на всю страну по радио? Как это советский герой может плакать? У настоящего советского героя, у него ведь всегда как? Он никогда и нечего не боится и никогда из глаз его орлиных не выдавить даже скупой слезинки.

Всяческая сентиментальность чужда настоящему советскому герою. По чьему-то мудрому замыслу этот герой должен либо сидеть себе мужественно в окопе с каменной мордой своего сурового лица (герой в обороне), либо с той же мордой лица куда-то наступать, бешено вращая глазами в устрашение противника (герой в атаке). Но самое главное – это то, что настоящий герой должен быть готовым в любую секунду с великой радостью проститься со своей еще молодой, но уже, видимо, доставшей его окопно-гадостной жизнью. И радость героя, прощающегося с жизнью, должна выражаться в прославляющих Родину предсмертно-радостных криках. Словом, советский герой – это не чета детям из 1-го, 2-го и 3-го Рэмбо. А тут какие-то слезы перед всегда победным наступлением!)

Но песня нахально продолжалась дальше:

Снег минами изрыт вокруг
И почернел от пыли минной,
Но вот разрыв, и погибает друг,
А значит, смерть проходит мимо.

Мне кажется, что я магнит,
Что я притягиваю мины,
Но вот разрыв – и лейтенант хрипит,
И значит – смерть опять проходит мимо.

Но мы уже не в силах ждать,
И нас ведет через траншеи
Окоченевшая вражда,
Штыком, дырявящая шеи.

Бой был коротким,
А потом – хлестали водку ледяную.
И выковыривал ножом
Из под ногтей я кровь чужую.

Все справедливо. Как, спрашивается, можно было такое спеть на всю страну? Ну как же было стыдливо не замолчать про все это безобразие? Тут ведь про водку сказано! Какая-то такая водка? Совершенно не к лицу она защитнику Отечества. К его лицу подходит только лимонад! Вот если бы про лимонад этот спели, тогда можно было бы на всю страну! Впрочем, обойдется он, защитник этот, вполне спокойно обойдется и без лимонада. Ему и так ведь высочайшая честь оказана – за Родину храбро умереть! Поэтому лимонада на передовую точно не подвозили. А как насчет водки? Где они ее только достают? На фронте-то? Магазины ведь все закрыты в ближайшей-то округе. Ах, да! По сто грамм «наркомовских» вроде бы как подвозили. Понятно, что реально больше получалось, на нос-то. Не все носы ведь до исхода дня доживали. А откуда охлажденные напитки-то на передовую доставлялись? Не из индивидуального же холодильника в наспех выкопанной землянке и сразу на дощатый стол? А-а-а! Ведь забытыми оказались еще ключевые слова из этой песни:

Сейчас настанет мой черед – за мной одним идет охота!
Тяжелый сорок первый год и вмерзшая в снега пехота.

А-а-а, то есть пехота вмерзла вместе с привезенной водкой! Теперь все понятно. Все, наконец, стало на свои места. Но все это – наглая ложь! Да, было холодно в тот год. Ну и

что? Никто никуда не вмерзал: у нас все до последнего бойца были всегда тепло одеты. Все прогуливались по передовой в пропавших овчиной дубленках. Это немчура поганая мерзла все время. Она ведь, гадость-то эта, придумала какой-то блиц-криг и рассчитывала к зиме-то с нами окончательно закончить. Закончить и шнапс попивать на зимних квартирах. Ан, не получилось! Попромерзли все гады эти и стали сказки сочинять про какого-то генерала Мороза. Который, вроде как, только и смог остановить эту хваленную германскую машину на подступах к столице. Придумать, конечно же, проигравшему, в конце-концов, можно все, что угодно, и оправдываться потом можно бесконечно долго, но сейчас совершенно не об этом. Некогда нам слушать всякий бред. Нас другие вопросы сейчас уже интересуют. Вот, к примеру, как это так можно было написать и спеть к тому же про выковыривание чего-то там совершенно непотребного такого из под чего-нибудь физиологически мало значимого и, при этом, острым таким предметом, каким-то хулиганским ножом?! Из под каких-то там скучных в банальности своей ногтей, обыденное такое в некультурности своей выковыривание! (Фу, мерзость, какая). А-а-а, вот чего пришлось выковыривать! Чужую, какую-то кровь! Нет, это решительно не вяжется с окончательно оформившимся образом советского воина! С образом героя-освободителя мира от коричневой чумы! Это не воин-освободитель, а какой-то вампир-Дракула! Все это чуждо советскому народу. Советскому народу понятен защитник Отечества, дипломатически-галантно расшаркивающийся в только что занятой им траншее с возможным убийцей всей своей семьи и, в конце концов, неожиданно для человеколюбивого себя стыдливо умерщвляющего фрица самым гуманным из благороднейших способов – таким пикантным выстрелом в самое что ни на есть его вражье сердце. Пук так, и все. Кранты наступили гаду – фрицу. Кранты, которые, он и сам-то, гад этот поганый, не успел даже и заметить. Он, фриц-ганс, не прохрипел даже на прощанье ни разу, не побился в агонии, пуская кровавую пену изо рта напоследок. Он просто картинно так прижал руку к груди и рухнул как подкошенный наземь. Рухнул да и издох себе тихонечко под аплодисменты представителей-наблюдателей «Красного креста». Вот этот образ, пусть хоть и даже (совершенно слегка) приукрашенный, должен подлежать канонизации. В том числе и песенной. А вы предлагаете про длинные, давно не стриженные ногти спеть! Это совсем уж возмутительно! Всем военным историкам ведь давно известно (да и живущие до сих пор ветераны могут это подтвердить) что советским воинам-освободителям примерно раз в месяц непременно выдавалось по маникюрному набору. Ну, чтобы периодически подгонять свой небрито-неправильный внешний образ под идеологически выдержанный в правильности своей партийный взгляд. А если уж кто не пользовался маникюрными этими приспособлениями – мы тут не при чем! Свины-то, они везде ведь встречаются. Ну, положим, даже и не свиньи, а просто невоспитанные люди. Очень много их у нас. Но нельзя же так огульно все обобщать. А вы всех под одну гребенку. Поэтому-то и песни у вас такие неправдоподобные. Не так все на войне было. Гораздо красивее. Как в романах Дюма-старшего. Описание осады Ля-Рошели помните? Вот приблизительно и у нас так все происходило. А то, что ваши «Песняры» потом пели якобы на стихи прошедших фронт поэтов, – это была полная, абсолютно не заслуживающая внимания чушь. Ведь что пели-то? Кошмар! Что-то вроде того, что:

Такая надобна картина – апофеоз!
 Но кровь солдат необратима – букеты роз!
 Лицом убитый воин черен – я видел сам,
 Слетает с неба черный ворон к его глазам.

Какие надобны полотна к его перстам,
 Но груды трупов не бесплотны – они смердят,
 И от сгорающего танка – соляный смрад,

Смердят солдатские портянки, бинты смердят.

Война – не уставной порядок, а кровь и пот.
Художник! Не пиши парадов – пусть кисть не лжет!
Тяжелый дым удушья – вот цвет войны,

Ее не красками, а тушью писать должны,
Кромешной тушью, непроглядной – лишь кровь на ней,
Такой рисунок, не парадный – всего верней.

Багряный цвет на черном фоне – багряный цвет,
Как цвет зари на небосклоне – победы свет!

Ну и что? Как это можно расценить, по вашему? Невооруженным взглядом видно – фальшь. Только кровь, пот, портянки и все это ужасно смердит. Нет-нет, не так все было. Кровь конечно была, но ничего не смердило. Все было гораздо красивее, благовоннее и гигиеничнее. А в песнях ваших – сплошная ложь. Вот, к примеру, про какую-то непримиримую и закоченевшую вовсе вражду что-то пелось. Да не было никакой ненависти про меж нас никогда! Мы ведь их, гадов, завсегда в необъятной душе своей любили! Начиная с незапамятных времен – со времен Александра Невского длится эта в непрерывности своей своеобразная такая любовная наша любовь. А во время войн так просто особенный какой-то всплеск этой странной любви наблюдался. И даже ежечасные потери близких людей не могли ни на минуту всплеск этот остановить. Но у любви, как и у других человеческих чувств, должны ведь быть какие-то проявления. Именно эти проявления и описал в своей докладной записке один из политработников – член Военного совета фронта. Фронта, который первым ворвался на территорию Германии. Дело в том, что этот член-политработник получил строгое указание о всяческом ублажении местного приграничного населения с целью воспитания в нем лояльности и к нашим войскам (в частности), и к завоеваниям социалистического строя (в общности). Член-политработник добросовестно перешел границу сразу за наступающими войсками, огляделся вокруг и все тщательно осмотрел. Можно даже сказать, что очень даже тщательно изучил обстановку этот добросовестный член-политработник. А изучив, вынужден был поделиться впечатлениями со старшими товарищами, испытывающими постоянное за все волнение в далекой Москве сидючи. Старшие товарищи ведь все равно через какое-то время спросят: «Доложите-ка нам о степени страстности любви к нам местного населения. А что Вы лично для увеличения этой степени сделали? Как организовали Вы это всеобщее ублажение?» И поэтому хитрый член-политработник, будучи уже тертым и все предвидевшим калачом, взял и изложил свои впечатление в довольно пространным рапорте. Написал он о том, что ублажать-то, собственно, некого. Дескать, населения этого приграничного, собственно говоря, уже и нет вовсе как такового. Вернее, оно есть, конечно, но все почему-то какое-то подозрительно мертвое. Большею частью висит, раскачиваясь на деревьях и заборах это население. С табличками какими-то неровными висит, а на табличках имеются надписи какого-то странного содержания: «За отца!», «За брата!» и т. п. Наверное, так стыдно стало населению этому приграничному за содеянное их отцами и братьями, что решило оно потихонечку повеситься еще до прихода наших войск. Чтобы не смотреть, так сказать, в глаза нашим солдатам. Но это, видать, какие-то элитные в совестливости своей трупы. А те, которые попроще будут, ну, не такие совестливые, те просто так везде беспорядочно валяются без табличек и надписей всяких, и грызут их голодные бездомные собаки. Но ведь ненависти-то кругом никакой не наблюдалось! Вот такая вот была любовь. Вот такими вот, понимаете ли, были ее проявления. И обо всем этом можно даже почитать, предварительно прикинувшись

мышью и пробравшись в недра вновь закрытых военных архивов. А вы говорите: «закочевшая вражда».

Нет– нет, такого не может быть! Об этом не может быть и речи. Это какие-то неправильные архивы и не подтвержденные ничем факты. У нас ведь вспомним, сейчас с немчурой-то, этой, недобитой и, кстати, весьма неплохо процветающей даже в своей недобитости, имеются уже многочисленные и многомиллионные контракты. И с газопроводом Западно-сибирским они нам когда-то помогли вопреки америкосам. Помогли его до себя протянуть: свой-то уголек как-то быстро в Рурском бассейне закончился. Только на отопление частных домиков в теплые зимы хватает его. А сейчас даже помогают протянуть газопровод по дну моря. Опять же, до себя только протянуть помогают. Долго мы их об этом упрашивали. Долго, но не напрасно – любо-дорого посмотреть теперь на этих альтруистов! У них ведь не было в этих газовых делах никакого корыстного интереса. Они ведь всегда были за справедливость и теперь помогают нам спрятать газ от вороватых хохлов. Хохлы-то, они до дна Балтийского моря уж точно донырнуть никогда не смогут – не позволит выталкивающая сила запасенного под кожей сала. Сало в этот раз должно сыграть с хохлами злую шутку и все время выталкивать вороватых ныряльщиков из водной толщи, принуждая их к экстренному всплытию.

Но это дела еще грядущие, а вот ежели вспомнить наши недавние отношения с неметчиной, то нельзя не назвать их радужными. Взять хотя бы ГДР, когда-то родную насквозь, с которой просто любовь у нас на все время ее существования приключилась. Мы даже своего будущего президента-премьера туда шпионом отпустили поработать. Потому как безопасно там было. И не надо было за него переживать. Один ефрейтор Хоннекер чего стоил в свое время! Он ведь первый, пострел эдакий, сообщил нам недотепам, что завтра (22.06. 1941 г.), на рассвете хваленая германская армада, якобы трусливо тусовавшаяся на протяжении нескольких месяцев в непосредственной близости от наших границ, наконец-то решится-таки их так беспардонно нарушить. Просто самым хамским таким образом взять и нерушимые эти границы просто так попать. А Сталин ефрейтору почему-то тогда не поверил. Ну, понятно, почему он не поверил профессиональному разведчику Зорге. Тот все же сын инженера, работавшего на мировую буржуазную экономику. Ненадежный был элемент. Поэтому-то и пристроился он так хорошо в мировом капиталистическом хозяйстве, Рамзай-то этот хитроумный: пока вся страна напрягалась с коллективизацией и индустриализацией, он, значит, устроился себе спокойненько работать западным бизнесменом. А потом еще, видите ли, корреспондентом там каким-то по совместительству подрабатывал. И мало ему всего было! Так и норовил этот резидент еще и с молодой Советской республики дополнительную копеечку-то отщипнуть! Ну а потом, конечно же, чтобы копеечку эту оправдать, шлет сюда всякие бредовые телеграммки-донесения. Короче, тут все понятно, с псевдо-Рамзаем-то с этим! Нет ему веры. Но не поверить ефрейтору Хоннекеру?! Вот если бы все же поверили, то можно ведь было бы чуточку пораньше войска из Сибири подтянуть, кросс им устроить в пару-другую тысяченку километров по пересеченной местности. А чего им? Какие сложности? Молодые все и здоровые такие сибиряки – кровь с молоком. Сначала, правда, уральская (невысокая такая, но все же) возвышенность, а затем-то Восточно-европейская, быстрая в победности своей гладкая такая равнина! Как Суворов в свое время съехал с Альп на пятой точке со своими чудо-богатырями и всех замочил в прилегающей долине. До сих пор его вспоминают в приальпийских государствах. И сибиряки так бы смогли. Но нет, не услышан был ефрейтор. Позже историческая справедливость была восстановлена, за этот подвиг бывший ефрейтор стал тогда главой коммунистической партии ГДР! Правда конец его все равно был печален. И виной всему Миша-меченный. Да-да, тот самый Миша, которого частенько поколачивала жена Раиса и сажала его недруга Бориса в мешок из-под риса. Этот незадачливый комбайнер (по уровню интеллекта) и первый (он же

последний) президент СССР (по должности) мало того, что не взял с немцев контрибуцию за разрушение «берлинской стены», он еще и умудрился под это дело набрать у них долгов под большие проценты. Немцы сначала удивились, а потом вспомнили: ну что с него взять – комбайнер он и есть комбайнер. Нет, профессия без условно хорошая, нужная и почетная, но все же не требует она интеллекта, должного присутствовать у такого крупного государственного деятеля. Но впоследствии, когда одолел-таки Мишку коварный Борис, доевший из мешка оставшийся там рис, сжалились над незадачливым комбайнером немцы и дали ему денег на образование фонда своего имени. И живет теперь Мишка в своем фонде припеваючи – жена не бьет, померла уже давно, бабла не меряно, а по набранным им долгам расплачиваются совсем другие. Народными же деньгами расплачиваются, но другие. И уже чувствуется, что покинули Мишу от такой праздной жизни последние остатки сознания. Как-то решили его показать недавно по телевизору в честь какого-то его юбилея. Посмотрел Миша в камеру полными бездонного идиотизма глазами и вдруг говорит: «Одно могу только сказать. Я не сделал в своей ничего такого, за что мне было бы стыдно». Во как! Более достоверного подтверждения психического Мишкиного нездоровья трудно себе вообразить. Ведь в жизни даже самого благочестивого монаха, ушедшего в монастырь в раннем детстве, и то, наверняка, найдутся моменты, о которых бы он предпочитал не вспоминать. Или все же вспоминать, но как можно реже. А вспомнив про эти моменты, монах наверняка сразу же погрузился бы в неистовую молитву. А Миша вот – нет. Ни за что не стыдится. И за предательство своего товарища по партии Хоннекера тоже. По Мишиной инициативе всеми брошенного Эрика, которого чудом спас от расправы в объединенной Германии тогдашний начальник Генерального штаба наших ВС. И даже когда его спасли, Миша предпочел этого не заметить и никакого участия в судьбе однопартийца не принял. И это один из безгрешнейших моментов труднообъяснимой Мишкиной жизни. Вот такой живет в нашей стране агнец во плоти. Но теперь уже все это можно списать на его психическое нездоровье. Оно, видимо, было с Мишкой всегда, но ближайшее его окружение этого почему-то старались не замечать. Видимо, так было надо.

А в общем, у нас с истинными арийцами все всегда было нормально. Больше для вида воевали мы только с ними. Вот поэтому-то и нельзя повсеместно петь такие зверские песни. Есть ведь у нас нейтральная песня – «День Победы» называется и там прямо сказано: «этот день мы приближали как могли!» Вот и пусть каждый домысливает, что такое «как могли».

Ладно, это, опять же, когда-то давно было. И стало уже несправедливо забывать. А сейчас длилась уже новая – афганская кутерьма. Оба! Пошла очередная сигнальная ракета. Еще раз встали! Кто-то сам встал и пошел вперед зигзагообразными перебежками. А кого-то приходится поднимать громкими «буками» с буквой «е» впереди или, используя опыт Великой Отечественной, бросить «лимонку» со снятой чекой в наспех открытое убежище – теперь уж точно выскочит и пойдет. И случалось многое в этой кутерьме, но самым обидным из творившихся вокруг безобразий был, так называемый, дружественный огонь. Огонь бывал порой настолько дружественным, что хирурги госпиталей начинали валиться с ног от бесчисленного количества операций, а «борта» в Союз заполнялись исключительно «грузом 200». («Да это еще ерунда, – басил Сереге на ухо под огнем родных «вертушек» какой-то майор из боевого охранения, «мотающий» в Афгане второй срок, – эти еще минут десять покружатся и улетят. «Нэ маэ в ных боэкомлэкту». А вот три года назад, помнится, сопровождали колонну боеприпасов, в основном снаряды для «Града». Едва успевали от «духов» отбиваться, и в самый тяжелый момент нас наши же, едри их через гребанное коромысло, штурмовики так за полчаса отутюжили...! Ктой-то чегой-то там опять перепутал! Это только что перелетевшая из Союза в «Афган» эскадрилья штурмовиков была. Они ведь по эскадрильям меняются: одна улетает, а другая тут же прилетает. Командир улетающей эскадрильи только было получил приказ напоследок «прикрыть» колонну, а тут уже новые прилетели и

задачу перекинули на них. А новые поняли так, что колонну надо «накрыть». И «накрыли!» Полным боекомплектom. Как только жив остался! Короче – снаряды после их «ошибочного» налета рвались еще двое суток. На том месте долбанном до сих пор ничего не растет, ни одной травинки. И, сто пудов, в ближайшие сто лет расти точно не будет – эксперты из генштабовской комиссии по пробам грунта определили»).

Под утро «духи» окончательно исчезли – растворились просто в чаще «зеленки», заведя подошедшие на подмогу дополнительные «мотострелецкие» подразделения. И через некоторое время изрядно потрепанная колонна продолжила свое движение без раненых и, еще более неудачливых представителей «груза 200». Ранило в том злополучном бою и Серегу.

Ранило его во время ночной вылазки уже отступивших было «духов». В тот злосчастный момент ранило, когда он уже, казалось бы, накрыл гранатой едва заметные крадущиеся к колонне тени и прошил огнем своего АКМа выхваченные из темноты вспышкой взрыва силуэты очередных кандидатов на успех. Стрелял с колена, привалившись к гусенице БМП боевого охранения, и вдруг откуда-то сбоку зазвенели по броне свинцовые «подачки». Парочка таких «близнецов-братьев» досталась и Сереге. Досталась и наваяла на него великую грусть. Стало так грустно, что пришлось даже на время притормозить сознанием. Очнулся Серега, когда уже его заканчивал перевязывать румяный сержант медицинской службы. Присмотрелся с опаской: что перевязывают? Голова не перевязана, но почему-то болит. На месте хотя бы и ладно. А то ведь, иначе если, это ведь и есть-то нечем будет. В боку дырка, сержант говорит, что две дырки-то – навывлет значит. Тоже не так все плохо. В бедре дырища, жаль одна только – здесь с вылетом не повезло. Да и сержант не успокоил, внимательно осмотрев зияющее отверстие, – видимо кость серьезно повреждена. Ладно, самое главное – жив и гениталии на месте, без них вообще бы в этой жизни скучно было, не интересно как-то все. Так вот наспех перевязанный и с пустеющей флягой спирта в руке держался Серега до утра. Не сам по себе, конечно, держался, а как говорится, со товарищи. Товарищи держались дружно, экономно пуская осветительные ракеты, периодически постреливая и изредка пошвыривая гранаты в подозрительные перемещения ночных теней. А утром «вертушкой» отправили Серегу в госпиталь в столичный Кабул. Раненое мясо там слегка подлатали, а с раздробленной бедренной костью связываться не стали и отправили его долеживаться в Союз, в район сияния на его территории «звезды востока». В район, так сказать, расположения воспеваемой тогда «столицы мира и тепла», а попросту говоря в столицу солнечного Узбекистана город Ташкент был отправлен Серега для дальнейшего своего излечения. Наконец-то покончено с генетически унаследованным интернациональным долгом!

И когда все это наконец закончилось, опять всплыли в травмированной анестезией Серегиной памяти рассказы ветеранов второй мировой о своих погибших товарищах: «Порой это просто не укладывалось в голове. Ведь еще какой-то час назад занимался Колян так же, как и все, какими-то обыденными утренними делами: побрился наскоро, вспомнил родных своих, представил, чем они сейчас занимаются, улыбнулся их фотографии, шутиливо перебрался с другом одним-другим нелитературным словом. Так же, как все, замер в окопе, ожидая окончания артподготовки, выскочил по команде, пошел вперед и вдруг – мертво лицом в липкую грязь. И сколько их упавших Колянов, Федянов, Петек... Во время боя не до павших. А после, когда про них, наконец-то устало вспомнят или свои или другие, то бросят их в братскую могилу, наскоро вырытую в грязи. Бросят несопротивляющимися кулями еще не начавшего тухнуть мяса. И все, поминай, как звали. А помянуть долго никто не будет – кого самого завтра убьют, а кто и просто забудет во фронтовой чехарде и чередѣ часто меняемых товарищей. Да нет, после победы вспомнят, конечно же – мы же сейчас вспоминаем... А тогда некогда было – смертельная усталость сваливалась сразу после боя на измученное туловище, а еще надо было успеть похлебать чего-нибудь стылого из алю-

миниевого котелка и хоть не много, но поспать – часто так случалось, что со следующим рассветом начинался следующий бой. Да и не было тогда, честно говоря, полного ощущения того, что товарищей этих мы сегодня навсегда потеряли». И при воспоминаниях этих ветеранских рассказов вдруг отчетливо вспомнились Сергею последние, произошедшие с ним события. Вспомнились и сопоставились они с рассказами ветеранов. «Действительно, – думал Серега, – это ведь была совсем другая война, и по целям, и по масштабам другая. Но сколько между войнами этими общего. Наверное, между всеми войнами много общего, несмотря на разные времена, вооружение и условия их проведения – свои герои и обычные работяги войны, и все те же трусы, воры, предатели». И в голове его вдруг опять зазвучала очередная, тщательно скрываемая от широкой общественности и удивительно глубокая по своему психологическому содержанию «песнярская» песня (читатель не поленись, достань и прослушай, только обязательно в «песнярском» исполнении прослушай):

В тот день, когда окончилась война,
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна,
Особая для наших душ, минута.

В конце пути в далекой стороне
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, кто погиб на той войне,
Как с мертвыми прощаются живые.

До той поры в душевной глубине
Мы не прощались так бесповоротно.
Мы были с ними, как бы, наравне,
И разделял нас только лист учетный.

Мы с ними шли дорогами войны
В едином братстве воинском – до срока,
Суровой славой их озарены,
От их судьбы всегда неподалеку.

И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них,
Нас эти залпы с ними разлучали.

Внушала нам стволов ревуших сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль
Заполненный товарищами берег.

Суда живых – не меньше павших суд...
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет-гремит торжественный салют
Победы и Великого прощанья...

И вспомнились они как то сразу все друг за другом, все боевые Серегины товарищи, молодые и мечтавшие о чем угодно, только не о возможности прибыть на Родину грузом «200». Каждого из них ждали дома в совершенно другом качестве. Нет, конечно же, нельзя сравнивать эти две войны по масштабам достигнутого (и были ли они, достижения при исполнении мнимого долга?) и потерям, но по психологическому содержанию все очень даже похоже. В некотором, тоже психологическом смысле, в «афгане» может даже и потяжелей было. По-тяжелей в том смысле, что как-то все было не так очевидно: на нас ведь никто не нападал и угрозы существованию чиновников попросту отсутствовали. И поэтому они, чинуши-то эти, тарашили свои равнодушные бельма на пришедшего к ним с законной просьбой о каком-нибудь содействии инвалида-«афганца»: «Вы кто? Да-да. Что-то слышали. Интернациональный долг какой-то. Но мы-то никому совершенно не должны и совершенно тут ни при чем. Да, законы кой-какие льготы гарантируют вам, а вот Минфин – нет. Нет у нас денег на ваши льготы. Что вы здесь орете?! Мы вас туда не посылали! Вот найдите тех, кто посылал, и брызгайте на них слюной». Но найти посылавших, как правило, никому не удавалось. Кто-то помер уже, а кто-то надежно спрятался.

Сереге в этом смысле повезло больше: живым остался и инвалидом не стал. Больше того, за все переживания и мытарства даже награжден он был невозвращением обратно на территорию, населенную довольно враждебным народцем. Народцем, вроде как жаждущим от чего-то освобождения и постоянно взывающим о помощи к безотказным «шурави». Далее, воспользовавшись доверчивостью и заманив безотказных наших освободителей на свою территорию, стремился этот коварный народец от освободителей своих всяческими способами избавиться. Преследовал просто всякий раз одну и ту же, какую-то маниакальную в упорстве своем, дурацкую абсолютно цель – нанести доверчивым «шурави» травмы, несовместимые с жизнью. Иногда засранцам этим все же удавалось это сделать. Но почти за добрый десяток лет количество нанесенных ими травм этих смертельных, не превысило количество потерь, которые мы сами же ежегодно творим на наших дорогах, весьма отдаленно напоминающие автомобильные и очень похожих на едва обозначенные бедуинами направления в дикой пустыне. Во как мы друг-друга скрытно ненавидим! Странно это. Очередной парадокс какой-то получается. Вот, к примеру, если мы с кем-то не знакомы, и встретились, допустим, по делу. Как мы себя ведем? Конечно же мило так улыбаемся друг другу: «Как мы рады Вас видеть! Очень сожалеем, что не встречались раньше!» Но стоит увидеть друг друга в первый раз, таких же, казалось бы, незнакомых на импровизированной нашей дороге...! Дикая всеми обуревают в одночасье взаимная ненависть! «Ах, ты, скотина, посмел меня не пропустить, вот уж же я сейчас, урод, тебя подрежу! Уж подрежу, так подрежу!» И подрезает ведь, шельмец окаянный! Резко так в сладострастии своем подрезает! И ощущает, пострел, – бах, долгожданный удар в автомобильную задницу и вынос на встречную полосу под 120-ти километрово в час в шустрости своей, 5-ти тонный какой-нибудь там захудалый самосвалишко! И в доме его короткое время играет грустно-торжественная музыка. Он ее почему-то не слышит. Может, наконец-то, о чем-то задумался? Никто не знает. Это теперь его тайна.

Но не только этим чудесным невозвращением в мир кровожадных туземцев награжден был Серега за свои ратные подвиги, а еще премирован он был еще и переводом в Ракетные войска самого что ни на есть стратегического назначения. «Вы не волнуйтесь, – говорили ему, – хуже уже не будет, там уже с «духами» перестреливаться вам не придется. Это ведь не основная ваша специальность – свинец по сторонам метать. И связь вы до этого какую-то смешную организовывали – какие-то сотни километров. Пора бы сосредоточиться на решении стратегических задач. А в Сухопутных войсках вам этого не дадут. Там, Вы будете всю жизнь и в холод, и в зной по полям, лесам, болотам и пустыням таскаться. Оси прокладывать и рокады тянуть за наступающими на учениях войсками. А в Ракетных-то войсках да

еще стратегического назначения жизнь вас ждет совершенно другая. Будете себе в подземелье посиживать да различные кнопки нажимать – у них там все автоматизировано. Тепло, светло, с крыши не капает, и, заметьте, никакой стрельбы! Если уж они, «стратеги» эти, вдруг стрелять начнут – все, всем остальным, а через некоторое время и им самим (когда ракеты кончатся) больше никуда торопиться не надо будет. И волноваться больше ни о чем никому уже не придется. Но это ведь все только в самом крайнем случае может произойти! А так, в повседневности липкой все в этих войсках стабильно, комфортно и хорошо. Что-что? У вас клаустрофобия?! Теряете сознание в замкнутых пространствах и не переносите подземелий? Ничем вам помочь не можем. Мы и так вам навстречу пошли, учитывая ваше маниакальное желание служить. Вам с вашими ранениями и перенесенными заболеваниями вообще в армии больше делать уже нечего. Вы уже готовый, законченный совсем инвалид даже по гражданским критериям. Это касательно вашего соматического здоровья. А относительно вашего психического здоровья должны вас предупредить, что сохраняется реальная угроза достижения Вами долговременного состояния вялотекущей шизофрении. Вы ведь помните бессмертную классику: «Если человек дурак – то это надолго!»? А Вы ведь после «афгана» своего, Вы ведь все уже состоявшиеся дураки и есть. Проблемные вы уже все. Так что прямой и безальтернативный путь вам уже предопределен – только в Ракетные войска самого что ни на есть стратегического назначения. Идите, идите, проваливайте, пока для Вас не стало уже все поздно. Пока мы еще ничего по Вашему поводу не передумали.

Настороженное отношение к службе в Ракетных войсках стратегического назначения Сереге и его однокашникам настойчиво прививали в течение всех пяти лет обучения в военном училище. Распределением в эти войска разгневанные военнотрунующие пугали самых нерадивых обучаемых военных всякий раз после совершения ими каких-нибудь из ряда вон выходящих воинских проступков. «Ублюдки! Скоты! Всех в РВСН отправлю! Сгниете там все у меня, уроды! В ракетных шахтах смердеть до конца века своего будете!» – заходился, бывало в истошном крике какой-нибудь очередной удрученный поведением своих подчиненных военнотрунующий.

Что же конкретно там, в войсках этих стратегических, было страшного? Никто из обучаемых военных этого точно не знал. Были предположения о многочисленных аспектах тяжести несения службы в заглубленных командных пунктах, но все предположения разбивались об один аргумент, состоявший в том, что многие выпускники попадали служить на не менее заглубленные командные пункты (с сопутствующими каждой заглубленности проблемами поддержания приемлемого температурно-влажностного режима) других родов и видов войск, и никто из них каких-то сверхчеловеческих трудностей не испытывал. Но все же что-то настораживало обучаемых военных и заставляло подсознательно побаиваться попадания на эти четыре зловещих буквы. Наверное, пугающая близость «ядерной» кнопки.

Но, все-таки, обучаемым военным однажды удалось приподнять завесу тайны над всеобщим испугом. Как-то в ночном лесу на осенних учениях проговорился один из военнотрунующих. Расслабленно сидя вечером у костра, военнотрунующий провел с обучаемыми военными своего рода мастер-класс, посвященный умению делать логические выводы:

«Вы сами-то мозгами своими куриными пораскиньте. Когда примерно образовались Ракетные войска стратегического назначения? Правильно, на рубеже пятидесятих и шестидесятих годов. А вы знаете, как это реально происходило? Нет? Поясняю – перед вами живой участник тех далеких событий. Изготовили у нас в стране, знатчица, ядерные боеприпасы. Просто наперекор и в противовес Америке разработали. А когда испытывать начали, сами испугались – батюшки светы! Это же такая силища! Можно теперь и о мировой революции задуматься! Правда, нашлись в коллективе «отцов-содателей» и свои ренегаты. Про одного из них вы, наверняка, слышали. Про академика Сахарова слышали, небось? То-то. Да-да,

трижды Герой. Вот посмотрел этот «герой» во время испытаний на то, что натворил с сотоварищи и испугался. Испугался, срочно переквалифицировался в диссиденты и стал выступать за запрет испытаний ядерного оружия и его немедленную ликвидацию. А что? Сейчас можно и повыступать немного. Это раньше диссиденты делились на две категории: досиденты и отсиденты. А сейчас... Вот, пожалуйста, тот же Сахаров – сколько кровушки он отпил у членов Политбюро ЦК КПСС своими обращениями к международной общественности? А вот, поди ж ты, – дали отдельную квартиру в городе Горьком, академическую стипендию тоже пожаловали. Вернее, не сумели у него отнять эту стипендию, – академики наши проявили солидарность и оставили его в своих рядах. В пику, так сказать, высшим нашим партийцам. Вот такой наступил нынче диссидентский гуманизм. Пользуйтесь, товарищи диссиденты, пока новый Сталин не родился. Сидите себе тихонечко и не вякайте. Ему ведь, Сахарову-то, когда он подрывной своей деятельностью занялся, очень поучительный анекдот маршал Неделин рассказал: «Молится дед перед образами на ночь: «Господи, укрепи и направь!» А бабка с печи: «Господи, ты главное-то укрепи, а направить-то мы и сами как-нибудь сможем!» Но не внял академик завуалированному в анекдот совету и попал в опалу. Ну, ладно, Бог-бы с ним. Извините. Отвлекся. Всевышнего в суете зря совсем упомянул. Так вот, заряды-то создали, а пулять-то ими как? Задумали, допустим, сделать подарок дядюшке Сэму, например, на день Независимости, а доставить его ему никак не можем. Уже и по телефону ему позвонили, чтобы устно поздравить. А во время устных этих поздравлений не удержались и похвалились приготовленным подарком. Похвалиться-то похвалились, а сами не везем ничего. Не самому же дядюшке Сэму, в конце-то-концов, за подарком приезжать! Должны же соблюдать хотя какие-нибудь правила приличия?! Например, правила международного этикета. Можно, конечно, самолетами ему подарки доставить, но дорого очень – без дозаправки в пути не обойдешься. Да и долго очень – дядюшка-то Сэм особым терпением никогда ведь не отличался, охоч больно до подарков-то. Тогда, наконец-то, вспомнили: у нас ведь космические ракеты имеются! Надо их только немножко доработать, сделать из них межконтинентальные и порядок! Так и сделали. (Лукавство это все, конечно же, – ракеты делали в первую очередь для повышения обороноспособности страны Советов, а уже потом только для мирного освоения ближнего космоса. И все об этом знали. Но так, чтобы в слух такое ляпнуть... Ни в коем случае! Ни-ни! У нас гуманистическая идеология!). Взались за дело круто и наmodernизировали. А дальше-то что? Ну а дальше, конечно же, войска особые нужны. Не просто ракетные, а еще и стратегические! А как же? Кто ж все это хозяйство обслуживать будет и по необходимости ракеты эти подарочные пулять? И полетели в различные рода и виды Вооруженных сил СССР директивы с квотами на количество служилого люда, командированного для формирования нового рода войск – Ракетных войск стратегического назначения. А теперь внимание: вопрос! Каких людей отдавали командиры для выполнения столь почетной миссии? Вот сами вы кого, например, отдали бы? Правильно тех и, отдали бы, от которых уже не чаяли Вы сами как избавиться. А как от них, сердешных, можно было избавиться? На службу иной такой служака приходит всегда вовремя. Мало того, что вовремя приходит, сволочь эта, он ведь на службе этой еще и не выпивает! А еще не гнушается он на ней, на службе этой, неограниченно долго задерживаться. Демонстрирует деланный в фальшивости своей фанатизм! Всем видом своим демонстрирует он – не запямятовал, мол, я о извечной военной ненормированности рабочего дня. И могу, мол, в течение всей этой ненормированности непрерывно имитировать вам кипучую деятельность в любом направлении. Понятно, что толку от такого служаки может не быть абсолютно никакого. Мало того, он может быть для ратного вашего труда чрезвычайно вреден. Кроме того, встречаются так же порой еще и экземпляры не только вредные до чрезвычайности, но еще и крайне опасные для окружающих их во время службы лиц. Им так и пишут в служебных характеристиках: «В мирное время – чрезвычайно вреден, в военное – катастрофиче-

ски опасен». Командиры и начальники всех степеней (если, конечно же, сами не попадают под определения этих категорий – бесполезных, вредных и опасных военных) пребывают в постоянных и напряженных размышлениях, в непрерывном поиске пребывают они. Поиске вариантов законного дистанцирования от этих часто ревностных, но удивительно бестолковых служаков. Отправляют командиры этих скрытых врагов в дальние и длительные командировки: на курсы повышения их застывшей и дрожащей в окрестностях абсолютного нуля квалификации; в Казахстан на уборку целинного урожая; на сбор грибов и ягод в окрестные леса; на ловлю рыбы в соседних безнадежных водоемах и т. д.

Совсем уж отчаявшиеся командиры и начальники отправляли своих бездарей даже для сдачи экзаменов в Академии, деятельно хлопоча при этом о непременно их туда поступлении. А затем делали все возможное для гарантированного пребывания горе-военных в Академиях в течение всего срока обучения (не дай Бог, отчислят бездаря по неуспеваемости и пришлют во вред обратно!). Вот и идут академическому начальству подарочные контейнеры. Чего только не было в этих контейнерах: красная рыба и икра, лосятина и медвежатина. В общем, чем богаты, тем, как говорится, и рады были отчаявшиеся командиры и начальники. Только не вертайте, как говорится, взад этого академика-вредителя. А когда подступал момент выпуска, потоки подарков перераспределялись еще и на кадровые службы. Чтобы, значит, не вздумали бюрократы эти в отместку за что-нибудь прислать горе-выпускника обратно. Могли ведь они, кадровики эти, запросто взять и так вот антигуманно поступить. Затаить обиду на посылающих мимо них контейнеры и прислать этого гада обратно. Да еще на более высокостоящую должность прислать. А как же? Он ведь, вредитель, успешно завершил обучение в академии! Трепещите теперь, сырые.

Однако, в качестве частичного оправдания бюрократически-наживнической деятельности кадровиков, можно отметить, исключительно справедливости ради, что угрозой отправки очередного бездаря в места, откуда исходила обида пользовались не только они. В порядке безобидного разглашения военной тайны, поделимся: некоторые особо изощренные командиры и начальники использовали горе-служаков в качестве орудий мести таким образом, что очередной служивый-подарок после выпуска из Академии оказывался вдруг в подчинении у давних их недругов. Комбинатор, как правило, выдерживал полугодовую паузу и звонил недругу, с нарочитой доброжелательностью в голосе говоря: «Здравия желаю! Я, такой-то! Помните? И я Вас! Я теперь Вас до конца жизни не забуду! Позвольте поинтересоваться, а как там такой-то? Да-да, это мой ученик! Для Вас готовил. Лучшие кадры всем раздаю! С кровью выдираю из сердца своего предынфарктного и раздаю! Сам себе удивляюсь, просто впал в альтруизм какой-то! Воспитываю этих шельмецов, вкладываю в них всю без остатка душу и раздаю!» А в ответ, как правило, уже не скрывающие широких улыбок комбинаторы слышали: «Так это ты этого гада...!? Ссу-кк-а-а! Отомщу! Пришлю! Жди!»)

И вдруг, такая вот несказанная удача выпала командирам и начальникам! Конец непрерывному поиску и терзаниям! И ведь, что здесь самое главное, – все на законных основаниях, без шума, так сказать, и без особой пыли. Сверстал приказ, и давайте, родной вы мой карьерист, дуйте к новому своему месту службы в новейшие свои войска. На этот раз это не я вас куда-то посылаю. Вас Родина на этот раз посылает. Да-да, именно Родина в лице нашей родной коммунистической партии и насквозь народного нашего правительства. Вот с ними и полемизируйте. На них и жалуйтесь в политотдел. Желательно в политотдел по новому месту своей службы начинать жаловаться, прямо сразу по приезду. Да не расстраивайтесь вы так. Может даже и с повышением у вас получится, если прямо сразу, сходу, значит, с самого доклада о прибытии дурь свою несусветную проявлять не будете, если затаитесь на какое-то время и умным удастся вам прикинуться, тогда может и повезет вам как-то.

Вот такие-то вот дивные горе-служаки и составили основу нового вида войск. А потом пошли туда служить их дети, по батькиным, так сказать, стопам. А яблоко от яблони-то,

как известно, оно ведь совсем недалеко после падения во зрелости откатывается. Поэтому и первоначально сложившиеся традиции остаются там незбылемыми: строжайшее выполнение уставных и всяческих других предписывающих положений, помноженное на природную бестолковость. А это все приводит к круглосуточным бдениям ракетных военных, даже не задействованных в данное время для несения боевого дежурства. К примеру, тех ракетных военных, которые вроде как должны отдыхать после недели непрерывного боевого бдения в глубоком подземелье. Понятное дело: дежурным силам-то, как говорится, сам Бог бдить велел. А вот все остальные, в данный момент для выполнения боевых задач не задействованные, будут непрерывно собираться кем-то все вместе, о чем-то совещаться в режиме одностороннего монолога, а затем испуганно разбежаться и выполнять какие-то глупейшие в надуманности своей приказы и распоряжения. И так, в лучшем случае, до глубокой ночи будут то собираться и внимать суесловиям, то судорожно разбежаться и бестолково суесться. А в худшем случае ракетные военные могут услышать: «К утру чтоб все було! К утру, я сказал, на-х!» Так что, ребята, вот так у них, у ракетных этих, все и всегда происходит. У нас тоже бестолковой всякой суеты порой хватает, но всеж-таки неизмеримо проще править воинскую службу. И поэтому шансов дожить до пенсии, не впад в растительное состояние, тоже неизмеримо больше».

Это ночное повествование у пламенеющего костра уже вроде бы совсем стерлось из Серегиной памяти, но вдруг вспомнилось как-то все сразу и было живо воспроизведено воспаленным его сознанием с точностью до мельчайших деталей. И случилось это озаренье в тот момент, когда Сергей как будто в полусне заслушивал текст из уст речистого направленца-кадровика самого Главного из всех управлений кадров. А смысл текста как раз и сводился к формулировке подкупающего своей заманчивостью, деятельного такого предложения о создании некой нерушимой связи Серегиной судьбы (причем в самое ближайшее время) с лучшими в СССР войсками. Можно даже смело утверждать о создании устойчивой в судьбоносности своей связи с элитой наших Вооруженных сил – самой значительной и действенной частью нашей ядерной триады. Это не каждому так может повезти! Это все только для избранных! Тем более, сразу на капитанскую должность. У нас таких должностей целую пятилетку ждут, а то и две пятилетки. Даже песня такая в строгих Ракетных наших войсках давно стала популярной: «Пятнадцать лет промчалось не заметно – и вот уже я старший лейтенант!» А вас сразу на капитанскую должность. Ценить надо! Правда, еще не факт, что вам это звание в ближайшем будущем присвоят. Это ведь так послужить-то надо, чтобы начальство сначала ваше рвение заметило, потом оценило и, наконец-то, все-таки, вам присвоило очередное ваше звание. Но это, казалось бы, очередное звание может ведь для вас и последним оказаться. И какую вы пенсию тогда будете получать, когда окончательно на службе состаритесь? С таким то вот высоким воинским званием? С голодудохнете, донашивая старые мундиры. Поэтому полностью надо уметь отдаваться даже не всегда, положим, любимому делу. Вот просто взять так, плюнуть на все слюной и уйти из семьи, забыть о воспитании собственных злодеев-детей и посвятить себя работе с родным личным составом. А как вы хотели? Вот сейчас стали о тяжелой судьбе проституток писать. Вот уж не любят они, горемычные, сам процесс трудовой своей деятельности! (У них же, у б... и этих, все точно так же все происходит, как и у всех остальных представителей не таких уж и древних профессий – сначала нравится трудовой процесс, ну просто до оргазма нравится, а потом в один прекрасный момент вдруг раз – и все, чертовски и все сразу надоело, апатия вдруг просто какая-то нападает). Ненавидят уже жрицы любви сам процесс, но при этом так ему отдаются! Просто полностью ему отдаются – до самого кончика конца! До почек! И часто по несколько раз на дню! А вы? Чем вы хуже проститутки? Почему вы должны работать с меньшей самоотдачей? И еще один важный момент ни в коем случае нельзя упускать (помимо работы с навязанным вам личным составом) – это организация грамотной эксплу-

атации, вверенной партией и правительством, самой дорогостоящей в мире (из золота сделанной и почти медицинским спиртом протираемой) боевой техники. А техники у вас будет много и вся на колесах. Да-да, мы учли ваши клаустрофобические склонности. Мы же не звери, в конце концов. Не хотите вы штаны просиживать в хорошо отапливаемом и иногда проветриваемом подземелье – извольте: теперь будете по полям, лесам и болотам топким кататься и лазить. Не один, естественно, будете кататься и всюду лазить, а с великим множеством различного люда – рядового, сержантского, прапорщицкого и офицерского сословий. Кататься с множеством слегка обученного чему-то людей беспорядочно расфасованных по кабинам и кунгам великого множества боевых и, по веселому, зеленых таких автомобильчиков. Теперь Вы будете и в жаркий зной, как говорится, и в студеную стужу (не говоря уже о весенне-осенней распутице) разнообразную связь ракетно-стратегическому командованию стараться обеспечивать. И попробуйте хотя бы разок чего-то не обеспечить!

Тем временем, изрядно впечатленный подобными «отеческими» напутствиями, наш хромоногий герой уже почти вплотную приблизился к цели своего пешего перехода и решил уточнить свои координаты у одиноко сидящей на остановке старушки: «Здравствуйте, бабуля, скажите, пожалуйста, чтобы выйти к поселку «Молодежный» мне налево сейчас надо повернуть?»

– Какой такой «Молодежный»? – озадаченно встрепенулась бабуля, изучающее вцепившись взглядом в молодого офицера – Сколько живу здесь – знать не знаю такого. Тебе, сынок, наверное, на «Фортран» надобно? Вона, вишь, антенны от «Корунда» из лесу торчат? Вот туды-то тебе, должно быть, и надоть итить.

Сергей вздрогнул от неожиданности: мало того, что бабка знала почти секретный позывной узла связи, она даже знала секретное (по тем временам) название военного комплекса спутниковой связи! «Да, чувствуется, что работа по защите от утечки секретной информации в стратегических войсках поставлена самым серьезным образом. Официального названия гарнизона никто в округе не знает, а информация, которую ракетные военные тщательно прячут, преспокойно разгуливает себе по окрестным деревням, – подумал Сергей, но вслух ничего не произнес, – а бабуля эта, ну, наверное, и не бабуля это вовсе, а заправский агент-проньера коварного империализма». Поблагодарив шпионистую бабусю и прохромав еще с километр, старлей наконец-то уперся в родные краснотелые ворота, с типовым зданием-«собачьей будкой», называемым контрольно-пропускным пунктом (КПП). Из окна «будки» тоскливо-сонно смотрел на уходящую вдаль дорогу пожилой прапорюга обветшалой-барбосистой наружности. Серега постучал по толстому оконному оргстеклу – никакой реакции со стороны «прапорюги», застывшего в какой-то предвечерней неге, сулящей скорое окончание дежурства, не последовало. Серега постоял еще некоторое время и, наконец, потеряв всякое терпение, резко открыл специальную форточку (форточку, предназначенную вовсе даже не для проветривания помещения, а служащую своего рода сначала звуко-, а затем и взяточно-проводом между дежурным и представителями местного населения, желающими незаконно проникнуть на территорию части в магазин типа «Военторг», торгующий дефицитной для всей округи колбасой. «Прапорюга» испуганно вздрогнул и недовольно повернул свою шарообразную голову на несуществующей шее в сторону форточки. Взгляд прапорюги не меняя тоскливо-сонного выражения безразлично уперся в грудь старлея. Сергею пришлось прибегнуть к испытанному методу привлечения внимания и хлопнуть ладонями перед носом мечтателя.

– Старлей Просвилов! Прибыл для дальнейшего прохождения службы, – громко бросил Сергей в форточный проем и просунул туда мятый листок серо-казеной бумаги – Вот мое предписание.

«Прапорюга» наконец окончательно очнулся. Лицо его приняло, видимо, привычное для него важно-строгое выражение.

– Так-так, – озабоченно проговорил он, внимательно рассматривая предписание – эх же и угораздило Вас, товарищ старший лейтенант! Надо ж было в батальон-то Вам попасть! В гарнизоне еще две части и обе несут дежурство на стационарных объектах. Офицеры там просто «белые люди»! На дежурство на автобусике их привезли, подежурили они там, поспали всласть, отдохнули от семейных хлопот (А чего дергаться? Дежурные смены состоят из опытных специалистов – вольнонаемных гражданских лиц, как правило, имеющих высшее образование и стаж несения боевого дежурства по пять-десять лет), а после смены усталых начальников на том же автобусике развозят по домам и чуть ли не провожают до подъезда. А Вас так жестко – в батальон! Как же Вам не повезло! Как я Вам сочувствую! Батальон – это полная, извините товарищ старший лейтенант, и глубокая такая в безнадежности своей ж... а! Ну ладно, что теперь делать, подождите немного, я сейчас вызову посыльного из штаба, он Вас проведет куда надо».

Причитания унылого «прапорюги», так искренне соболезнующего Сергею, почему-то произвели на него обратное действие. Ему вдруг стало весело и только теперь проснулся в нем искренний интерес: «Чем же еще можно пронять боевого офицера, два года промаявшегося на высокогорной точке и побывавшего в таком переплете!? Ладно эти штабные чистоплюйчики-кадровики злорадно пугали. Им ведь само слово «войска» всегда вселяло неподдельный ужас и отвращение, а любимая присказка содержала следующий смысл: «Лучше иметь в подчинении сорок секретных сейфов, чем одного отличника боевой и политической подготовки». С ними все понятно, но чего разохался этот покрытый мохом прапорюга, которого уже кажется ничем не прошибешь?»

– Да не надо никакого посыльного, – остановил Сергей дежурного. – Вы обозначьте мне, пожалуйста, азимут. А я уж как-нибудь найду.

– Вот и славненько, – обрадовался «прапорюга», бросая телефонную трубку на рычаги раздолбанного в усмерть аппарата, – тем более, свободного посыльного у них сейчас нет. Всех разогнали куда-то. И неизвестно, когда они теперь вернутся из этого «куда-то».

Внимательно выслушав дежурного, Сергей перешагнул порог КПП и началась его служба в РВСН. В воинской части расположенной на самой что ни на есть границе. На тщательно охраняемой и оборудованной в инженерном отношении границе Московской и Калужской области!

Глава 2. Развеселый батальон

Отойдя от КПП совсем на небольшое расстояние случилось Сергею повстречаться с таким же, как и он сам, молодым старлеем, передвигающимся куда-то стремительной слегка подпрыгивающей походкой.

Встречный старлей, едва оказавшись за спиной Сергея, вдруг неожиданно резко затормозил и выполнил, видимо мысленно отданную себе же, команду: «Кругом!» (Есть такая короткая у военных команда, которая на украинском языке звучит примерно следующим образом: «Там дэ було рыло нэхай будэ пэрдыло!») Выполнив данную себе команду, незнакомый старлей вдруг ни с того ни с сего громко зафальцетил Сергею в спину: «Товарищ старший лейтенант! Вы почему честь не отдаете?!» От подобного нахальства Сергей на какое-то время потерял дар речи и по инерции продолжал движение в прежнем направлении. Надо было бы ему так и идти себе дальше, не останавливаясь и не оглядываясь. Надо было просто проигнорировать этого нахала и попросту не обратить внимания на этого встречного наглеца. Но Сергей через некоторое время зачем-то все же остановился. Остановившись, он удивленно оглядел невысокую щуплую фигуру, наряженную в повседневную офицерскую форму с явно широким в плечах кителем и увенчанную непомерных размеров фуражкой, видимо шитой на заказ и чем-то напоминающей наполеоновскую треуголку. «Понятно, – подумал про себя Сергей, – маленький мужчина, он ведь всю свою жизнь самоутверждается. Не знаю я тебя, «император», но уже не люблю. Вот уж действительно: если ты попался мне навстречу, значит нам с тобой не по пути».

– Ты кто? – спросил «наполеона» Серега как можно небрежней.

– Не ты, а вы, – покорило незнакомца, и он опять сорвался на частый фальцет, – я, старший лейтенант Пчелкин, командир второй роты отдельного батальона связи. А вы? Представьтесь!

– Слушай, старлей, я честью не торгую и, тем более, бесплатно ее не раздаю. А ежели ты все-таки имел в виду воинское приветствие, то не дорос ты еще до приветствий-то. В зеркало посмотри-ка на себя, чучело огородное. И кастрюлю свою на голове поправь. Сразу видно в тебе «защитника Арбата». А еще лучше – топай ты отсюда куда-нибудь и желательно побыстрей топай, не доводи до греха контуженного боевого офицера. Место тут безлюдное и лесистое. Гнуса вокруг опять же полно, того и гляди, ужалит кто-нибудь прямо в глаз, будешь потом долго с замполитом задушевно беседовать о моральном облике советского офицера, ежели ты, конечно, сам не замполит».

Старлей-«наполеон» стоял, испуганно-удивленно хлопая веками широко открытых глаз и по-рыбьи шевеля губами.

К концу непривычно долгого для себя монолога Серега окончательно потерял всякий интерес к этому щуплому, в величавости своей, и непомерно амбициозному старлею и, развернувшись, похромал прежней дорогой к конечной цели своего сегодняшнего путешествия. Некоторое время в спину ему еще несло что-то вроде: «Вы еще ответите за свое поведение! Я на майорской должности! Я...! Я...!», но вскоре неуверенные вопли стихли, и Сергей почти сразу забыл об этой малоприятной и странной встрече в лесу. Совсем не на долго, правда, забыл. И двух часов не прошло, как пришлось вспомнить.

Штаб батальона Сергей нашел довольно быстро. Невысокое двухэтажное здание, несмотря на вечернее время, почти до отказа было забито спящими между кабинетами офицерами. «Что-то у них видно тут стряслось, – подумал Сергей, – вон какие взъерошенные все». Наконец из этого броуновского движения ему удалось выудить дежурного по части, подвижного, круглолицего капитана и выпытать у него точное нахождение командира:

– Свилярник на хоздвор пошел осматривать. Не скоро, наверное, вернется. Любит он это дело. В смысле подсобное хозяйство. А вы случайно не Просвилов? А-а-а. Тогда вам срочно его надо найти. А то он с самого утра о вас все время спрашивает, прибыл ли?. Видно из «кадров» ему позвонили, сообщили, что едете, и как-то, видимо, по-особому представили. Так представили, что он последние остатки покоя потерял (он и так-то у нас дерганый), просто ужас как хочется ему с вами познакомиться! Так что вам лучше его все-таки сразу найти. Найти и представиться. Чтобы в ближайшем времени, значит, не преставиться. Ха-ха-ха! Это мы так шутим. Как добрались? Да-а-а, это у нас проблема. Казалось бы, Москва рядом, а попробуй-ка доберись. Я, например, в Москве бываю только проездом, когда в отпуск на родину еду. Ну ладно, идите, порадуйте старика.

Не оценив глубокого смысла шутки дежурного Сергей, отправился на поиски хоздвора, скрывающего в своих чавкающих недрах беспокойное тело нового командира. О том, где находится этот хоздвор, можно было никого не спрашивать. Надо было только выйти на плац перед штабом, слегка покрутить носом, и направление дальнейшего движения сразу же четко прорисовывалось вздрогнувшим сознанием. Неповторимая гамма запахов хорошо помогала встрепенувшемуся сознанию нарисовать картину неухоженного двора с грязными обитателями военно-домашней фауны, угрюмо стоящими, ползающими, хрюкающими в беспролазной навозной жиже неумелого армейско-сельского хозяйства.

Как оказалось, умозрительные образы мало чем отличались от реальной действительности, творившейся на благоухающем хоздворе. Обозреваемая Сергеем картина добавила к образам только лишь проброшенные в навозной жиже нестроганные доски. Доски, видимо, должны были служить своеобразными мостовыми для редких посетителей и, так называемого, «обслуживающего персонала» этого богомерзкого места военного хозяйствования, но функций своих практически не выполняли. Так, например, если бы какой-нибудь залетный и самый опрометчивый из отчаянных посетителей осмелился без особой экипировки произвести осмотр внутренних интерьеров этого смердящего двора и решил бы воспользоваться для этого досками-«мостовыми», то они тут же превращались бы в театральные подмостки или же в цирковую арену. Первая оказавшаяся на «мостовой» нога отчаянного посетителя тут же с бульканьем погрузилась бы по колено в зловонную жижу вместе с доской, а вторая принялась бы судорожно дергаться над волнообразной поверхностью в надежде стабилизировать положение тела этого безрассудного посетителя. Но длилась бы эта агония совсем не долго. Здесь было всего два варианта развития событий. Либо посетитель принимал собственное его натуре отчаянное решение и решительно опускал в жижу вторую ногу и, как ни в чем не бывало, принимался разгуливать по агрессивной среде, с деланным интересом пялясь на замученных безнадегой животных. Либо же посетитель изменяя своей бескомпромиссной натуре (очевидно под воздействием одурманивающих агрессивных внешних факторов) все равно должен был погрузиться в окружающие его нечистоты, но только после суетливо-танцевального балансирования над беспокойной поверхностью и на этот раз всем туловищем. Погружение должно было происходить с характерным всасывающим хлюпом и до спасительных ворот пришлось бы добираться вплавь.

Только специальным образом экипированному «обслуживающему персоналу» все было нипочем. С раннего утра и до позднего вечера мельтешили «аграрии» по всей животноводческой территории, добросовестно выполняя многочисленные в примитивности своей поручения, отдаваемые кем-то на дворе не видимым. Мужественный в безропотности своей персонал «аграриев» состоял, как правило, из бойцов-срочников, абсолютно не пригодных ни к одному из видов деятельности, которая хотя бы как-то могла быть полезна воинской службе. Вместе с тем в «аграрии» принимались лица, имевшие в прошлой и одновременно в пошлой своей гражданской жизни хоть какое-то отношение к сельскому хозяйству. Ну, к примеру, во время учебы в школе ездили они, избранные лица эти, как-то с классом в колхоз

на уборку картофеля и видели вдалеке пасущиеся стада лошадей и коров. Одного из таких горе-«аггариив» Сергей застал за строительством сложного гидротехнического сооружения, напоминающего плотину. Боец-«аггариив» упрямо пытался направить зеленый в зловонности своей поток свиначей жизнедеятельности, пробивающийся из под свинского домика, в слегка обозначенную сточную канаву, соединяющую хоздвор с соседствующим неподалеку болотом. Но уровень намеченных берегов канавы был явно ниже уровня потока, и вся вытекающая из свинского домика зеленоватая прелесть равномерно растекалась по всей площади военно-аггариивного комплекса и естественностью своей свежести еще более усиливая оттенки царящего вокруг аромата.

– Ты хоть бы канавку поглубже догадался бы выкопать, бездарь, – бросил Сергей «аггариив», подойдя поближе к заграждению.

– Не было такой команды, товарищ старший лейтенант, – отозвался незадачливый «аггариив» – сказано было на штык лопаты, на штык и выкопал. Товарищу прапорщику виднее.

– Команда ему нужна! А голова тебе на что дана? Так и будешь до дембеля лопатой по говну стучать. Ну ладно, такие проблемы периодически возникают у каждого индейца. Ты вот что скажи мне, голубь сизый, был ли здесь командир, а если был, то когда и куда ушел? Понятно, что он, когда уходил, наверное, забыл тебе по всей форме доложить. Хоть направление его перемещения покажи. Никаких слов мне от тебя не надо – рукой покажи.

– Та куда он не уходил. Он там, в свинарнике. Машка сегодня ночью опоросилась, вот он там с приплодом и разбирается – имена всем раздает.

– Батюшки-светы! Как это трогательно. Не дать, не взять – крестный отец. Как же он туда прошел? Вы что тут, персональный гидрокостюм для него держите? Или на носилках его, как китайского мандарина, по двору носите?

– Та нет. Чулки от ОЗК (Общевойсковой Защитный Комплект) он одевает и ходит тут везде. А мы потом сутки их отмываем.

(Продолжим наше дальнейшее изучение этого удивительного армейского одеяния: ОЗК – это такой армейский скафандр, позволяющий надевшему его военному прожить чуточку больше всего остального населения в условиях ядерного или химического воздействия. При этом, «чуточка» должна позволить военному довершить до конца выполнение боевой задачи. А потом все – «моментом в море». После довершения военные уже никому не нужны. И не верьте никогда тому, кто будет вам рассказывать про успешное преодоление зоны заражения, про дегазацию и дезактивацию. Бред это все. Ежели попал военный в такую катавасию – «финита ля комедия». Хоть и несколько отсроченная «финита»).

– Не ропщи, служивый – судьба у тебя значит такая. А судьба-то, ведь она в том числе и работу тебе определяет. Дуй-ка ты лучше в свинарник и шепни командиру о том, что прибыл, дескать, старший лейтенант Просвилов и желает ему, командиру значит, лично об этом доложить.

«Скотник» нехотя прохлюпал бахилами по благоухающему месиву, покачивающему растревоженными волнами ненадежный забор-плотину, и исчез внутри низкого, наспех сколоченного и покосившегося уже здания-сарая. Исчез надолго. Сергей уже успел, что называется, привыкнуться к неизбежным на Руси ароматам сельской жизни. Голова его начала хоть и медленно пока, но довольно уже ощутимо от чего-то и куда-то «плыть». В сознании стали медленно обозначаться чьи-то расплывчато-туманные образы. От усталости, наверное, или от газов, испускаемых соседним болотом. Или же от того и другого вместе: от сочного благоговения скотского говна ведь такого эффекта вряд ли приходится ожидать. В противном случае советские колхозники давно уже престали бы водку пить и ринулись бы всей гурьбой на скотный двор. Животноводство сделало бы по истине гигантский скачок вперед и ощутимо приблизило бы победу коммунизма в отдельно взятой стране. А сам факт пришествия ком-

мунизма в те времена еще многим казался неотвратимым. Сомнениям и кривотолкам подвергались лишь сроки чудесного пришествия. Но и то только в допустимых пределах подвергались. Сказано же было чуть ранее с высокой трибуны партийного съезда: «Нынешнее поколение молодых людей будет жить при коммунизме!» Вот и верили в это все молодые. Вернее будет сказать, не совсем прямо так уж и все, но наиболее сознательная и передовая часть советской молодежи в это верила. Те, которые:

«А я еду, а я еду за туманом.
За туманом и за запахом тайги».

Или:

«Я там, где ребята толковые,
Я там, где плакаты: «Вперед!»

А диссидентов же всяческих в расчет можно было и не брать – они вообще мало во что когда-нибудь верят и всегда всем недовольны. Скептики нудные они все просто, вот и всё. И, к тому же, еще и угрюмые они меланхолики. Ходят и вечно брюзжат: «Колбасы нету! Качественных товаров нету! Машину не купить! Свободы слова, и той – нету!» И песни комсомольские извращают эти злопыхатели:

«А я еду, а я еду за деньгами.
За туманом едут только дураки».

Наконец это надоедает окружающему диссидентов законопослушному населению, и отдельные, самые ответственные представители диссидентского окружения сигнализируют «КУДА НАДО». Сотрудники «КУДА НАДО» берут брюзжателей на особый учет, точнее устанавливают круг их общения и проводят со всеми сразу разъяснительные беседы (бдительных представителей окружения эта процедура не затрагивала), приводят им наглядные примеры того, что все у нас в стране есть и им надлежит только приобрести умение все это видеть. Необходимо научиться, так сказать, под другим углом смотреть на окружающую их, диссидентов, действительность. И надо отметить, что некоторые из диссидентов и многие из их окружения как-то сразу проникались. Меняли, так сказать, угол своего мировоззрения. А другие – нет, не меняли. Артачились. Вставали, так сказать, в позу. Поза внушала отвращение сотрудникам «КУДА НАДО», они теряли свое хваленое железное терпение, хватили неговорящих диссидентов за шиворот и выбрасывают их за строгие пределы одной шестой части суши. Можно сказать, бросали их прямо в хищную акулю пасть капитализма.

А там, в пасти этой, слюнявой в зубастости своей, диссиденты вначале чувствовали себя вполне даже комфортно. Им выплачивали всяческие пособия и гранты, предоставляли казенное жилье и скучную, никому не нужную, но довольно достойно оплачиваемую работу. Кормили этих дармоедов различными видами колбас, угощали деликатесными в дырявой плесени своей сырами. За эти изъеденные червями и покрытые слоем зеленой плесени сыры, за эту не нужную никому экзотику в советских магазинах продавцов просто расстреляли бы на месте ржавыми пулями. А тут – пожалуйста, ешь – не хочу. Но беда дармоедов этих была еще и в том, что они постоянно хотели. И их поначалу действительно кормили. Много-много чем кормили и, большей частью, экзотическими разными блюдами. Кормили и кричали об этом во всех средствах массовой информации, а потом приглашали лоснящихся изгнанников в различные студии, где они позировали перед телекамерами и бормотали что-то вроде: «Non Union Sovetic! Democratic – yes! Сало, масло, колбаса – гут!» Языкам-то ведь ника-

ким не были обучены, в большинстве своем, диссиденты-то, как, впрочем, и подавляющее большинство советского народа. Даже та его часть, которая имела высшее образование, тоже стыдливо так писала в различных анкетах: «Читаю и перевожу со словарем». На самом деле вралли они все. Никто и никогда в стране этой не читал иностранную литературу со словарем. А без словаря тем более никто не читал. Потому как не умели этого делать, да и читать-то особо было нечего. Ну не было в стране настоящей иностранной литературы, разве что по технической тематике иногда еще что-нибудь подбрасывали в библиотеки крупных городов. Или же можно было купить в ларьке «Moscow News» и почитать адаптированный текст из газеты «Правда». А что-нибудь другое – ни в коем случае! Вдруг там что-нибудь растлевающее попадется? То, что полезно для вас, ну там, к примеру, литература восемнадцатого века, то не волнуйтесь и не думайте напрягаться – мы вам все переведем. Причем, правильно переведем. Без отклонений от авторского замысла. Что-что? Случались отклонения? Нет-нет, это просто идеологически закаленный переводчик смог так глубоко проникнуть в авторский замысел, что выяснились некоторые подробности, самим автором пропущенные или же совершенно напрасно им написанные. Умели ведь нырять мыслью-то своей проникновенной стойкие наши переводчики, аж глубже самих авторов порой ныряли они в пучины тонких творческих душ.

Так вот, как только косноязычные изгои объявляли во всеуслышание, о том, что стало им теперь за пределами славной страны Советов-то вдруг очень хорошо – все, о них сразу же все благодетели забывали. И тут вдруг снисходило на диссидентскую сволочь эту некое прозрение. Опять же, не на всех снисходило. На тех, кому только колбасы не хватало, ничего не снисходило – тихо погружались они в относительную сытость западной жизни, и тина скотского благополучия смыкалось над их головой. А тем, кому не хватало творческой свободы, вдруг становилось невыносимо скучно – нет закрытых тем и никого разрушительной протестностью своей уже не удивишь, а на конструктивную созидательность, оказывается, не хватает силенок-то творческих. Ну не оторваться никак от обыденности и не взмыть в настоящий творческий полет! И, значит, совершенно справедливо в своем Отечестве диссидентским амбициям не потакали ни злостные критики, ни скучные чиновники от культуры. Не велась на диссидентские потуги и самая читающая в мире публика – не приняла она дешевые проявления псевдотворчества.

Вот такие вот не соответствующие окружающей действительности мысли копошились в воспаленном Серегином сознании, подернутом дымкой одолевающего его сна. И он бы, наверное, окончательно заснул, облокотившись на шаткий забор-плотину, если бы не вынырнувший вдруг из недр свинского приюта армейский «скотник». Бодро прошлепав по изобилующей полутонами слякоти, он донес до Сереги отголосок командирской воли: «Товарищ подполковник желает немедленно Вас видеть! И по этому случаю жалует Вам на сегодня свои резервные чулки от ОЗК!»

«Интересно, кому пришло в голову назвать эти резиновые «бахилы» чулками? – думал Сергей, просовывая шпеньки в неразработанные еще резиновые петли. – Чулки у нормальных современных людей ассоциируются с интимной деталью женского туалета, подчеркивающей элегантность женской ножки. Тут же картина совершенно иная – ноги военных, одетые в эти «чулочки» напоминают распухшие от укусов термитов слоновьи конечности, неуклюже сталкивающиеся при попеременном обгоне друг друга в ходе стремительного военного перемещения».

Прохлюпав через весь двор, Сергей оказался в тесном и полутемном свинарнике и поначалу не сразу разглядел суровые начальственные контуры. Ага! Вот он! Склонился над счастливой кормящей свиноматерью и почесывает за ее обвисшим грязным ухом. Счастливая свиноматерь довольно похрюкивает. На лице командира застыла безмятежная улыбка. Наконец он приподнимает голову и замечает переминающегося с ноги на ногу старлея, явно

не знающего как повести себя в этой двухсмысленной обстановке: рубануть строевым шагом по проваливающимся в зловонную жижу отмосткам, при этом гоня перед собой волну и создавая многочисленные в радужности своей брызги, а затем, выпятив грудь и приложив руку к полной надежд голове, бодро так и громко доложить о своем всеми долгожданном прибытии? Или тихо так, бочком, приставными шагами подойти и шепотом представиться? Не нарушать свершающегося «тайнства»? Но, командир вмиг разрешил внутренние Серегины терзания.

– Здорово, старлэй, – зычным голосом произнес он, распрямляясь и протягивая Сергею ладонь с прилипшими ворсинками хилой свинской растительности и давно не стриженными грязными ногтями.

Глянув на протянутую ему мохнатую лапу, Сергей поперхнулся. В этот момент в голове старлея что-то щелкнуло и ему вдруг все в этой округе стало невыносимо противно. И это зловонной свинячье царство, и этот самодур подполковник с облепленными говном слоноподобными бахилами.

– Здравия желаю, товарищ подполковник – поднося ладонь к голове и касаясь кончиками пальцев правого виска, хмуро ответил Сергей, демонстративно не замечая протянутой руки – старший лейтенант Просвиоров прибыл для дальнейшего прохождения службы.

В пропитанном вонью воздухе повисла густая пауза.

– А-а-а! Вон воно щё! – вдруг вскрикнул раненый неслыханной, в его представлении, «борзостью» старлея и уязвленный до чрезвычайности командир, возмущенно потрясая не пожатой ладонью – Чыстоплюйчыка сюды прислали?! Ну шо ж, я Вас буду тут учить лопаткою дэрмо разгребати.

– Вы, наверное, не поняли, – вконец осмелел Серега, сообразив по особенностям командирской мимики, что отношения между ними испорчены окончательно и что терять ему уже нечего, – я ведь сказал, что прибыл для дальнейшего прохождения службы, а не для разгребания, извините, вашего говна. Это уж Вы как-нибудь сами извольте.

– Ну знаешь лы шо... Мнэ глубоко насрати з высокой колокольны на то, шо Вы зараз говорылы. Вы, наверное, до сих пор ни як нэ врубятэс... щё ысты по Вашему служба?! – закончив гневно хватать ртом благоухающий воздух, вдруг искренне удивился голосом глубоко уязвленный командир. – Служба – цэ и исти ежедневное и ежечасное разгребание гимна! Вид гимна измэнается постоянно, вернээ меняются его происхождэние, источнык, як сказать, а вид подобной дэятельности по-сто – я-нэн! Поняли Вы?! Разгребаниэ, ворошениэ и пэрэкладывани с миста на мисто – постоянны! И вечны!

– Странно, но до сих пор как-то не приходилось этим заниматься.

– Так то Вам крупно повезло – Вы же, небось, всю дорогу интеллигента из себя корчили. Вы чыстоплюйчик, эдакий, почти ведь зараз до Афгану опрэдэлылыся. Там ерунду всякую нэкогда, наверноэ, робитэ. Там, нэбось, постоянно полушариями надо було гремыхатэ и робыты над тем, як боевы задачи ысполнаты и пры том щё шкирки подчиненных свих заховаты, та и про свою шкирку надо ще не забуваты. По сэбэ знаю, шо цэ такэ. Я все ж таки фронтовик. А вот тэпэрь зараз прыдэтся Вам этим занятыся. Гимном, в смысле. Времени для ерунды всякой тут у нас нэмэрэнно. Цэ хоть и боевой, но «прыдворный» батальон. Здэся надо швидче успеватэ и боевы задачи исполняты, и снэг зимой белой краской красити!

– Извините, товарищ подполковник, – вострепнулся, задумавшийся было Серега – помоему, вы забыли представиться.

– Шахрайчук моя фамилия! Подполковник Шахрайчук меня все тут кличут, Ваше высокоблагородие! И прошу будь ласка запомныты, щё на ввэрэнной мнэ тэрыторыы я исты цар, бог и старший войнский началнык! Впрочем, у Вас щё буде время узнатэ меня получше. Норов мий крутой и хитрые мои повадки. А тэпэрь идытэ соби в общежитие и обустраивайтэсь як Вам завготно. Позвольтэ, «вашбродь». А шо Вам там обустраивать? Мыль-

ныцу с бритвой в тумбочку бросил и порядок. По военному надо все. Нэ рассусоливая. Сэмя-то, я надеюсь, нэ с Вами зараз приехала? Цэ вирно, рановато еще. Життя для Вашей сэмыи зараз нэ видаты. Ладно, ладно идите себе. Насчет койко-места я ще вчѐра распорядился. И нэ забудьтэ, як устроитэсь, так на общегарнизонну вечерню поверку припожаловать. На плац, будь ласка, припожалуйте у 21.00. Нэт, лучше Вы пораньше приходьте. За тридцать хвилин до начала, я определю вам мисто в строю и личному составу вас заодно представляты буду.

Сбросив за забором отяжелевшие «чуни», Сергей побрел в штаб за оставленным у дежурного чемоданом. «Что за день такой, – размышлял он по дороге, – не успел порог переступить и – на тебе, пожалуйста – сразу два конфликта на пустом месте. Сначала старлей какой-то странный попался, законов вроде как армейских не знает. Действует ведь в армии негласное правило – младшие офицеры (до капитана включительно) первыми приветствуют только старших (при этом капитанам полагалось игнорировать майоров), но ни в коем случае не занимаются этим глупым формализмом между собой. А подполковник этот оголтелый? Сначала по говну вынудил прогуляться, а потом еще и лапы свои грязные в приветствии сует. Демократа от сохи из себя изображает. Руки в детстве его крестьянском, наверное, мыть не научили как следует, поэтому-то и дико ему когда у других они чистые. Да ведь и говорить-то толком он не умеет – лай только сплошной льется из него и это-то на певучем хохлятском языке! В общем, как теперь служба пойдет, не трудно себе представить». Обуреваемый такими грустными размышлениями Сергей доковылял, наконец, до штаба.

Броуновское движение в штабе не останавливалось. «Видимо к поверке этой общегарнизонной готовятся, – промелькнула очередная «штирлицова» догадка в Серегиной голове, но тут же возникло и удивление, – а чего к ней, собственно, готовиться? Вышли себе на плац на ночь глядя, построились, перекликнулись, доложились на сон грядущий и разошлись. Чего тут такого особенного? У военных так принято. Это для военных обыкновенная в серой скучности своей и рутинная такая обыденность. Какая тут нужна еще дополнительная подготовка? Для чего нужны эти суетливые перемещения?». Дежурный встретил Сергея уже как старого своего знакомого и, предварительно сообщив, что зовут его никак не иначе как Андреем Поникаровым, с превеликим любопытством стал расспрашивать о подробностях визита к «свинотавру». Но любопытство его не было удовлетворено в полной мере. Дело в том, что попадая в незнакомую местность и общаясь с незнакомыми людьми, Сергею почему-то сразу являлся в сознании старый чекистский плакат с укоряющим взглядом и начертанным на нем призывом: «Не болтай!». Очень любопытное явление, как будто кто-то бестелесный и невидимый настороженно сидел внутри него и время от времени активировал одно и то же изображение. Так было и в этот раз. Перед Сергеем вдруг возник знакомый в строгости своей образ, и он вкратце и в довольно общих чертах, обходя конфликтные подробности «дружеской беседы» в пропитанном благовоениями свинарнике, рассказал Андрею о состоявшейся встрече, удивившись при этом только неким странностям в выборе места ритуальной встречи с вновь прибывшими подчиненными и в манере ее проведения. Андрей лишь хитро улыбнулся: «Скоро перестанешь всему удивляться. А с комбатом это вы еще нормально поговорили. И место он специально такое выбрал. Это у него что-то вроде теста: прибывает офицер в часть – он его раз сразу и в говно. И слова грозные произносит. А сам изнутри очень грозного себя потихоньку так выглядывает: «Какова реакция?» Если струсил и вспотел, начал что-то лепетать нечленораздельное – все, сотрет в порошок и дальше взвода не выпустит. А если видит, что глазами сверкаешь, и слышит, что огрызаешься, то бросит в ближайшее время в какой-нибудь прорыв. Засунет на какой-нибудь заведомо безнадежно-расстрельный участок и будет требовать его скорейшего процветания в форме роста дисциплинарных показателей. Но зато, если не дрогнешь и не загнешься, и чего-нибудь там еще и вытянешь – отметит и, будет двигать тебя по службе. Методы у него такие. У него ведь

тяжелое детство-то было. Опять же – осколки в голове. Да нет, не на фронте, присказка такая есть. Что-то вроде коляски без дна и деревянных игрушек, прибитых гвоздями к полу. Он ведь вырос в украинском селе, привык со свиньями и другой всякой живностью возиться. Родное это все ему. Во время войны сначала по малолетству не служил, говорил как-то, что сапожничал в оккупации. И тоже нравилось это ему. Но видать, в какой-то момент надоел ему энгельсов «идиотизм сельской жизни». Сидел он как-то на завалинке, по обыкновению тачал сапоги уже после того, как село от фашистов освободили, глядь – пехота пылит по дороге: «Возьмите с собой, хлопцы!» «А пошли!» – говорят. И пошел он с ними в сторону запада, набавил себе годок как-то в документах и до Кенигсберга, говорит, дошел. А после войны куда деваться? В село обратно не хочется. Голодно там и, опять же, этот энгельсов «идиотизм». В армию или же в город куда податься – сложности с образованием. Только-то три класса начальной сельской школы и было-то у него за спиной. Поздно в школу пошел, во время оккупации, конечно же, не учился, а дальше фронт. Какое может быть образование? Но исхитрился как-то и попал в танковую школу. Выучили его там кое как, аж на командира целого танка выучили. (А что? Этого ведь для него даже много. Некоторые-то ведь недоучки, становились только командирами танковых корпусов! Двигатель с вооружением пропивали где-нибудь и оставался им только прочный танковый корпус. Вот этим, корпусом-то броневым, и командовали бездари до самой своей пенсии). Так вот, только выучили этого командира, а тут Ракетные войска формировать начали. Дергать начали с миру по нитке. Выдернули и его. А, выдернув, начали головы свои незадачливые ломать: куда ж его такого пристроить, совсем ведь темный для освоения новой стратегической техники-то? Чесали-чесали «репы» свои кадровики, а потом, видимо, вспомнили, что в танке-то вроде как радиостанция предусмотрена и, он, комбат наш будущий, как дипломированный командир этого самого танка, должен был ее изучить досконально и сдать по ней какой-нибудь экзамен. Ну, на худой конец, какой-нибудь зачет должен же был хотя бы сдать он! Осенило просто как-то вдруг тугодумных наших кадровиков, вздохнули осененные облегченно и отправили они танкиста нашего организовывать радиосвязь Ракетных войск, что называется, с нуля просто организовывать. Набил он, конечно, на поприще этом шишек себе. Тут даже со знаниями, и то сложновато, а он сам ноль и связь просто с нуля нужна, да еще вдобавок быстро нужна и самая что ни на есть надежная. Били больно его, кое-что понял он и кое-чему научился. Но после учебы такой шибко возненавидел он учителей своих. Умников этих, которые с высшим образованием. А когда в комбаты выбился на рвении своем и подобоострастии верхнему начальству, начал вокруг собственной персоны себе подобных собирать – деревянных ребят из прапорщиков, сдавших экстерном экзамены по курсу среднего военного училища (ВУ). Их здесь пруд пруди. Они гордо называют себя «офицерами», а тех, кто имеет высшее образование, презрительно кличут «инженерами». «Офицеры» друг друга за километр чувствуют и в повседневной жизни демонстрируют друг другу всяческие знаки внимания: – прикрывают тупость друг друга как только могут. А «инженеров» все время пытаются всяческими способами «подставить». И, чтобы полностью исключить вероятность ошибки и не «подставить» своего брата «офицера», носят эти недоучки специальные значки. Это тебе не банальные наши инженерные ромбики. На них, на значках этих опознавательных, круглых как джоттовское «0», это самое «ВУ» и прописано. Под развернутым красным знаменем прописано. Мы, кому выпало несчастье на инженеров выучиться, понимаем эту геральдику так: прикрылся знаменем и «Вроде Учился», но нулем остался навсегда. И эта расшифровка отражает истинное положение дел. Мы ведь прекрасно знаем, как сдаются эти экстренные экзамены: две недели удручающего запоя и диплом, равнозначный диплому простого советского техникума, в кармане очередного неуча. И теперь это не простой неуч. Это неуч-«офицер»! Ну ладно, потом договорим. Сейчас давай-ка, дуй в общагу, до построения час всего остался».

В общаге Серегу, конечно же, никто не ждал. Поначалу сонная дежурная, пышногрудая средних лет дама, с досадой скучно глянула в его потертое удостоверение и вдруг оживилась. Деятельно вдруг затараторила на местном диалекте: «Та нет, ништо ниче не говорил мне. Та я и фамилию такую вообще впервой слышу! Просвилов – это что-то церковное? У Вас предки-то не из попов, случаем, будут? Ладноть, счас начальнице позвоню». Дежурная долго и безуспешно крутила диск массивного в эбонитовости своей, былинного такого телефонного аппарата, помнившего еще гениальные руки старика Эриксона. Накрутившись вдоволь, она безнадежно бросила увесистую трубку на испуганно исчезнувшие рычаги: «Не дозвониться никак. Болтать будет до глубокой ночи, а потом заявится к одиннадцати на работу и давай всех гонять. Как же, какое-никакое, а начальство все ж таки! Ладноть, все одно бесполезно это – местов-то все равно ведь нет. Не-ту-ти! Комсомольский слет у нас. Со всех окрестностей слетелись к нам голуби – разлюбезные комсомольские активисты. Пьют вечерами и с местными девками любезничают активно, просто со всеми кто ни попадя в пьяном виде любезничают. Даже ко мне приставать пытались, охальники (дежурная возмущенно передергивает волнуящимся бюстом), в дети мне годятся, а все туда же! Так что давайте-ка подождем с Вами до завтра. Слет завтра кончится и местов будет – просто море разливанное местов-то этих будет. Хошь на первом этаже, хошь тебе на втором. Че-че? Негде ночевать? Так к товарищам попроситесь. Не знаете никого? А к кому же Вы тогда ехали сюда? Если не знаете здесь никого? Служить он, видите ли, ехал... Служить-то тоже с толком надо ехать. Позвонить кому загодя, познакомиться с кем, а потом уж и ехать себе аккуратно. А то свалятся как снег на голову и начинают потом права качать. Ну ладно, раскладушку-то найдем, так и быть, для Вас. Охфицер, как-никак. Поставим вот здесь. Под лестницей, значит, поставим. Та повесим мы Вам Вашу ширмочку, не переживайте не Вы первый, не Вы и последний! Ой-ей-ей, какие мы оказывается стыдливые-то! Чего здесь стесняться-то? Тута все свои! Чужие тут не ходят! Сказала же – ширмочку повешу. А чемоданчик ко мне в дежурку пока поставьте. Буду охранять Вам его. Как там у вас: «Пост принял, пост сдал. Стой, кто идет?» Ха-ха-ха! Только за отдельную плату охранять буду. Ха-ха-ха! Шутка!»

С облегчением избавившись от говорливой дежурной, Сергей поспешил на плац. Из всех гарнизонных щелей к этому священному для всех военных месту стекались ручейки военнослуживого люда, представителей особой ветви человеческого развития, именуемой, не иначе как – «хомо милитер». (Для непосвященных следует привести некоторые пояснения. Плац для военных – это некое святое место, попав на которое они начинают вести себя как-то неадекватно, просто девиантное какое-то появляется у них поведение. И обратите внимание: это происходит не только с военными. Вот, к примеру, собираются верующие в святом для них месте, в каком-нибудь, например, храме и начинают вдруг креститься, бить поклоны, прикладываться трепетными устами к шкатулкам со святыми для них мощами. А то вдруг еще и петь начнут или громко читать различные молитвы. Ну разве ведут они себя так вне храма? Вне святого для них места? Так же и у военных. Собираются они на святом для них плацу. Сначала стыдливо топчутся на месте, кучкуясь по своим подразделениям, а затем начинают вдруг одновременно крутить головами, особым образом перемещаться (выпятив грудь, гордо задрав подбородок и высоко выбрасывая вперед свои не естественно прямые ноги), громко и не всегда стройно поют, прикладываются устами к священному для них знамени, судорожно дергают во взаимных приветствиях руками и бодливо крутят головами. А что бы с ними, интересно, стало бы, с военными-то с этими, если бы они попробовали таким вот странным образом вести себя в быту?).

Наконец разрозненные ручейки влились в разлитое по плацу зеленое озеро военных. Откуда-то прорвалась и забила отражениями по плацу звучная команда: «Становись!» И покрытая ряской озерная поверхность разом всколыхнулась и разлилась на ровные геомет-

рические фигуры выстроившихся подразделений. Что-то очень рано встали. Сергей остался стоять на ступеньках перед входом в штаб. Стоял, безучастно взирая на знакомую с давних пор и уже серьезно наскучившую ему картину подготовки к очередным военно-увеселительным играм. Места ему в предстоящих играх определено еще не было и поэтому можно было позволить себе немножко расслабиться, взгрустнуть и задуматься. Но это ненадолго. Вот-вот должно свершиться чудесное в неожиданности своей появление командира с застывшим в строгом оскале морды его лица каким-нибудь очередным судьбоносно-волевым решением. В этот раз решений не намечалось. Но командир, видимо, по привычке выдерживал паузу. А может, торопиться ему в этот вечер было уже некуда? Кто его знает? Да и времени еще оставалось достаточно много до назначенного им срока. Обещал, правда, назначить и представить. Забыл, наверное. Заговорился, наверное, с какой-нибудь очередной рожаящей свиноматерью по телефону. Небось ее самочувствием интересуется. Вот и не фига было этим военным раньше времени строиться. Но у военных ведь всегда как? Назначит, к примеру, самый старший воинский начальник построение большого количества военных на строго определенное время и все – процесс пошел, каждый военачальствующий рангом ниже предыдущего определяет свой так называемый «зазор» и назначает для своего подразделения особое время построения. К примеру, назначил командир полка построение, допустим, на 9.00, тогда замкомандира обязательно назначит на 8.30, и дальше этот процесс движется по нисходящей, не теряя своей направленности. И, в конце концов, получается так, что командиры взводов начинают «строить» своих бойцов еще в 06.30. «Строить» (предварительно проверив порядок в прикроватной тумбочке) и осматривать их со всех сторон, периодически заглядывая в душу. Осмотрев и заглянув, взводные командиры приступают к принуждению подчиненных к устранению недостатков, поразивших безупречность их внешнего вида. Далее начинается совершенствование строевых навыков подчиненных и обучение их громкому приветствию вышестоящего начальства (здесь даже допускается иногда проявление чуждой всем военным мании величия: лейтенант, например, может потребовать называть себя исключительно полковником, чтобы подчиненные привыкли здороваться исключительно с полковником и в чудное мгновение приветствия старшего воинского начальника случаем не опростоволосились и не назвали его лейтенантом). Затем взводные командиры могут приступить к развитию вокальных способностей у своих подчиненных, и еще много-много чего они могут придумать, но ведь есть еще и ротные командиры. А ротные командиры тоже должны убедиться, что все взводы у них уверенно маршируют, поют и умеют по-военному здороваться.

И, в итоге, фальшиво недоуменному взгляду старшего воинского начальника, бодро выскочившего (ну чем не черт из табакерки!) в намеченное им самим время на плац для обозрения большого количества находящегося под его началом военных, предстает удручающая картина измученного воинства, мечтающего только об одном – скорейшем исчезновении из поля их воинского зрения этого свежерадостного «бодрячка». А «бодрячок» начинает прикидываться и изображать непонимание пред ним происходящего. Вроде как в каком другом, в небесном каком-то полку доселе служил он и этой приземленной действительно не знает. А в не знании своем ничего не понимает и понимать не хочет. «Здравствуйте, товарищи!» – истошно вопиет он. «Зрав-гав-жел-гав-тов-гав-пол-гав» – уныло вторят ему сотое за это утро приветствие усталые «товарищи». «Не понял! – взвизгивает бодрячок. – Вас, что с утра не кормили?! Зам по тылу, кормили Вы их сегодня? Не говном, я надеюсь, кормили? То-то же! Еще раз: «Здравствуйте, товарищи!» И так до тех пор, пока доведенные до состояния крайнего озверения военные не прокричат в ответ какую-нибудь перемешанную с матом ахиною, но громко и озверело так прокричат. Это сразу как-то успокаивает старшего воинского начальника, и начинает он долго и нудно о чем-то говорить. Ну, к примеру, о том, что надо там что-то искоренять. А, искоренив это все подчистую, необходимо начинать

укреплять и неуклонно повышать, а иначе он чего-то там не потерпит и тогда – пощады от него не надо ждать никому. В общем, всегда у военных этих примерно так все и происходит. Наверное, будет так и этот раз.

А вот и он, разлюбезный подполковник Шахрайчук. Сегодняшний «бодрячок». Вечерний шоумен. Сейчас зажжет он не по-детски. Готовясь к этому действию Шахрайчук стремится четко выдержать время и вальяжно спускается по штабным ступенькам. Останавливается и удивленно смотрит на безмолвно приветствующего его старлея. Прикладывает руку в ответном приветствии и проникновенно осведомляется: «Вы, шо? Вы якого ообще-то, члена здесь стоите? Чему нэ в строю? Вы шо, нэ знаете, шо назначены замом командира роты? Ах, какой роты нэ знаете? И я обещал Вас назначить и зара представить? Ах, ызвынайтэ, могли бы уже все узнать за то врэмя, поки вы тут ошиваетэсь, ще в нас всего одна вакантна должност зама ротного. Во второй ротэ старшего лэйтенанта Бчелкина! Вот нэхай Вас там и представляють! Идытэ соби становитэсь в строй. И швидче. Я поки жду. Нэ могу из-за Вас ничего начати».

Резко развернувшись, Сергей подчеркнуто неторопливой и прихрамывающей походкой отправился к указанной ему роте: «Ах ты, козел вонючий, – зло подумал он, – мало того, что по его милости пришлось говном почти час дышать, да еще спать придется под лестницей, так он еще и до представления не снизошел, мерзавец. Сломать решил меня, бездарь? На-ка вот, выкуси! Не на того попал! Так, а что он сказал про ротного? Пчелкин? Это ведь, наверное, тот придурок-«старлей», встретившийся недалеко от КПП? У него вроде тоже фамилия какая-то из жизни насекомых была? А может, все-таки, это другой какой старлей? Мало ли в Бразилии Донов Педров? Да нет, тот самый! Вон его надменная «треуголка» возвышается над локтем правофлангового бойца из второй коробки. Да-а-а, очень похоже на то, что влип ты, очкарик! Ладно, где наша не пропадала!? Прорвемся! Как говорится: меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют!»

Размышляя таким образом, Сергей добрел наконец до строя второй роты, привел морду своего лица в насмешливо– подбострастное состояние и с шутовским полупоклоном обратился к «Наполеону» в соответствии с действующими Уставными положениями: «Разрешите, мол, в строй-то встать, товарищ самый старший на свете лейтенант?» На лице «Буа-нопарта» опять было начало прорисовываться возмущение, с губ его готова была сорваться какая-то ненужная, неуместная совершенно реплика. Но он справился с собой (Еще бы! На штабном крыльце в свирепом нетерпении переминался с ноги на ногу грозный командир) и по-императорски милостиво так, жестом таким всем понятным взял и просто так разрешил: «Становитесь, мол». А куда бы он еще делся? Его ведь так просто, для этикета спросили. Он ведь не у тещи на блинах сейчас находится. В армии он. А в армии действуют суровые уставные положения. А положения эти ни в коем случае не допускают такого безобразия как лишение военного удовольствия скорейшей своей постановки в какой-нибудь строй. Причем совершенно не важно в какой. Даже просто проходящий мимо. Идет, к примеру, военный по незнакомой местности, чувствует себя неудобно: кругом незнакомые люди, косые взгляды, ненужные встречи могут случиться. А тут строй мимо проходит, топает себе под перестук походного барабана и покрикивание бредущего сзади командира. Что делает военный? Конечно сразу же подскакивает к командиру: «Военный такой-то. Так, мол, и так – не могу иначе как в строю». Командир, если это настоящий командир, никогда не будет возражать. Настоящему командиру всегда дополнительные люди нужны. Ведь чем их больше в строю топает, тем «круче» выглядит и сам командир. Поэтому военный сразу – прыг в строй. И топает себе дальше, как ни в чем не бывало. Со спокойной душой теперь топает. Не важно куда. Знает он, что теперь уж точно не пропадет. Он, военный этот, ведь где бы ни находился, всегда при деле будет. Потому как – на службе он.

Став в строй на свое «замовское» место рядом с «Наполеоном», Сергей вдруг услышал донесшийся откуда-то справа громкий шепот: «Просвилов, мерзавец, где тебя носило?!» Оглянувшись, Сергей узнал в улыбающемся источнике шепота своего однокашника по училищу Мишку Ильинского. «Слава Богу, – повеселело на душе его, – хоть одна родная рожа за целый день!»

Наконец, истомившийся командир, закончив судорожные свои переживания (может и не нервничал он вовсе, просто в туалет хотел?), скатывается с лестничных ступенек, а навстречу ему несется: «Равняйся! Смирно! Батальон, дескать, для выполнения вечерних военно-ритуальных обрядов, вроде как, построен!» Почему это: «Вроде как?» Да потому, что пока командиры (по младше которые будут) не подсчитают свои «боевые штыки» нельзя точно утверждать, что батальон построен. А военные любят во всем точность. К тому же сегодня поверка, и простым счетом тут не обойдешься. Тут уже заслушивание живых голов требуется. Ведь в отличие, от каких-нибудь там других коллективов, военных не только периодически **проверяют**, их еще и постоянно **поверяют**. (Как измерительные приборы. Можете отобрать на рынке у любого продавца весы и прочитать на них: «Дата очередной поверки XX. XX. XXXX»). Во время этой самой поверки военный должен сделать все возможное, чтобы ему поверили что он – это действительно он, а не его двоюродный брат-близнец или какой другой (упаси Бог!) однофамилец. При этом старшины поочередно, в соответствии с алфавитным списком всех военных, находящихся (или должных находиться) в подразделении, выкрикивают разнообразные фамилии, а названные фамилии громко отвечают: «Я!». Старшина сразу прыг-прыг к этой фамилии: «А чем докажете? Имеются ли соответствующие документы? Назовите девичью фамилию матери?» Поэтому-то ряды военных так всегда и чисты. Вражина какой-нибудь, даже если бы получилось у него как-нибудь в ряды эти строгие просочиться, был бы очень быстро изобличен. Самого изворотливого в фантазиях своих супостата хватило бы максимум на три поверки. А какие, порой звучали фамилий на этих поверках! Весь этнический состав многонационального населения страны Советов можно было изучить! Чего порой стоило старшине произнести, например, такую фамилию как – Курбан Керды Берды Оды Муххамедов? Или же чего стоило ему, подавляя приступы истерического смеха, выкрикнуть: «Рядовой, Укусисобаку!»? (При этом не всегда понятно было, называется ли это просто, по какому-нибудь случаю, фамилия рядового, или же это звучит ему суровый приказ?) А ведь были еще и Зыишборцы и Рябокобылы, и еще многие-многие другие колоритные в конкретности своей фамилии попадались в многонациональной военной среде. Это сейчас сильно все упростилось – куда ткнишь, везде напорешься на Иванова или Петрова. Начнешь изучать личное дело любого из них, и он, любой, обязательно окажется евреем. Вот такое ныне наблюдается кровосмешение и плагиат фамилий. Ранее евреи такого не допускали. Ну, разве только тогда, когда очень хотели покинуть Советский Союз, используя заграничную командировку, тогда становились они вдруг кто Бронштейненко, кто Шниперсоненко, в общем, кто как в погоне за выгодой искажал свою фамилию. Встречались, правда, воинствующие какие-то беспредельщики, которые, воспользовавшись продажностью работников паспортного стола, вдруг становились однофамильцами героев революции или даже горячо любимых народом вождей. Один из них до того распоясался, что взял и назвался Лениным. А потом просто заходил в праведном своем возмущении: «Как, вы и Ленина за границу не отпускаете?!» Но это ведь все глотка мнимой свободы ради. А по другим случаям, как правило, – нет, не допускали евреи никаких компромиссов. Если и допускали, то только по совету лечащего раввина. Чтобы род, значит, не прерывался – для исправления в соитии каких-нибудь неправильно модифицированных генов допускали они порой смешение с инородцами. Наверное, это были правильные советские евреи. Евреи, которые уже давно уехали. А те, кто по каким-то причинам остался, принялись за яростное кровосмешение и беззастенчивое воровство фамилий.

Тем временем на плацу процесс переклички заканчивается и вступает в фазу командирских докладов, как **положено** по иерархии – снизу вверх. Докладов о наличии **личного** состава. Если количество фамилий совпадало с количеством громких отзывов и четких ответов на конкретно поставленные вопросы, то бодро так командиры докладывали по инстанции: «А у нас, понимаете ли, поверка произведена! И все, без исключений всяких, люди у нас **налицо**! Незаконно отсутствующих нет у нас! Абсолютно!» Если же намечались некоторые несовпадения, то тихо так и невнятно мямлили командиры, виновато глядя куда-то в сторону: «Мы тут пытались поверочку, значит, произвести. В общем, вроде бы произвели. И все у нас вроде бы в порядке, только вот прапорщик Окрошкин отсутствует. Так точно. Не могу знать. Мы думали, он в наряде, в автопарке, позвонили туда, а он уже, оказывается, три дня как сменился. Так точно, посылали посыльного. Не нашли. Жена говорит, уехал в командировку. На войну. Одел, урод, полевую форму, кобуру нацепил, попрощался трогательно, забрал почти все деньги и ушел. Обещал вскорости выслать многосотенный денежный перевод. Как же, держи карман шире! Пьет где-то в деревне, сволочь! Есть искать! Есть доложить!»

(Здесь необходимо привести следующие пояснения по выделенным в тексте словам. Слова эти должны быть каленым железом выжжены, вытравлены соляной кислотой из военного обихода. И вот почему.

Слово «положено» не имеет у военных никакого конкретного материального значения. Например, когда говорят, что военному положено что-то сделать – это, несмотря на свою заведомую нематериальность, обсуждению не подлежит и должно быть выполнено: «Вам положено каждое утро присутствовать на утреннем осмотре!» А вот когда военный приходит, к примеру, на вещевой склад и начинает чего-то там канючить из в полнее материального: «Дайте мне то-то, мне же раз в два года положено!» Ему говорят: «Так берите, если вам положено». «Вы же сами говорите, что нет у вас ничего!» – восклицает военный. «Вот-вот, значит и не положено ничего вам вовсе. А вы вводите нас в заблуждение, говорите: «Положено!» А мы, простачки-то, верим вам. Подбегаем к прилавку, глядь на него, – а там пусто» – отвечают огорченному военному кладовщики. И опять ничего материального! Даже такая поговорка у военных появилась: «Вчера ему не дали, а сегодня ему уже не положено!» Это означает примерно следующее. Младшим офицерам, например, положено выдавать теплое нижнее белье, а старшим уже нет, им не положено (старшие, по великому замыслу тылови-ков, они в мороз должны уже на печках сиживать – пережидать, значит, должны они непогоду и временно на службе не появляться). И вот что из этого получается. Приходит, к примеру, какой-нибудь капитан на склад и слышит: «Нетути белья. В этот раз не привезли. Донаши-вайте то, которое мы вам три года назад выдали. Сносилось уже? Что же вы так неаккуратно с бельем-то обращаетесь? Всю зиму в поле? Ну и что? Вы что, сильно потеете, когда вокруг холодно? В общем, заходите периодически и спрашивайте. Можете с собой еще и подарочек какой-нибудь прихватить. Глядишь, что-то может и побыстрее у нас для вас найдется». Вот так и ходит капитан, пока майором не станет. А на складе как увидят майора, так и заходятся в восторге: «Ага, так вы уже майор! От всей души поздравляем вас! Желаем дальнейшего карьерного роста! Только вот ведь какая незадача получается – майорам-то теплое белье уже не положено! Так что мы вас безмерно уважаем и за подарки вам спасибо, но по этому вопросу к нам больше не обращайтесь!» Вот так и получается: «Вчера ему не дали, а сегодня ему уже не положено!»

Следующее, нуждающееся в исключении из военной действительности словосочета-ние: «личный состав». Когда это словосочетание вводилось в военный обиход, наверное, имелось в виду, что воинство – это вовсе не обезличенное сборище беглых каторжников, а служилый государственный люд. И личные данные каждого служаки занесены в какую-нибудь важную государеву книгу. А все вместе, все в эту книгу попавшие, и образуют

состав. Состав государевых служилых лиц – личный состав. А многие военначальствующие поняли это словосочетание слишком уж буквально: раз состав этот личный, значит лично наш, а поэтому-то и надо этим непременно воспользоваться! И понеслось. Чего только ни делает этот личный состав! И командирские квартиры ремонтирует, и присматривает за командирскими детьми, дачи генеральские строит и т. д. Даже анекдот такой витал в то время в военной среде о том, как решил военначальствующий муж вдруг так от нечего делать на досуге поинтересоваться у своей супруги: «Милая, как ты думаешь, а процесс совокупления – это больше удовольствие или все же это такая работа?» «Конечно. удовольствие, – сходу отреагировала супруга, и предъявила с горестным вздохом неоспоримый аргумент – если бы это была работа, ты, милый, обязательно ко мне бойцов бы прислал».

И, наконец, рассмотрим семантику так же нуждающегося в забвении словесного набора: «Все люди на лицо». Что это может означать? На чье лицо? Чушь какая-то. И какое-то неведомое слово явно отсутствует в этом коктейле. Глагол какой-то отсутствует. Вот, например, если бы было сказано: «Все люди **плюнули** на какое-то там лицо». Тогда все становится понятным. Или имеется все же ввиду то, что у всех стоящих в строю помимо частных лиц (рож, морд, морд лиц, как угодно) есть некое коллективное лицо? Фантом некий? Что это за абстракция такая? У военных, у них ведь не может быть никаких абстракций по определению! Поэтому слова эти являются словами-паразитами, т. е. словами, тихо паразитирующими в военной среде и разрушающими сознание военных. И долг каждого уважающего себя военного – немедленно удалить паразитов из своего безызыточного лексикона!)

Так вот, о докладах. Что-то неладное стало происходить в центре плаца. Какая-то видно там произошла загвоздка или, как с некоторых пор модно говорить, образовалась некая загогулина. Поначалу бросилось в глаза необычное поведение одного из ротных командиров: он как-то неуверенно приплясывал перед командиром батальонным, а потом уже батальонный как-то особенно заискивающе тряс головой пред важным лицом начальника всего окрестного гарнизона. Лицо самого главного гарнизонного начальника носило повергающую в стрессовое состояние особо пугливых военных карьеристов фамилию – Ахтунг. Самый главный гарнизонный начальник знал это свойство своей фамилии и нередко им пользовался в воспитательных целях. Вызовет он, бывало, к себе в кабинет какого-нибудь пугливого карьериста допустившего какую-либо оплошность по службе, минуту посверлит его выпуклым глазом и изрыгнет с пламенем из груди: «Я – Ахтунг!» И все, карьерист в глубоком обмороке. А когда очнется, начинает служить с утроенной силой. И при этом еще больше боится самого главного гарнизонного начальника. Этот начальник, бывало, уже даже и фамилию свою не произносит, а только глазом своим рыбьим зырк в сторону труса, а тот сразу – хлоп и в непродолжительный обморок. Долго-то ведь нельзя в обмороке-то. Служить ведь надо. А тем, которые не карьеристы, да еще ни слова не понимали по-немецки было им все было по фигу. Как-то шел самый главный гарнизонный начальник по периметру в сопровождении своей отдрессированной свиты, глядь, а в кустах боец по большой нужде сиживает. «Я – Ахтунг!» – возмущенно ревет начальник. «А я – какаю!» – преспокойно отвечает ему боец. Разъярился тогда самый главный гарнизонный начальник и велел окружавшим его и прозябающим в трусости карьеристам арестовать неустрашимого бойца и отправить его в дисциплинарный батальон. А дабы придать этому громкому делу больше убедительности и законности, в качестве вещественных доказательств, приказал самый главный гарнизонный начальник собрать в стеклянную баночку из под маринованных огурцов бесстрашный кал несгибаемого бойца и отправить его военному прокурору. Но в итоге бойца никуда не отправили, а военный прокурор прислал Ахтунгу вежливое письмо, в котором сообщал ему о своем желании лично с ним, Ахтунгом, когда-нибудь на досуге встретиться и размазать по глупой роже его зажавшегося в начальствовании лица то, что он осмелился прислать ему, целому военному прокурору, в стеклянной банке вместо нарисованных на ней огур-

цов. А далее что-то писал военный прокурор про двухэтажную обнесенную высоким зеленым забором домину на принадлежащей государству лесной поляне и про принадлежащего государству прапорюге, который денно и ночью дежурит за высоким забором. В общем все собрал в кучу этот военный прокурор. Видимо, сильно разозлился. Может спяну закусил чем-нибудь не тем? Кто его знает... Только пришлось после этого Ахтунгу собирать в путь дорогу небольшой обоз из грузовых машин, навьюченных выращенными в подсобном хозяйстве свининой и овощами, а так же найденными в окрестных лесах грибами и ягодами. При этом особый почет был оказан Ахтунгом пресловутым огурцам – их везли на отдельном грузовике. Чем, как говорить, богаты, тем и рады.

Начальник этот подъехал прямо на плац на своей черной «Волге» где-то в середине многоголосного действа. В силу своей значительности он всегда перемещался по территории вверенного ему гарнизона исключительно на машине, а территорию эту можно было обойти по периметру, расслабленно пошатываясь и громко икая, за каких-нибудь полчаса. Если, конечно, не сбиться и не попасть на антенные поля. Оттуда вообще можно больше никогда не вернуться. Но он туда никогда и не попадал: во первых, туда нет асфальтовой дороги, а во вторых, он даже и не подозревал о их существовании. Командуя по совместительству одной из связных частей гарнизона, этой самой связью давно уже перестал он интересоваться. Заметно охладел к ней и ее проблемам. Но состояние внутригарнизонного порядка и дисциплины угнетали его денно и ночью. В короткие часы ночного забвения снились ему марширующие куда-то строи и побеленные поребрики. Вот и сейчас не утерпел. Прикатил в неутолимой жажде всего и вся контроля, а еще дабы выслушать заодно очередную порцию живительных приветствий. И не ошибся. Многоголосие переключки было, конечно же, тотчас прервано по такому знаменательному случаю и перешло в демонстрацию радостных взаимных приветствий.

Наконец восклицания заканчиваются, и действие продолжается. Да-а-а, по всему видать, что радости никакой сегодня уже не дождаться – самый старший из присутствующих уже свирепо вращает глазами, высверливая кровавую воронку на лбу батальонного командира. А-а-а, вот и запоздалый в одышке текст: «Я так и знал! Я Вам говорил, что нельзя этому прохвосту квартиру давать? Конечно! Разве он теперь будет служить!? Он же все от армии уже взял! Квартира – есть, машина – есть, гараж – есть, жена тоже есть, да еще какая! Искать! Вы хоть на что-нибудь способны?! Из-под земли достать мне этого Окрошкина! До утра будем стоять! С места не сдвинемся, пока не сыщете эту шельму!» (Сергей тогда не понял, каким образом этот, пока мифический для него, но, вне всяких сомнений, чрезвычайно удачливый Окрошкин смог помимо прочего заполучить от армии жену «да еще какую». В довершение, так сказать, к квартире, машине и гаражу? Но потом, в недалеком совсем последствии, познакомившись с двухцентнерной Нинулей, работавшей в штабе делопроизводителем еще до своего знакомства с пройдохой Окрошкиным, он понял, что какой-то смысл в воплях гарнизонного начальника все же присутствовал).

Тем временем начали формироваться поисковые отряды. Командиры на ходу верстали план поисковых мероприятий. С пристрастием опрашивался круг общения неожиданно пропавшего военного. Выяснялись возможные адреса его пребывания, уточнялись координаты явок и секретные тексты паролей. И все были так увлечены, что поначалу никто не заметил смутную тень, неуверенно крадущуюся в глубоких сумерках за ярко освещенным плацем. Наконец, неуверенная тень прощально-решительно крякнула, громко икнула и нырнула в озеро разлитого по плацу электричества. Окунувшаяся в лучи тень вдруг превратилась в фигуру, имеющую вполне реальные очертания военного прапорщика. Несмотря на окружающее тепло, поздней весенней ночи, фигура была облачена в длиннополую в серости своей армейскую шинель.

(Поясним для совсем уж не посвященных. Шинель – это такое военное пальто. Пальто служит не только и не столько для защиты военных организмов от переохлаждения. Как раз эту функцию в хорошие морозы шинель выполняет плохо. Шинель, прежде всего, является для военного чем-то вроде смиренной рубашки. Только военный, бывалыча, разоидется (окончательно разозлится, например, на что-нибудь или кого-нибудь) на него сразу: брык, и одевают шинель. И вот он, военный, только сейчас, казалось бы, очень грозный, свирепо размахивающий кулаками во гневе, уже смиренно плачет в углу, облаченный в шинель, плачет от осознания собственного бессилия. А потому как не помашешь кулаками в шинели-то в этой. Руку поднять, демонстрируя воинское приветствие – и то не просто! И такая приверженность военных кутюрье к этому отстойному предмету воинского туалета выглядела довольно странно. Если совершить небольшой экскурс в историю и вспомнить что шинель эта отстойная изначально предназначалась исключительно для кавалерии, то становится не совсем понятным: как же облаченные в шинель кавалеристы рубились саблями и шашками? Это до сих пор для военных остается загадкой. Может, шинель с тех времен претерпела значительные изменения? Может быть. Это тема дополнительных исследований, но на них у военных никогда не хватает времени. Но вот то, что на шинели остался длиннющий (от нижнего края и до воротника) разрез сзади, облегчающий посадку кавалеристам на любое боевое парнокопытное и обеспечивающий комфортное передвижение на нем – это факт, свидетельствующий о том, что шинель все же не изменилась. Вот и вырисовывается очередной военный парадокс: лошади давно уже «сняты с вооружения», а все без исключения военные продолжают с наступлением холодов облачаются в некое странное пальто с двусмысленным (по нынешним временам) разрезом сзади. Некоторые ведь военные-то совершенно всерьез думают, что этот разрез облегчает общение с начальством в особые, очень трудные для него периоды. Например, когда начальство очень сильно раздражено и желает жить со всеми нерадивыми подчиненными сразу. И хотя такие случаи в армии происходят довольно часто и эти «некоторые» отчасти тоже правы, вместе с тем роль шинели, используемой в качестве средства усмирения взбешенных чем-то военных трудно переоценить.

Тем временем, очертания фигуры, облаченные в отстойное кавалерийское одеяние, как-то странно раскачиваясь, тайком прокрадывались в строй стоящей с краю пятой роты, но были замечены зорким оком гарнизонного начальника: «Ко мне, ублюдок! Бояться! Кал ронять на плац! Почему не дымится? Я же сказал – бояться!» Фигура вздрогнула и от неё что-то отделилось. Фигура непроизвольно подпрыгнула, видимо действительно не на шутку испугавшись. Очертания фигуры из-за частых вибраций вновь приобрели размытость и стали напоминать серое предгрозовое облако. «Облако» покаянно и как-то боком двинулось в сторону гарнизонного начальника, старательно пытаясь продемонстрировать строевой шаг. Надо отметить, что этот замысловатый шаг фигуре никак не удавался: как только нога взмывала над поверхностью плаца, фигура начинала давать крен в сторону, противоположную поднятой ноге, а для того, чтобы хоть как-то сохранить равновесие и в окончательном позоре не рухнуть на твердую поверхность, этой фигуре приходилось продвигаться вперед, постоянно захлестывая ногой за ногу.

Глядя на это судорожное перемещение, усталый и жаждущий праведного сна военный люд вдруг зашелся в неистовом гоготе. Только сейчас, во время выполнения этих замысловатых «па», стало вдруг очень заметно, до неприличия просто стало заметно, что фигура незадачливого прапорщика была облачена, помимо шинели, лишь в громадных размеров яловые сапожищи и увенчана была потертой, сплюсненной в блин фуражкой. И все. Больше ничего. Совсем ничего! Окончательно подвел прапора кавалерийский шинельный разрез. Прапор, видимо, хорошо, душевно так гостил у знатной доярки из соседнего колхоза. Гостил до тех пор, пока неожиданно рано не вернулся с начавшейся посевной муж этой развратной

передовицы труда – не менее знатный, но морально стойкий тракторист. Вернулся и стал свидетелем сцены, очень живо описанной в одной из песен Высоцкого:

Возвращаюсь я с работы,
Рашипиль ставлю у стены,
Вдруг в окно порхает кто-то
Из постели от жены.

В общем, что успел схватить прапор, прежде чем отправиться в памятный поврежденными конечностями полет, то и напаялил потом на себя. Напаялил, и овладело им вдруг присущее всем военным непреодолимое чувство долга. А окончательно овладев прапором беспокойное это чувство, вдруг пробудило в нем смутные воспоминания. Смутные воспоминания привели, в свою очередь, к обрывочным и резким суждениям в виде безжалостных вопросов к самому себе: «Какое сегодня число? Какой день недели? Месяц? Где я? Уходил из дома сразу же после того, как вернулся из наряда? Или же на следующий день? Куда уходил? Что говорил?»

И вдруг как из рога изобилия на бедовую голову прапора посыпались ответы: «Три дня назад сменился и сразу же ушел. Еще про какую-то войну говорил. Какое-то секретное спецзадание упоминал. Большие деньги Нинке сулил. Последние ведь забрал, сволочь. Где же они, кстати? В мешках, конечно же! А где мешки? Под глазами, как всегда!» Сразу за ответами наметились позывы к конкретным действиям: «Скорее в часть! Меня же, небось, уже ищут там давным-давно! Ищут, наверное, уже и всячески укоряют! И, на этот раз, совершенно справедливо укоряют!» Так вот, скорее всего, сработало неистребимое чувство долга у загулявшего было прапора, схватило оно его и привело на ночной плац. Домой сразу не решился он пойти. А что? Хоть так. И то хорошо. Некоторых прапоров вообще месяцами ищут. С офицерами такого, за редким исключением, не случается. Они, офицеры-то эти, все до одного карьеристы. Им звания и награды всякие подавай, переводы на службу в столицу снятся им. А прапора, что им, сердешным? Они свои гордые звания «знаменосцев» уже давно получили, а награды и переводы им эти без особой надобности. Вот только жилье свое не помешало бы, конечно, занять. А отдельное жилье за загулы как-то не стремился никто им предоставить. Ну а уж если жилье уже получено, – я вас умоляю... Сразу начинает тянуть их на всевозможные в сельской местности приключения, прапоров этих. А коварные колхозницы тут как тут, подстерегают загулявших прапоров, а потом хватить их за шиворот или еще за что – и волокут их, разомлевших от свежего воздуха, в какое-нибудь тихое убежище. А дальше все по накатанной схеме: пригреют прапора-гуляку где-нибудь в удаленной от воинской части деревеньке, доведут самогоном до состояния амнезии и пустят потом по рукам. Только-то тщательно спланированные и добросовестно проведенные оперативно-розыскные мероприятия и могли иной раз спасти доверчивых прапоров от полного физического истощения. Но это все крайние случаи. А здесь... Сам ведь пришел Окрошкин-то, наперекор судьбе, можно сказать, пришел. Не допустил он крайнего случая. Что, скажете, не было у него других адресов? Снова вспоминаем Высоцкого: «У него в любой деревне две-три бабы точно есть!» А он, Окрошкин, собрал всю свою могучую волю в кулак и пришел. Ну, пусть не в той форме одежды пришел он, в какой его хотел видеть в столь поздний час гарнизонный начальник! Но это же не повод, чтобы кричать на весь ночной гарнизон под гомерический хохот уже приплясывающих на плацу военных:

– А-а-а! Гребаный, Шай-храй-чук! Уберите немедленно с плаца своего голожопого прапорщика! Ходит здесь, яйцами по асфальту елозит! Не боится ничего, сволочь: видите кал не дымится? Он же пьяный еще! А потому и герой! Ничего-ничего, я завтра с вас с обеих портки по срываю и мошонки по оборву! В семь утра ко мне с этим Вашим Обрыдлиным,

тьфу ты, дьявол, Обноскиным этим! Или как там его? В общем, вы поняли – с уродом с этим Вашим голожопым! Только не забудьте проверить наличие на нем штанов! И чтобы одеты они были ширинкой назад! Я буду жить с ним весь день! Без перерыва на обед жить с ним буду! Я его научу Родину любить! Я ему покажу прогулки по девочкам! В...у и высушу! Гербарий сделаю! Всё! Все вон отсюда! Ржут они! Вы у меня долго теперь ржать будете! Построение завтра всем в семь утра! (Стучит грозным пальцем по светящемуся циферблату командирских часов). Тьфу! Дьявол! Уже сегодня в семь построение! И будете стоять здесь, пока буду с этим Борщовым разбираться! А потом сами его можете дополнительно отблагодарить! Я разрешаю! Можете благодарить и прямо на меня ссылаться. Р-р-азойдись!

Закончив свой длинный и громкий, в нервозности своей, привычно сексуальный такой монолог, гарнизонный начальник поспешно засеменил к важному своему автомобилю и в мгновение ока исчез в глубине лесного гарнизона. Исчез из поля усталого зрения все еще веселящегося воинства. А чего этому воинству теперь не веселиться? И повод вроде бы есть, и дома уже не ждут сегодня. Вернее, сегодня еще ждут, но только к позднему вечеру.

Наконец, накопленная за день усталость берет верх и бойцы под руководством строгих своих командиров расходятся по казармам. Окна казарменных помещений еще какое-то время ярко светятся, сквозь них доносятся слоновий топот и звуки воды низвергающейся в многочисленные и по-военному, специфические приспособления: коллективные писсуары, туалетные отверстия типа «очко», полнозвучные алюминиевые раковины и т. д. Затем все разом, как у военных повсеместно принято, односекундно все стихает и гаснет. Освещенные призрачным светом дежурного света казармы погружаются в короткий здоровый сон, пропитанный ароматами постепенно твердеющих портянок и густо вымазанных гуталином сапог.

Не спали только в ротных канцеляриях. Обсуждали там события прошедшего дня и строили планы на день грядущий. Не дремали и в канцелярии второй роты. До этого Сергей был представлен всему, так называемому, личному составу роты, а сейчас шло знакомство с офицерами.

– Старший лейтенант Зубчак, – представился, прикрыв ладонью голову (видимо изображая головной убор) и коснувшись пальцами другой ладони правого виска в шутливом приветствии, невысокий темноволосый офицер – местный замполит, Рижское политическое училище Ракетных войск.

– Старший лейтенант Бланута, – продолжил процедуру представления высокий, худощавый и очень серьезный на вид офицер, – командир первого «краснознаменного» взвода, Ставропольская военно-ракетная бурса.

– Лейтенант Захарук, – прогундосил печального вида лейтенант – командир второго взвода.

– И, наверное, тоже «краснознаменного»? – поинтересовался Сергей, узнав в лейтенанте когда-то курсанта младшего курса, проходившего военное обучение на одном с ним факультете – все таки, как-никак знаменитая питерская школа?

– Нет-нет, «краснознаменный» взвод у нас только у Блануты, потому как он по совместительству еще и знаменным взводом назначается на всяческие наши праздники, – грустно пояснил, покачивая печальным носом лейтенант и вдруг встрепенулся, – а как Вы догадались, что я питерское училище заканчивал?

Личность курсанта Захарука была известна всему факультету. Известность базировалась на внешней оригинальности его повседневного поведения. Поведение это обуславливалось инородностью Захарука относительно той грубоватой среды, в которую он был внесен волной военно-книжного романтизма. В силу полученного когда-то и где-то воспитания, он совершенно искренне не понимал, как это так можно: ничего из указанного накануне начальником не сделать, а уверенно доложить ему, что все сделано и еще, не моргнув глазом

получить вдобавок за все невыполненное начальственную благодарность и со спокойной душой убыть в внеочередное увольнение? Это же ложь! Это же несусветная подлость! Или же, не понимал он, как это так можно: попросить, например, у товарища мочалку в бане, если своя родная мочалка вдруг не была обнаружена в своей же прикроватной тумбочке? Это же не гигиенично! Были у него, кроме всего прочего, одно время проблемы чисто сексуального характера. Он, например, совершенно искренне не понимал: как это можно тыкать детородным органом в другого человека? Это же, наверное, во-первых, больно, а во-вторых, уж точно не гигиенично.

Все свое свободное время проводил он за стареньким дребезжащем роялем, оставшимся в училищном клубе, видимо, в наследство от размещавшегося здесь когда-то Преображенского полка. Так и сидел в течение пяти лет, разучивая и исполняя одно за другим классические произведения, тогда как его менее утонченные товарищи сначала неистово шастали по женским общежитиям, а затем слегка остепенились и перешли к поиску оптимального сочетания всестороннего общения с женским полом и настойчивого приобщения к культурно-историческим ценностям Великого города на Неве. Оригинален был Захарук и в решении простых и понятных каждому бытовых проблем. Так товарищи застали его как-то за самого себя подстриганием в темной комнате сидючи. «Паш, ты хотя бы свет включил!» – воскликнули удивленные товарищи, щелкнув переключателем. «А зачем? – ничтоже сумняшись отвечивал Захарук. – Все равно ведь ничего не видно». Вот с такими оригиналами предстояло служить дальше! Однако время меняет людей. Сергей с большим удивлением узнал, что Паша уже оказывается год как женат! (Позже он узнал, что Паша женился на девушке с которой познакомился в поезде, следующим к новому месту службы после окончания училища. Женился Паша на третий день после первого знакомства поспециальной военной справке, позволяющей предельно ускорить этот процесс. «Во как! Пять лет терпел парень, не выходя из казармы и тут, видимо, прорвало!» – подумал Сергей узнав подробности Пашкиной женитьбы). Но само. По себе это событие внушало определенный оптимизм. Подавив в себе рожденный училищными воспоминаниями приступ смеха, Сергей очень с серьезным выражением лица ответил лейтенанту: «Да нет, конечно же, нет у Вас каких-нибудь внешних отличительных признаков, товарищ лейтенант (а как же, теперь никаких «пашек», Сергей нынче командиром ему доводится и обязан искоренять всяческие признаки панибратства), просто вдруг вспомнил я, что как-то мы с вами в самодеятельности вместе участвовали. Помните акробатические этюды под Ваш, проникновенный аккомпанемент? Да-да, был я одним из этих акробатов. Вы-то за роялем в гордом одиночестве в свете рампы всегда пребывали, поэтому-то и запомнились всем».

Знакомство продолжилось, и Сергей узнал, что третьим взводом командует старший лейтенант Затыгулин, рыжий веснушчатый татарин, второй год перехаживающий свое гордое звание (и есть ведь чем гордиться – в армии ведь всего три старших имеется: старший сержант, старший прапорщик и старший лейтенант). Четвертый взвод уже почти год возглавляет сонный (это он всегда такой или только сегодня?) лейтенант Николаев, а на пятый взвод офицеров в Ракетных войсках не хватило и поставили им командовать самого талантливого и уравновешенного, несмотря на доставшуюся ему по наследству фамилию, во всей округе прапорщика Замутянского. Вспоминая события прошедшего дня, необходимо отметить, что во время знакомства поведение «великого» не отличалось уже прежней агрессивностью. То ли прочувствовал он силу сжатой внутри Сереги пружины сопротивления всяческим проявлениям «вождизма» и не ускользнуло от него полное отсутствия в Сергее чувства страха пред лицом начальствующим. Отсутствие именно того чувства страха, которое порождает должную, с начальственной точки зрения, степень к нему, начальству этому, подобострастия. А может, вспомнил «великий» параграф в учебнике военной психологии «Первичное знакомство с подчиненными»? Вспомнил и понял, что начинать знакомство с каких-нибудь

обвинений – это очень даже не педагогично. Поэтому-то «великий» может и улыбался? И иногда пытался он как-то даже пошутить? Кто его знает. Ладно, ближайшее время покажет, познакомимся со всеми поближе, как говорится, по ходу дела познакомимся. Изучим манеры и повадки друг друга. Но это все потом, сейчас же необратимо приближалось время очередного построения, и необходимо было хотя бы чуть-чуть поспать. Поспать не для того, чтобы отдохнуть – для этого очень много времени надо. А поспать для того, чтобы вернуть себе хоть какой-то позитив в восприятии внешнего мира. Чтобы не все так тошно было. Для этого нужно просто так взять маленькую такую медицинскую пипетку, набрать в нее во время сна пару капель оптимизма и влить его в едва приоткрывшееся с утра очи. Затем необходимо веками этих очей долго с нажимом хлопать одним об другое и с удовлетворением отмечать внутри себя факты приобретения окружающей действительностью оптимистических оттенков.

Выйдя на улицу, офицеры попрощались и разошлись, оставив в казарме единственного прапорщика-взводного в качестве самого ответственного в целой роте на сегодняшний день лица. Попутчиков Сергеем не нашлось – все жили в разных концах лесного гарнизона. Но, пройдя сотню метров, он наткнулся на своего однокашника Мишку, обнаруженного ранее в строю другой роты. Тот, видимо, специально поджидал его неподалеку от общежития. Радостно обнялись. Вкратце рассказали друг другу о трехгодичных своих мытарствах. Узнав, что Сергей остановился в общежитии под лестницей, Мишка стал звать его на ночлег к себе в отдельную комнату в трехкомнатной квартире, где по соседству с ним жили еще две семьи таких же как и он, прибывших в гарнизон три года назад, старлеев. Но, не желая стать причиной ночного переполоха, Сергей отказался и побрел «к себе» под лестницу.

Заспанная дежурная долго не хотела открывать ему, спросонок не узнав в Серее своего нового постояльца. Несмотря на позднее время, с верхних этажей общаги неслась вниз грустная в надрывности своей песня о трупах возле танка. Песня выражала так же сожаление о том, что дорогая так теперь никогда и не узнает, каков у парня был конец. Парень этот, с неизвестным концом, по видимому, и был одним из четырех трупов. А может быть, он был одновременно всеми этими четырьмя трупами сразу. Некий собирательный такой образ на войне убиенного с неизвестным никому концом. Судя по манере исполнения этой жалостливой песни, наступила уже последняя стадия комсомольского гуляния. Очевидно, гуляли собравшиеся на слет комсомольские активисты. Отмечали, так сказать, удачное завершение слета, во время которого наверняка были намечены важнейшие вехи развития резерва мирового коммунистического движения. А против него, против резерва-то этого, не попрешь. Не призовешь его, всегда бурлящего, к тишине и порядку даже в ночное время. Резерв сразу начнет мстить и может сообщить какие-нибудь гадкие в вымысленности своей подробности вашего грубого ночного поведения самым бдительным представителям родной коммунистической партии: «И еще, называл вас всех земляными червяками!» А уж если партия на вас обидится... Даже по такому вот подлейшему навету... Никто в дальнейшем вам никогда не позавидует. И вот, видимо, поэтому истомившаяся в своем молчаливом бессилии пред безжалостным лицом карающей партии дежурная вдруг решила оторваться на Сергее: «Некоторые не успеют приехать и уже шляются где-то по ночам. А ведь мы знаем, что женатые они, навели мы уже справки-то где надо. Ни стыда, ни совести!» «Любимая, без всякого сомнения: ты – мой идеал! Но ведь других-то баб никто не отменял!» – с ходу процитировал Серега чьи-то стихи и проскользнул к себе под лестницу тщательно разровняв импровизированную ширму. Его величество Сон подчинил старлея себе сразу. Но поспать в наступающие сутки было не суждено. Буквально через полчаса после того, как Серега устало сомкнул веки (вернее, веки сомкнулись без всякого Серегина участия), «завучали в ночи тяжело шаги: значит, скоро и нам уходить и прощаться без слов». Это были звуки шагов, сотворенных тяжеленными сапогами посыльных, извещающих офицерский состав о поступлении

«сверху» радостной для всех для них вести о начале очередных учений и объявленной по этому поводу общегарнизонной тревоги. Как правило, такие события наступают далеко не неожиданно, и о том, что они наступят, все военные обычно узнают за неделю. Но бывают и приятные исключения. Исключение неожиданно состоялось. Похоже, состоялась действительно неожиданная тревога. «А может вовсе все это не так уж и неожиданно? – думал Сергей, быстро облачаясь в помявшуюся в чемодане полевую форму и натягивая тяжеленные яловые сапоги, – не случайно ведь они весь вечер по штабу с документами носились». Выскочив из общаги, Сергей влился в один из ручейков деловито спешащих в казармы к своим подразделениям «встревоженных» военных. Несмотря на это чем-то настораживающее слово «тревога», лица спешащих военных не были ничем встревожены. На мордах их помятых лиц застыла гримасса крайнего раздражения, вызванного внезапноранным пробуждением. Военные строят и вооружают свои подразделения, выводят их на плац, где снова строят для заслушивания боевого приказа. Заслушав приказ о выдвижении, развертывании и организации боевого дежурства, военные быстро передвигаются в автопарк, рассаживаются по нашпигованным всякой хитрой аппаратурой боевым машинам и выдвигаются в полевой район. По парку снуют какие-то совсем не похожие на отъезжающих военных и очень подозрительные типы. Типы упакованы в тщательно отутюженную офицерскую форму «с иголочки». В руках у типов то и дело мелькают канцелярские блокнотики и отливающие серебром секундомеры. Это были внезапно прибывшие к отъезжающим военным инкогнито посредники из вышестоящих штабов. Отъезжающие военные всегда недолюбливали прибывших инкогнито и, проезжая мимо черкающих что-то в блокнот и поглядывающих на секундомер посредников на тяжелом двухкабинном «МАЗе» старались так «газануть» из всех его выхлопных труб сразу, чтобы посредник сразу стал бы похож на покрытого гарью и пахнущего соляжкой боевого офицера. Если это удавалось, то военные, едущие на следующем «МАЗе», уважительно прикладывали ладони своих правых рук к вискам, приветствуя новоиспеченного боевого офицера. Если же посреднику удавалось как-то избежать боевого крещения (трусливо отпрыгнуть в кусты или униженно быстро пригнуться), то военные, едущие на следующем за неудачником «МАЗе», просто не замечали этих «инкогнито». Военные, в этом случае, придавали мордам своих лиц строгие выражения и, тщательно вглядываясь в зовущую тревожную даль, с пренебрежением проезжали мимо этих наглаженных и пахнущим одеколоном «хлюстов».

Наконец боевые машины выстраиваются в строгие колонны и, согласно поступившему приказу, выдвигаются в позиционные районы. Каждая колона выдвигается в свой строго определенный район. «Смотры, нэ пэрэпутай, Кутузоу!» – кричит Шахрайчук, тыча пальцем в карту каждому из ротных возглавляющих колонну своей роты. Наконец он прыгает в свой «УАЗик» и исчезает в предрасветных сумерках. Колонны яростно ревут и устремляются вслед за исчезнувшим пострелом. «Во как, – удивляется Сергей, согласно боевому порядку замыкающий на своем «КРАЗе» ротную колонну, – ни тебе разведки, ни боевого охранения. Где БТРы и БМП? Понятно, что это не Афган, а центральная Россия. Но все же? Надо же, чтобы все как на войне было. Даже если линия фронта далеко, здесь в округе все равно будут шастать диверсионно-разведывательные группы противника. Ну, наверное, так надо. Наверное, я чего-то не понимаю. Не тому, чему-то, наверное, меня еще в училище учили. И «духи», наверное, как-то неправильно себя вели. Хрен их поймешь, стратегов этих». Он с удовлетворением смотрел на громадный «КРАЗовский» капот, граничащий с линией горизонта, и думал: «Однако, отличная машина – этот призванный на военную службу карьерный грузовик. Иметь два метра жизни спереди – это вам не шутки».

Колонна, судя по карте, уже въехала на территорию Калужской области, когда Сергей заметил впереди себя на развилке дорог какую-то странную фигуру. Фигура принадлежала военному регулировщику, облаченному в черный кожаный комбинезон, перепопсан-

ный белым ремнем с белой же портупеей. На голове странной фигуры громоздилась большая белая каска с ярко-красной звездой. Регулировщиков всегда высылали впереди колонн и ставили на особо важных перекрестках. Важность перекрестка определялась ценой возможной ошибки едущего на выполнение боевой задачи военного. Если на одних перекрестках военные, допустив ошибку, уезжали куда-то недалеко от того места, куда должны были приехать, и их быстро отыскивали, то ошибки на других перекрестках приводили к тому, что военные уезжали в такие дальние дали, которые были даже не обозначены на выданных им картах. В этих случаях приходилось учения прекращать и бросать все силы на поиски пропавших героев. Через некоторое время героев находили на каких-нибудь дальних от асфальтовой дороги хуторах и возвращали их погрузившие фигуры на службу. Некоторые герои к моменту их счастливого обнаружения уже успевали обзавестись новыми семьями и привыкнуть к парному молоку со свежими сливками, и поэтому возвращаться к родному очагу уже никак не хотели они. Не поддавались они даже на уговоры специально приезжавших издалека замполитов. А ведь эти мастера партийной словесности при желании могли уболтать любого. (Могли они, к примеру, при желании даже уговорить Черчилля вступить в коммунистическую партию Советского Союза). И вроде бы желание кого-нибудь на что-нибудь уболтать у замполитов присутствовало всегда, но в некоторых случаях ничего не получалось и у них. Тогда в дело вмешивались особы, называемые военными «молчи-молчи», и дело сразу шло на лад. После короткой, но, видимо, очень душевной беседы с «молчи-молчи» заблудившиеся военные вдруг как-то подозрительно быстро соглашались на все условия возвращения и виновато покидали места своего «заблуда» с обещанием когда-нибудь вернуться. Но, как правило, не возвращались. Не возвращались, главным образом потому, что не помнили эти военные, куда они, собственно, обещали вернуться. А карт тех местностей у них не было. Вот для того, чтобы от таких стрессов во время проведения учений особо «блудливых» военных оградить на опасных в своем искусе перекрестках, по всему пути наступательного движения грозных колонн все время выставляли регулировщиков.

Вот на такого регулировщика и обратил внимания Сергей. Вроде бы регулировщик как регулировщик. Но уж больно как-то странно он пытается все на этой дороге отрегулировать: когда регулировщик пытался указующе вскинуть тяжелый жезл, жезл неумолимо тащил его за собой и регулировщик некоторое время бежал в указанную им сторону, словно увлекая за собой тронувшийся было с места транспортный поток, но через несколько секунд жезл импотентно обвисал, и регулировщик неожиданно замирал, слегка покачиваясь и потерянно вглядываясь в даль раскинувшихся перед ним полей. Водители в недоумении пытались взбодрить мечтателя пронзительными звуковыми сигналами, нелицеприятными выкриками через опущенные стекла дверей автомобилей, но тщетно... Регулировщик был во власти каких-то протекающих внутри его организма процессов и не обращал никакого внимания на окружающую его действительность. Действительность начинала накаляться, и от учинения самосуда на дороге ее еще сдерживало уважение к красной звезде, алевшей на лбу задумчивого регулировщика. «Да, тут, видимо, какие-то проблемы, – оценив обстановку подумал Сергей и, остановив машину, двинулся к вновь замершему после ритуального «танца с жезлом» регулировщику, пытаясь еще издалека вдохнуть в него жизнь. – Ты, что, боец, охренел что ли с перепугу? Тебя же сейчас либо раздавят, либо морду набьют. Не спасут ни дубинка, ни каска». Но боец отреагировал на старлея, только когда тот схватил его за шиворот и оттащил на обочину. Отреагировал нечленораздельным мычанием, сопровождавшимся испусканием резкого, далеко распространяющегося запаха технического спирта с характерным керосиновым оттенком. «А-а-а, вон оно в чем дело, – разозлился Сергей и потрянул регулировщика за шиворот, приводя его в чувство, – где прапорщик? Где прапорщик, сволочь?» Чуть придя в себя, боец-регулировщик смог только взмахнуть рукой в сторону придорожных кустов. Аккуратно уложив юного «алкоголика» в уже просохшую придорожную канаву,

Сергей подошел к кустам. Взгляду его предстала картина, вместившая в себя два беспорядочно валяющихся пьяных тела: прапора (старшего поста) и еще одного горе-регулирующего. Пьяное тело прапора, задрвав подбородок, сильно храпело. «Когда же они успели, а самое главное где же они достали этого керосинового спиртыги в такое время, – подумал про себя Сергей. – С момента их раннего уезда из части прошло не более двух часов, в стране повсюду свирепствует антиалкогольная компания и, к тому же, на полях полным ходом идет посевная. А во время посевной и уборочной добыть какой-либо спиртосодержащий продукт (даже тройной одеколон) в сельской местности было практически невозможно. Наверняка прапорюга этот ошалелый где-то заранее спиртыги скомуниздил да еще щенков этих напоил. Немолодой ведь уже мужик, а ума, видимо, так и не нажил. Вышибут теперь из армии идиота без выходного пособия и пенсии. Ну что же, как говорится, если человек дурак, то это надолго». Внимательно оценив состояние валяющихся на земле тел, Сергей даже не стал предпринимать попыток приведения их в чувство. Тела были быстро переброшены в кунг «КРАЗа», и движение было продолжено.

Но на этом дорожные приключения старлея не закончились. Вскоре колонна въехала в полосу густого тумана, клубившегося в одной из низин среднерусской возвышенности. Сергей с трудом угадывал в молочной пелене габаритные огоньки впереди идущей машины. Несмотря на предельно малую скорость передвижения замыкающего колонну «КРАЗа», огоньки вдруг стали стремительно приближаться к его кабине, и старлей дал команду водителю остановиться. От резкого торможения Сергей едва не достал головой лобового стекла объемной «КРАЗовской» кабины, самортизировав от спинки сидения. «Тьфу ты, дьявол, – подумал Сергей, – забыл совсем, что нельзя военному водителю отдавать таких резких команд, он их так же и выполнит. Учили ведь: включаем сигнал правого поворота, руль чуть вправо, плавненько притормаживаем, останавливаемся». Габаритные огни впереди идущей машины стали удаляться, но как-то неестественно медленно. «Давай за ним, – скомандовал Серега водителю, – подтянись как можно ближе и плавненько остановись, не так как прошлый раз, а то будешь потом мою башку в кювете искать». Водитель, подкравшись как можно ближе к впереди ползущему тихоходу, начал уже было притормаживать, когда Сергей в нетерпении прыгнул с высокой подножки, чертыхнулся от боли и, прихрамывая, принялся бегом догонять «ползуна». Вскоре причина столь медленного перемещения грозной боевой машины была выяснена. Причина крылась в особенностях личностей, сидевших в кабине военных. Ведь давно уже известно, что причина почти всех злключенияй, встречающихся на наших дорогах, заключается в особого рода прокладке. Прокладке между рулем и сиденьем. В этот раз старшим машины был лейтенант Захарук, а водителем ему сегодня был «ниспослан небом» рядовой Заболонник – долговязый, дебиловатого вида деревенский парень, попавший в армию (как потом выяснил Сергей) с удостоверением тракториста-машиниста широкого профиля. И, видимо, профиль его был настолько широк, а дефицит водителей в батальоне настолько очевиден, что ему, ничтоже сумняшись, было доверено вождение боевых машин в колонне («Какое там ГАИ? Кто будет останавливать боевую колонну?») Когда Сергей поравнялся с кабиной «ползуна», его взгляду представилась следующая картина. На расстоянии метров десяти от безжалостного бампера тяжелой машины, часто семена лосиными конечностями, передвигался лейтенант Захарук, державший над головой карманный фонарь, а за ним крался, слегка надавливая на педаль газа, прилипнув лбом к лобовому стеклу (может оно, стекло, именно поэтому так и называется?) и выпукло тараща глаза на огонек дрожащего впереди фонаря, рядовой Заболонник. На не обезображенной интеллектом морде лица рядового застыло выражение безотчетного ужаса. «Да-а-а, дела! – подумал Серега. – Далеко ли мы так уедем?» Забыв про недолеченные болячки, он быстро вспрыгнул на подножку автомобиля, чем поверг в еще более глубокий шок Заболонника, в панике бросившего было руль. «Спокойно, боец, – как можно безразлично произнес в открытое окно

Сергей, – возмись за руль. Хорошо. Теперь чуть в право. Чуть, я сказал! И теперь полегоньку останавливайся. Хорошо. Молодец боец! Лейтенант, Захарук! Остановитесь же вы наконец! Подойдите живо сюда!» Огонек как всегда о чем-то задумавшегося и уже достаточно далеко ушедшего лейтенанта удивленно вздрогнул и остановился. Через некоторое время огонек начал приближаться.

– А, это вы, товарищ старший лейтенант? А я уж думаю, куда это Вы запропалились. В задние зеркала смотрю – нет Вас. Думал, заблудились Вы уже где-то по-первости.

– Да нет. Картой в свое время научили пользоваться. Пришлось остановиться и «измученных нарзаном» регулировщиков погрузить.

– А-а-а, вот в чем оказывается дело! А я и думаю, что-то как-то странно они себя ведут. Рядовой на дороге качается, а прапор в кустах руками зачем-то размахивает. Думаю: может, вводную какую отрабатывают. И не стал останавливаться.

– Да-да, вводную: отравление нервнопаралитическим газом. Вам и не надо нигде останавливаться, – это не Ваша задача. Ваша задача – норматив по совершению марша в позиционный район выполнять, а вы ползете как черепаха!

– А что я могу сделать? Этот урод уже два раза чуть в кювет не улетел. Не видит, видите ли, он ничего в тумане. Какая-то «туманная слепота» у него. Чуть не угробил машину и экипаж. Полный кунг у меня бойцов и аппаратуры!

– Почему это полный кунг? Должно быть три человека.

– Три экипажа у меня там. Транспортный «Газ-66» не завелся, пришлось его в парке оставить, а бойцов всех сюда засунуть.

– Сплошные нарушения у Вас, товарищ лейтенант. Да и сами бесстрашно так вышагиваете перед пятитонным агрегатом, за рулем которого трясется ополоумевший «слепой» водитель. Он ведь сейчас с перепугу «газ» с «тормозом» перепутает и...: «Напрасно старушка ждет сына домой...». Душераздирающая картина: расплющенное тело лейтенанта ракетных войск, подающее световые сигналы заблудшим в тумане автомобилям и самолетам соотечественников. Какая смерть! Какой высокий подвиг! А самому за руль?! Вас же учили, и права, наверное, выдали?

– Права-то есть, но ведь сдавал я на них еще на втором курсе. Сами знаете. А после этого ни разу за рулем не сидел.

– А почему? Вы уже год в части и за вами аж целых четыре автомобильчика числятся! И за руль-то надо бы периодически садиться. Садитесь и по пустому парку хотя бы иногда нет-нет да и по несколько кругов так про между прочим нарезать. Но нет, Вы выше этого. А все потому, что забыт старый и верный командирский принцип: «Делай как я!», а Вы, видимо, за порочным современным лозунгом: «Делай как я сказал!» решили отсидеться? Ладно, потом разберемся. Сейчас надо норматив выполнить. Я сейчас вас подцеплю и до границы тумана дотащу. Дальше сами.

– Хорошо, Сергей Михалыч.

– Не «хорошо Вася», а: «есть, товарищ старший лейтенант!»

– Есть, товарищ старший лейтенант!

– Вот так-то оно будет лучше. Это за столом, за рюмкой чая мы с Вами однокашники. А здесь я и по должности, и по званию старше Вас. Это понятно?

– Понятно.

– Действуйте. Цепляйте буксировочный трос.

Лейтенант Паша, уныло опустив свой нос-«вопрос», засеменил к своей перегруженной машине, и вскоре туманная округа огласилась его возмущенными воплями. Не вслушиваясь в смысл Пашиных воплей Сергей описанными в Уставе жестами подогнал и поставил перед «ползуном» свой могучий «КРАЗ». Пашины крики все не умолкали, и Сергей вынужден был продолжить свое общение с рассеянным лейтенантом. Подойдя к месту Пашиных возмуще-

ний и вникнув в их суть, Сергей едва не лопнул от сдерживаемых приступов смеха. Оказывалось, пока Паша уныло брел по туманной дороге с фонариком, простой парень Заболонник, видимо, борясь с никак не отступающим от него стрессом, умудрился «умять» все Пашины пирожки, заботливо испеченные женой и упакованные им в свой «тревожный» чемоданчик. Пирожки были Пашиной страстью и он уминал их с поразительной быстротой, как только для этого выпадала хоть малейшая возможность. Он постоянно таскал их с собой, завернутые в промасленную бумагу и тщательно упаковываемые в то, что хоть как-то приличествовало обстановке. В кожаную папку – если шел на партийное собрание, в брезентовую сумку из под эксплуатационной документации – если шел в парк руководить регламентным обслуживанием техники и т. д. И все всегда было нормально. Хотя окружающим Пашу офицерам не всегда нравились эти его странности. Особенно когда эти окружающие были голодны. Делиться-то Паша никогда не торопился. Только под градом грубых военных насмешек. Но, в любом случае, Паше доставалась львиная доля предметов его обожания. А вот сейчас этого не произошло. Хотя, казалось бы, надежно все упаковал он в «тревожный» свой чемоданчик, защищенный двойной молнией, а трагедия все равно неприминула случиться. Туловище лейтенанта едва не выпрыгивало из сапог: «Вы подлец, Заболонник! Вы вор! Я отдам Вас под суд военного трибунала!» «Да я это... Товарищ, лытынант... Так пахнут... Думал, чуточки отломаю... А воны кончылысь... Можэ, нэ надо зараз в турму-то? Я вед вирну, мамке зараз напишу она прышлэ». – ковыряя носком сапога асфальт виновато гнусавил еще больше испуганный Заболонник. «Все, хватит! Позже разберемся! – рявкнул справившийся с приступами душившего его смеха Сергей, – Заболонник, цепляйте трос. Куда же ты, балбес? Шпильку в фаркоп вставь. И чтобы держал дистанцию, Заболонник! Иначе ты у меня не в тюрьму попадешь. Убью я тебя, лично убью. Вот этой монтировкой убью. Понял меня? По машинам!» Движение наконец-то было возобновлено. «Скорей бы уже доехать, – думал Серега, – развернуться бы поскорее, войти в связь, да и поспать хоть пару часиков где-нибудь. Кстати, а как у этих «стратегов» организован отдых личного состава в полевых условиях?». Голова его почти бессильно болталась в нахлынувшей полудреме, а полупотухшее сознание подсчитало, что за прошедшие двое суток поспать ему пришлось от силы часа три. «Суточному наряду разрешается спать (отдыхать лежа) не более четырех часов, – пришли на память спутанные строки из Устава, – не более четыре часов... Три часа – это не больше четырех. Так это же за сутки... А у меня третьи уже пошли. Да и не в наряде, вроде как, я...».

Но не надолго сегодня выпало чуть полувздремнуть расслабившемуся было старлею. Не до конца угасшее сознание внезапно просигнализировало о какой-то угрозе. Туловище старлея встрепенулось и привело расслабившееся было сознание в состояние полной боевой готовности. Боеготовое состояние позволило выявить прямо по курсу наступательного передвижения арьергардадвигающейся на учения колонны лениво перебегающего дорогу лося. Лось был едва заметен в рассеивающихся клубах низинного тумана и перебежал он дорогу, скорее всего, не так уж и лениво – шел знакомый всем живым весенний гон и он, как только мог стремился широким шагом куда-то в лесную чащу к призывно голосившей где-то подруге и ничего в округе не замечал. Но этой скорости оказалось недостаточно. Очевидно, не так быстро передвигался он, романтически задрав рогатую свою голову, для того чтобы избежать травмы не совместимой с самой его жизнью. «Тормози!» – вскинулся старлей. «Вижу!» – коротко бросил за мгновение до команды начавший тормозить водитель. Но было уже поздно. Уйти влево нельзя – по встречной полосе кочегарил клубами солярки такой же «КРАЗ». А справа глубокий кювет и лес с его жесткими даже для тяжелой машины стволами. Резкое торможение, мягкий тычок лосинного тела о бампер (что для многотонного «КРАЗа» два центнера увенчанного рогами лосинного мяса?), и по-предательски жесткий удар сзади заболонниковского «Урала»! «Вот сволочь, – думал Сергей, рассматривая помятый бампер «Урала» и разбитые задние фонари «КРАЗа», – опять все проспал и просрал

этот Паша. Недалеко ушел от своего вороватого горе-водителя. Сидят теперь и трясутся оба за потрескавшимся стеклом кабины. Боятся выходить-то гады, но сейчас придется». Сергей уже направился было к кабине, когда заметил испуганное исчезновение в ней двух голов. Головы стремительно обрушились куда-то вниз. «Ну все, обосрались оба окончательно, как вот с такими можно будет воевать и еще побеждать кого-то? – подумал Сергей и только сейчас обнаружил зажатую в ладони большую заводную ручку. – А-а-а, вот в чем дело... Грозился ведь «в случае чего» убить. «В случае чего» наступило. Вот поэтому и трясутся. Они ведь все, не нюхавшие порошу, считают «афганцев» такими чокнутыми «дураками», для которых убить человека – это как, иногда говорится, два пальца под струю. Наверное, так оно и есть. Во всяком случае, пусть боятся дальше. Боятся – значит уважают». Сергей забросил (от греха подальше) заводную ручку в кабину «КРАЗа» и направился к дрожащим на полу кабины трусам. Те, видимо, за ним наблюдали. Отметив отсутствие в руках старлея грозного оружия, головы вновь вынырнули из своего позора и замаячили за треснувшим стеклом «УРАЛа». При этом голова «старшего машины» совершала наступательно клюющие движения уныло повисшим носом в сторону оправдательно кивающей головы «слепого» водителя. «Да-да, Паша, теперь самое время как следует заняться воспитательной работой, – с презрением подумал Сергей и стал внимательно осматривать дорожное полотно. – А где же лось? Что-то нигде его не видно. Может, все-таки выжил, сластолюбец эдакий, и скрылся? Надо как можно быстрее в этом убедиться, либо срочно прятать куда-то его тушу. Иначе от егерей потом не отобьешься. Все денежное содержание уйдет на штрафы». Тушу лося Сергей обнаружил в кювете метрах в сорока от последней машины. Следы внешних повреждений на туше отсутствовали, за исключением обломанного рога. «Видимо, от сотрясения мозга, – подумал Сергей, – надо же, зверь ведь вроде. Зачем, казалось бы, ему мозг? Кору глотать и лосих драть можно, наверное, и без мозгов. Но вот, поди ж ты, тоже без них никак. Сотряслись и – амба». Кусок лосинного рога, напоминающий кусок коры застарелого дерева валялся неподалеку. Дабы замести следы невольного преступления, его пришлось отбросить ударом сапога в глубокий болотистый кювет. В сожалении о незавидной лосинной участи, Сергей дошел до дверей кабины «УРАЛа» и, открыв дверь, приказал растерянному хлопающему веками враз поглупевших глаз Захаруку: «Лейтенант, возьми пару-тройку бойцов из своего преступно переполненного кунга и быстрее тащите лося в мою машину. Лось вон там, в сорока метрах отсюда. Подъезжать не будем, маневрировать уже некогда. Если появится какая машина – лося в кювет и всем изображать коллективное справление малой нужды. И по краю тащите, а то еще бойцов твоих, как лосей, здесь понашибают. Живо!» Лейтенант Паша суетливо принялся за исполнение приказа, а Сергей пошел к своему «КРАЗу», сметливый водитель которого уже растворил двери кунга для приема очередного «гостя». Уставшие регулировщики отдыхали в тех же позах, в которых их недавно складировали. И ничто не могло нарушить покоя этих беззаветных тружеников автомагистралей. Ни бегающие по проезжей части любвеобильные лоси, ни коварство подлых в подслепова-тости своей «заболонников». Свежую тушу остывающего лося быстро уложили рядом со спящими и сразу же тронулись в путь. Нормативы свершения марша трещали по всем швам. До позиционного района по Серегиным подсчетам оставалось километров двадцать, а контрольное время заканчивалось через тридцать минут. Успеть еще было вполне возможно, но с этими «заболонниками»...

Ревущий «КРАЗ» с болтающимся за ним на высоких ухабах «Уралом» ворвался в полевой район за две минуты до окончания нормативного времени. На лице зафиксировавшего этот факт посредника отразилось сожаление, но, заметив мятый бампер и разбитые фонари, штабной чистоплюй разом просветлел и принялся что-то агрессивно черкать в свой погрязший в бюрократизме блокнотик.

В полевом районе полным ходом шло разворачивание боевой техники. Угрожающе раскачиваясь на растяжках, устанавливались мачты антенн, раскидывались лоскутные полотна массетей, повсюду разносились кузнечные звуки многоголосого вбивания кольев заземления, и поначалу на прибывших никто не обратил внимание. Но как только запоздавшая аппаратная снова заняла место в развернутом боевом строю и экипаж приступил к ее разворачиванию, как гриб из под земли перед Сергеем вдруг неожиданно вырос воинственный Пчелкин в съехавшей на бок фуражке-аэродроме, на этот раз полевого фасона:

– Где вас черт носит, Просвилов? Захарук с десятком бойцов исчез куда-то, Вас нет, целый пост регулировщиков – как слизало с дороги! Комбат тут бежит. весь на говно постепенно исходит, а я ни бе, ни ме, ни кукареку ему ответить не могу!

– Это очень плохо, Пчелкин, если Вы до сих пор с ходу правдиво звиздеть начальству не научились. А по поводу того, что меня где-то носит, Вы бы лучше об уровне водительского мастерства своих водителей и старших загодя побеспокоились бы.

– Теперь уже и Ваших, товарищ старший лейтенант!

– Вот я уже и приступил к исправлению пока еще Ваших недоработок. Прошу обратить внимание на результаты выработки у личного состава навыков езды на гибкой сцепке.

– Да-а-а, бампер-то – черт с ним. Пока здесь стоим Заболонник снимет его и отрихтует, он, кроме того что болты крутить и молотком стучать, больше ни на что и не способен. А фонари-то где я Вам тут в лесу достану?

– А где же Ваш запас? ЗИП-то Ваш где?

– Какой еще ЗИП? Вы в своем уме? Тут только и успеваешь, что дыры латать!

– Ну, дыры – это уж совсем... Это уже признак бессилия.

– Ловлю Вас на слове. Как вернемся, так Вы этим бессильем и займетесь. А сейчас ознакомьтесь со схемой организации связи и приступайте к контролю нормативов установления связи.

– Не так быстро, у нас с Вами еще два незавершенных мероприятия.

– ?????

– Извольте пройти к моему «КРАЗику».

Когда Сергей с «Буонапартом» были уже почти у цели, на них из-за толстого соснового ствола набежал, свирепо вращая глазами, неистовый подполковник Шахрайчук. И без того высокий уровень свирепости которого был существенно повышен тем обстоятельством, что его воинской незащитностью только что в очередной раз воспользовались в конференцзале командно-штабной машины (КШМ). И воспользовался не кто иной, как какой-то **заместитель** командира пусть даже и вышестоящей части. А поскольку часть была вышестоящей, этот **заместитель** являлся для Шахрайчука прямым начальником. Нет-нет, этот заместитель ничего противоправного не совершал, пользуясь своим более высоким положением. Он, всего-то навсего, имел неосторожность предложить бывшему танкисту доложить схему организации связи на предстоящие учения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.